

Юрий Ситников

КОТ

Юрий
Ситников

КОТ

Юрий Ситников

КОТ

Это история домашнего кота, который по вине людской прихоти был вынужден скитаться в поисках хозяев. На своём пути к дому Коту пришлось преодолеть множество препятствий, столкнуться с добром и злом, верностью и предательством, познать человеческую теплоту и любовь, равнодушие и непримиримость.

«Повесть о Коте – это рассказ о моем питомце, которого мы взяли с улицы. Избитый, он лежал под лавочкой возле подъезда. В ветеринарной клинике сказали: кот старый, к тому же сильно покалеченный, и предложили усыпить. Мы решили его лечить. Он прожил у нас пять лет. Когда я писал повесть, мне казалось, что вся эта история могла в действительности произойти с нашим котом до встречи с нами».

Юрий Ситников

ISBN 978-5-906819-57-4

9 785906 819574

12+

Юрий Ситников

КОТ

ББК 84 (2Рус-Рос)

УДК 82-32

С 41

Ситников Ю.

С 41 Кот: Повесть — М.: Аквилегия-М; 2017. — 400 с. — Б.ц.

Иллюстрации на обложке А.Сичкаря

Это история домашнего Кота, который по вине людской прихоти и жестокости был вынужден скитаться в поисках хозяев. На своём пути к дому Коту пришлось столкнуться с добром и злом, верностью и предательством, познать человеческую теплоту и любовь, равнодушные и непримиримость.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Серия

«Тузик, Мурзик и другие...»

ББК 84 (2Рос-Рус)

© Ситников Ю., 2017

© Издательство «Аквилегия М», 2017

ISBN 978-5-906819-57-4

Скитания Кота

Часть Первая ЛЕТО

Глава первая

Знакомьтесь, просто Кот!

Он обычный беспородный кот: рыжий гигант с янтарно-жёлтыми глазами. Кот – его имя. Так решил Димка, одиннадцатилетний мальчик, получивший на день рождения живой подарок четырёх недель от роду. Димка взял котёнка на руки, потискал его, дотронулся пальцем до влажного носа-кнопочки, убедился, что похожий на неведому зверушку комочек не мираж, и сказал родителям: «Это Кот!»

А Кот и не осознавал полноты своего везения (куда ему – совсем малыш), не подозревал о вмешательстве в судьбу Его Величества Случая, того самого, благодаря которому нежданно-негаданно обрёл хозяев.

Родители Димы случайно зашли в магазин и замешкались у прилавка с крупами. Кто-то случайно оставил приоткрытой дверь в подсобные помещения, и столь же случайно рыжий котёнок, что ползал вместе с тремя полосатыми комочками по дну застеленной газетой коробки, в какой-то момент решил выбраться наружу. Он подтянулся на лапках, осмотрел просторную комнату, заставленную неизвестными ему вещами, сделал рывок, перегнулся через край коробки и, потеряв равновесие, шмякнулся на пол.

Поначалу, конечно же, растерялся, попищал для порядка, зовя мать, и тут увидел приоткрытую дверь. Как хочется подойти, принюхаться, заглянуть в узкую щель, и лапки подрагивают, разъезжаются на скользком полу, а кошачье любопытство упорно подталкивает несмышлёныша навстречу неизвестности.

А там, в неизвестности, — она оказалась большим светлым помещением с шумными людьми, не замечавшими под ногами маленького рыжего котёнка, — струсил, начал громко пищать, метнулся в сторону. Всюду ноги! Отскочил назад — женская туфля. Вперёд — сандалии. Снова туфли, шлёпанцы, босоножки, ботинки. Перед глазами рябит, в ушах шумит, и неизвестность угрожающе разрастается, и сил на жалобный писк не осталось, а люди-великаны спешат, суетятся, шуршат

сумками, разговаривают, смеются. Для них суматоха – обычное дело, для малыша, впервые увидевшего мир за пределами картонной коробки, – ужас.

Возле прилавка с крупами котёнка вдруг взяли на руки. Он не успел испугаться: всё произошло так быстро. Малыш мяукнул, шире распахнул голубые глазёнки и разом успокоился, ощутив прикосновение тёплой ладони. Его погладили по мягкой шёрстке, легонько провели пальцами по макушке, почесали за ушком, окончательно расположив к себе зверька, ещё не знавшего человеческой ласки.

Продавцы не особо жаловали котят, на руки не брали, не тискали, кувыркается себе малышня в коробке – и ладно. Начинают громко пищать – кликнут мать-кошку. Если поблизости – прибежит, а ушла далеко – бросят в коробку фантик, играйте, мол, только не кричите.

А тут самое настоящее человеческое прикосновение. И как тепло на ладони, как удобно!

Не знал в тот момент малыш ничего о мире в целом и о себе в частности. Да и откуда ему знать, четырёхнедельному крохе! Двенадцать дней, как видеть начал: вся жизнь сводилась к материнскому молоку, крепкому сну и играм с тремя такими же хвостатыми существами.

Сегодня рыженький проявил любопытство. Пришло время расширять кругозор, в коробке стало скучно, и на свой страх и риск он пошёл к людям.

Едва котёнок замурчал, его посадили за пазуху и понесли — опять куда-то в неизвестность. По пути он несмело выглядывал наружу. Огромная шумная улица пугала малыша: всё здесь было для него непривычно новым, непонятным и потому казалось опасным. И всё-таки как много интересного вокруг!

Например, высокие деревья с шипящей листвой. С ними играет вкусный ветер (котёнку понравился его запах), а листья шипят, ругаются, наверное, и дрожат мелко-мелко, и некому их погладить, успокоить. А деревья только ворчат, поскрипывая ветками.

Деревья страшные, и ветер страшный, лучше этого не видеть. Котёнок повернулся в другую сторону. Глазки округлились, усики дрогнули — оказывается, оживлённая широкая дорога намного страшнее деревьев. Здесь режут машины, и сколько их! Только поймал взглядом одну гудящую коробку на колёсах — она уже исчезает за поворотом. За ней, рыча и покашливая, мчится вторая, третья... десятая. И голова котёнка так и крутилась, туда-сюда, туда-сюда.

А где-то высоко, на голубом полотне, что называется небом, еле-еле ползла маленькая

серебристая точка. За ней лениво тянулась белая полоска, и, чем дальше уползала точка, тем шире становилась кудрявая полоса. А гул всё не смолкал, и котёнок, высунув усатую мордашу, неотрывно смотрел в небо и боялся, боялся...

Женщина снова погладила малыша по макушке, теперь её осторожное прикосновение напомнило ему прикосновение материнского языка. А материнский язык – это спокойствие. Значит, ничего не страшно.

Изумрудные газоны – тоже хорошо, и старик, что идёт навстречу, опираясь на палку, совсем не страшен. И солнце, которое хоть и слепит глаза, если на него посмотришь, на самом деле такое ласковое.

А мальчишки, с криком промчавшиеся на велосипедах, и огромная мохнатая собака, завывающая у высокого забора, – плохо. Зато цветы на клумбах и голуби на асфальте – хорошо. Вот ведь, оказывается, как всё устроено: повсюду плохое соседствует с хорошим, и, получается, на одной дорожке можно здорово испугаться, а на другой тут же найти успокоение.

И котёнок успокоился. Притихший, он сидел за пазухой, его по-прежнему несли в неизвестность, но тревоги уже не ощущалось, быть может, благодаря шестому чувству, нашептавшему рыжему комочку, что в новой семье он познает настоящее кошачье счастье.

Его маленькое сердечко билось в предвкушении неведомого начала. Начала кошачьей судьбы, такой же долгой, как и та дорога, по которой сейчас шли Димины родители. Судьба будет непростая, нелёгкая, но котёнок пока этого не знал, потому и пребывал в сладком ожидании.

Впереди – жизни! Полная загадок, неожиданностей, испытаний. Пёстрая палитра, где краски смешиваются, образуя новые оттенки и чувства, создавая новые настроения, искусно меняя цветовую гамму событий.

Иногда жизнь кажется жёсткой и опасной, как оживлённая магистраль, а порой напоминает аккуратную цветочную клумбу в каком-нибудь тихом уютном дворике. В ней есть место дружбе и предательству, добру и злу, взлётам и падениям, радостям, сменяющимся горестями, и разочарованиям, уступающим место надеждам.

Котёнок находился в самом начале пути. На старте.

...Димка ему понравился сразу, то была любовь с первого взгляда. Стоило пушистому малышу оказаться на руках у этого задорного светловолосого мальчишки с большими раскосыми глазами, ощутить его волнение, его ликование (родители наконец подарили котёнка!), как появилась уверенность: мальчишка по имени Дима – его друг. А друг – это

очень хорошо. Так же хорошо и тепло, как семья.

Поцеловав рыжую мордочку, Димка сказал:

– Это Кот!

– Кот, – согласились родители. – Мальчик.

– Нет, – засмеялся Димка, – его имя – Кот!

– Не слишком ли банально? – спросил Димин отец, сдерживая улыбку.

– И пусть. Пусть банально, но он – Кот!

И рыжий кроха, несмотря на свой юный возраст и целую армию копошившихся в голове кошачьих мыслей, удивительно быстро сообразил, что Кот – это он и есть. Его так зовут. Кот – и не иначе.

Глава вторая

Настоящая семья

Он оказался смышлёным малым, правда, немного трусливым, но только поначалу: ведь сам Дима говорил родителям, что его Кот – как же приятно было слышать гордое «мой Кот» – совсем не трус, просто он пока новичок в семье. Поэтому всё неизвестное вокруг настораживает Кота, заставляя проявлять бдительность и в случае опасности стремглав бежать к домику – коробке, в которой Дима вырезал круглое отверстие, а на дно постелил

газету. Здесь можно спрятаться и прийти в себя. И бегство к «домику» – вовсе не трусость, это осторожность. Неужели не понятно?

Кот быстро освоился, полюбил хозяев и часто, в основном по ночам, когда все спали и в квартире зависала звенящая тишина, а за окном разливалась темнота, размышлял о своём везении. О случайном стечении обстоятельств, благодаря которому он стал Котом, любимцем Димки и его родителей, их маленьким рыжим другом.

Друзья – это святое, к дружбе Кот относился с особым трепетом. Ради спокойствия хозяев он был готов совершить поступок и в неполные пять месяцев проявил себя как надёжный защитник семейства.

К Диме пришёл одноклассник и привёл с собой маленькую собачку неизвестной породы: некрасивую, несуразную, на собаку-то совсем не похожую. Смех один, а не собака! Лапки тоненькие, глаза огромные, навывкате, уши торчком, хвоста нет – какое-то инопланетное существо. И лаяла не совсем обычно: будто и не лает, а визжит по-человечески, при этом мечется по коридору, как заведённая, кривыми лапками перебирает – панику наводит.

Увидев Кота, собачонка юлой закрутилась на месте. Кот принял боевую стойку: спину выгнул дугой, хвост распушил (отчего сразу стал казаться раза в два больше), уши при-

жал к голове – и издал утробное рычание. Собачка надрывается, моргает, головой крутит, но видно, что боится: и поза у Кота воинственная, и рычит он как-то недружелюбно, ещё и шипеть начал. А это опасный знак. Надо бы держаться от Кота подальше, но куда деваться, если этот усатый-полосатый всё ближе, да и подходит как-то странно – боком, чуть подпрыгивая.

Вот он уже совсем рядом, собаку к стенке прижал – она лает, он замер.

Собачонка пригнулась к полу, тощее тельце затряслось как в лихорадке, носик задёргался, веки хлоп-хлоп, а глазища – два больших шара – за обидчиком наблюдают.

Кот протяжно замяукал. Предупреждал: «Моя территория! Чего ты сюда притопала? Уходи!»

А пучеглазая опять лай подняла: «Ты что, не хочешь поиграть? Почему ты шипишь? Я же с тобой поздоровалась. Давай побегаем по квартире. Ты любишь бегать?»

Кот поднял лапу, ударил незваную гостью по спине, зашипел: «Лучше уходи, не шути со мной – я могу и больно сделать!»

Когда Димин одноклассник поспешно унёс несуразную собачонку, Кот праздновал победу. Первую победу. Он молодец и был собой доволен. Считай, защитил семью от вторжения тьявкающего существа, не позволил

крикунье пройти ни в одну из комнат — а ведь порывалась забежать в Диминову спальню.

Свою территорию необходимо охранять. Это у котов в крови — заложенный природой инстинкт. Коты настоящие собственники, делиться своим (или делить своё) не намерены, в случае чего, способны биться до последнего, отстаивая то, что принадлежит им по их кошачьему закону.

После этой истории Кот окончательно укрепил свои позиции в доме.

Спал он исключительно на Диминой кровати. Прыгнет в ноги, потопчется с минуту, местечко для сна подготовит — и свернётся калачиком, мурлыча и посапывая. А если Димка ночью вставал и шёл на кухню, Кот бежал впереди — на всякий случай, вдруг маленький хозяин даст чего-нибудь вкусного.

Был Кот и отличным домашним лекарем. В дни, когда Димка болел, Кот постоянно топтался на кровати, мяукал, тёрся об маленького хозяина, лизал ему руки, лицо, тыкался холодным влажным носом в подбородок, ловил взгляд друга. И каждый раз как бы говорил: «Димка, выздоравливай, а я помогу. Погладь меня, ощути моё тепло, тебе станет легче. Ну чего ты ждёшь? Давай, начинай».

И Димка гладил Кота, а тот мурчал, выгибал спину и отдавал своё целительное тепло мальчику, и чувствовал себя ответственным

за его здоровье, и искренне хотел помочь — и помогал.

В такие моменты Диму настолько захлёстывали эмоции, что становилось трудно дышать, в горле появлялся ком, хотелось плакать от досады и несправедливости. Почему кошачий век так быстротечен, почему кошки не живут лет по восемьдесят? Почему с теми, к кому привык, без кого не мыслишь своего существования, рано или поздно приходится прощаться? Неужели так будет и с его Котом? Неужели?..

И Димка обнимал Кота, прижимал к груди и чувствовал, как быстро бьётся сердце.

— Кот, — тихо и с чувством говорил он. — Кот, ты лучший!

Кот поднимал глаза, щурился от удовольствия и соглашался с хозяином. Если Дима так говорит, значит, это правда.

— Ты мой любимый Кот! — шептал Димка.

Время не стоит на месте. Оно бежит, торопится, стремится слиться с вечностью. Идут годы, меняется всё вокруг и внутри нас, время заставляет играть по своим правилам, и наше завтра превращается в наше вчера, а сегодня столь быстротечно, что в нём не успеваешь как следует закрепиться.

И, оглядываясь назад, вспоминаешь, как когда-то тебе подарили голубоглазого рыжего

котёнка с мягкой шёрсткой – забавный, милый, смешной маленький комочек.

С годами котёнок превратился в огромного пушистого рыжего кота с блестящими янтарно-жёлтыми глазами, в которых появилась житейская мудрость. Кот уже старый, по кошачьим меркам долгожитель, но, несмотря на возраст, не утратил интереса к жизни, не растерял сноровки. Он по-прежнему ловок и предан хозяевам.

В марте Диме исполнилось двадцать восемь лет. Светловолосый мальчишка давно стал мужчиной, у него появилась собственная семья: жена Марина – Кот полюбил её с первого появления в доме – и пятилетний сын Дениска, копия отца. Такой же светловолосый, забавный и добрый мальчуган. Новый хозяин Кота. Самый младший, а значит, самый любимый.

И спал теперь Кот на кровати Дениса, в ногах, но всё так же, как и много лет назад, прежде чем заснуть, долго топтался на месте, укладывался, а потом сворачивался калачиком и, посапывая, погружался в дрему.

Коту было семнадцать лет. По квартире он бегал уже не так резво и не так часто. Несolidно как-то взрослому коту носиться из угла в угол, лучше он пройдётся по дому вальяжно, задрав длинный пушистый хвост трубой, и царственно осмотрит свои владе-

ния. Поглядит, всё ли в порядке, не случилось ли чего непредвиденного. Он – хозяин и защитник, он должен всё держать под личным контролем.

Ночами Кот садился на широкий подоконник и подолгу смотрел в окно, предаваясь воспоминаниям. В них он снова был несмышлёнышем, а Димка озорным одиннадцатилетним мальчишкой; и прошлое казалось таким далёким, что иногда Кот воспринимал его как собственную фантазию. А может, его и не было вовсе, прошлого-то? Может, это обман, мираж?..

Но на стене тикали часы, стрелки настойчиво отрезали частички времени, и Кот понимал, что прошлое всё-таки было. Просто оно осталось позади, в воспоминаниях, тёплых, как солнечные лучи, ярких, как мерцающие в тёмном небе звёзды, и приятных, как вся его долгая жизнь...

Глава третья

Дача

Летом Кота привезли на дачу. Впервые за семнадцать лет он оказался на улице – событие почти что эпохальное. Кот открыл для себя незнакомый, странный и, наверное, страшный мир. Дача. Природа. Свежий

воздух. Какие незнакомые слова, но последние месяцы они всё чаще звучали в доме.

Ещё зимой, когда Дениска сильно заболел и все были очень обеспокоены, Кот услышал от Димы новое слово – «дача». Что за дача, с чем её едят, зачем она нужна, Коту не объяснили. Просто болел Дениска и хозяева упорно упоминали в разговоре эту неизвестную дачу. Потом говорили о «природе» и «свежем воздухе». Каждый раз эти слова произносились с трепетом, они крепко засели в голове старого Кота и стали занимать его мысли: он чувствовал – скоро в жизни случится важное событие. Хорошее ли, плохое – пока неизвестно, но оно обязательно будет как-то связано с этой самой дачей.

Пролетела весна, наступило лето. В один из тех уютных домашних вечеров, когда вся семья собиралась на кухне за накрытым столом, и было много смеха, улыбок и шуток, и в воздухе витал неповторимый сладковато-кофейный аромат, Кот услышал уже знакомое слово.

– В субботу едем на дачу, – сказал Дима Марине с Дениской.

Кот наострил уши, удобнее уселся на подоконнике. Он переводил взгляд с Марины на Дениску, потом с явной заинтересованностью, будто дело касалось его самого, выжидающе смотрел на Диму и махал хвостом.

– На дачу! – закричал Дениска, бросившись к отцу. – А Кота мы с собой возьмём, пап?

Вот, заговорили о нём, значит, необходимо срочно дать о себе знать. Кот мяукнул.

– Ну а куда мы без Кота? – Дима потрепал Дениску по волосам и подошёл к подоконнику. – Кот, слышишь, в субботу ты едешь на дачу.

Кот слышал, и когда Димины ладонь – такая тёплая и родная – коснулась его спины, выгнулся и замурчал.

– Побегает на свежем воздухе, – сказала Марина. – Дим, он раньше на улицу выходил?

– Никогда.

– А не опасно его с собой брать? В таком возрасте впервые на улице...

– Да он любому молодому кошаку фору даст, – Дима почесал Кота за ухом.

Тот радовался и уже не мог дождаться, когда же нос к носу столкнётся с этой загадочной дачей. Хозяева сказали, в субботу, а кто знает, когда придёт суббота, скоро ли?

– Может, всё-таки Кота оставить в городе, с родителями? – предложила Марина.

– Нет, мам, – Дениска взял Кота в охапку и, пыхтя (Кот весил девять килограммов), перенёс его на кухонный диван. – Здесь ему скучно будет. И мне будет скучно без Кота. Не надо его оставлять. Правда, пап?

– Пусть на улице порезвится, мышей половит, – поддержал сынишку Дима, и Марина согласилась.

– Кот, мы едем на дачу! – Дениска поцеловал его в холодный нос. – Тебе там понравится.

...В субботу днём, выдержав трёхчасовой переезд, Кот растерялся. Кругом всё незнакомое, чужое, пахнет не по-домашнему, запахи такие вкусные, их слишком много, они переплетаются, возбуждая интерес к новому месту.

Недавно прошёл дождь, влажный воздух вобрал в себя ароматы мокрой земли, трав, цветов; горьковато пахла полынь, ненавязчиво сладко благоухал жасмин, соперничая с сиренью, тюльпанами, флоксами, тысячелистником и шалфеем. И в каждой душистой струйке надо было тщательно разобраться и обязательно найти источник запаха. На это у Кота будет время, теперь, когда он узнал, что, помимо городской квартиры, его родного дома, существует другой мир, более свободный и открытый, ему есть чем занять себя.

Кот сразу понял: дача – это хорошо. Здесь так интересно, так много нового, непознанного.

Пока Марина несла его на руках к двухэтажному домику, Кот вертел головой, пы-

тался вырваться, пофыркивал, с укором смотрел на хозяйку, требуя немедленно опустить его на землю. А Марина, опасаясь, что Кот убежит или заблудится, ещё в машине предложила не выпускать его из дому до воскресенья.

Кот был недоволен, раздосадован и зол. Несправедливо с ним поступили, вопиюще несправедливо – привезли на дачу, на свежий воздух и закрыли в доме. Станные люди, боятся чего-то, а чего – непонятно.

Смирившись с участью пленника, Кот начал исследовать дачный домик. В отличие от запахов уличных домашние показались Коту непривлекательными. Воздух в доме стоял затхлый, тяжёлый, пахло пылью и плесенью, от входной двери тянуло свежей краской.

Марина открыла окна, на веранду ворвался бойкий ветерок, закачалась светлая занавеска, в вазе на столе шелохнулись засохшие кленовые листья, и дышать стало намного легче.

Запрыгнув на маленький диванчик, Кот тщательно обнюхал круглые подушки, покрывало, плюшевого зайца без правого уха, соломенную шляпку, перчатку, старый журнал. Настораживающий запах! Пахнет чужаком. Диван – это плохо. Диван – не место Кота. Зато соседняя комната, светлая, просторная, пришлась по душе.

В центре стоял круглый стол, застеленный голубой скатертью, на столе ваза с сухими блёклыми цветами, плетёная корзинка с какими-то малопривлекательными вещичками и две тоненькие книги в выцветших обложках. Стол Кота не заинтересовал, он прошёл мимо и остановился у кресла с высокой спинкой. Вот это совсем другое дело. Глубокое, мягкое, а главное – очень удобная спинка. Прыжок – и Кот наверху, разлёгся похозяйски, свесил длинный хвост, впившись коготками в светло-бордовую обивку. Кресло – вещь. Кресло – это хорошо.

Кот жадно вглядывался в окружающие предметы, изучал интерьер. Всё здесь было в новинку – кошачье любопытство звало к решительным действиям, заставляя обследовать каждый уголок понравившейся комнаты. Ну как он мог проигнорировать стоявший на тумбочке телевизор? Запрыгнул на него, посидел, осмотрелся и увидел комод. Комод намного удобнее телевизора, потому что на комодной большой Кот может растянуться, не испытывая дискомфорта. И Кот перебрался туда.

А потом решил исследовать шкаф: поскрёб лапами дверцу – никто не открыл. Возле шкафа стоял стул, Кот прыгнул сначала на него, задрал голову, прикинул, сможет ли преодолеть расстояние, пригнулся, резко дёрнул

хвостом, сосредоточился — и одним рывком оказался на шкафу. Шкаф — превосходно! Кошки любят наблюдать за происходящим с высоты, но... потоптавшись на слишком пыльной поверхности, Кот спрыгнул на пол.

Вдруг где-то совсем рядом послышался знакомый звук. Звякнула его миска. Миска — это хорошо. Это еда.

Выбежав из комнаты и миновав веранду, Кот оказался в маленьком квадратном коридорчике и, свернув оттуда направо, очутился на кухне. В одну миску (ту, что была в форме мышонка) Марина насыпала сухого кошачьего корма, в другую, стеклянную, налила привезённой из города воды.

— Кот, кушать!

Его не пришлось просить дважды, слово «кушать» укрепилось в памяти раньше, чем собственное имя.

Подкрепившись, он решил вернуться в приглянувшуюся ему комнату, но в квадратном коридорчике увидел высокую лестницу, а на площадке второго этажа заметил Дениску.

— Кот, иди сюда. Кот!

Ловко перебирая лапами, он миновал широкие ступени. На площадке Дениска попытался взять его на руки, Кот увернулся, тихо мяукнул, мол, не сердись, но сейчас мне не до нежностей.

И правда, какие тут нежности, когда в его распоряжении оказался весь второй этаж. Надо осмотреться, всё обнюхать, сообразить, стоит ли сюда подниматься или лучше оставаться там, внизу.

Второй этаж вмещал в себя две комнаты: одна была с небольшим обращённым на запад застеклённым балконом, вторая с двумя окнами и эркером. В комнате с балконом обосновался Дениска, Кот его выбор одобрил, решив, что всё же придётся подниматься по лестнице в спальню маленького хозяина.

Единственное, что Коту здесь не понравилось, это подоконник, узкий и неудобный.

Вечером, когда Дениска лёг спать и Марина собралась читать ему сказку, Кот робко попросился на улицу. Он тёрся об ноги Марины, смотрел умоляющим взглядом ей в глаза и жалобно мяукал: «Пусти погулять, я уже достаточно насиделся дома. Давай спустимся вниз, ты откроешь дверь, и я смогу во всём окончательно разобраться. Я узнаю, что такое дача».

Марина покачала головой:

— Гулять пойдёшь завтра.

По её тону Кот понял: уговаривать дальше бесполезно. Ладно, завтра так завтра. Прыгнув на кровать, Кот долго укладывался в ногах у Дениски, приготовившись вместе с ним послушать очередную сказку.

Коту нравился голос Марины, спокойный, ласковый, нежный; под него так хорошо засыпать. Сначала слышишь его отчётливо, но постепенно он становится тише, отдаляется, начинает звенеть и покачиваться, а потом обрывается – и приходит сон, такой же уютный и мягкий, как голос Марины.

Глава четвёртая

Ожившие инстинкты

Кот проснулся рано, едва забрезжил рассвет. В комнате был полумрак, через открытую форточку проникал слабый ветерок, несмело покачивая ажурную занавеску, пахло свежестью нового дня, предутренней прохладой и цветущей жимолостью.

Кот спрыгнул на пол, потянулся всем телом, уцепившись когтями за коврик, зевнул и вышел в коридор. Дом спит. Хозяева спят. Кругом тишина и приятный полумрак, а внизу тикают настенные часы. Время не спит, время постоянно идёт вперёд. Торопится.

Кот спустился на первый этаж, заглянул в комнату, где спали родители Дениски, и, решив пока не нарушать их сон, прошёл на кухню. В миске есть еда, можно похрустеть вкусными шариками – он здорово проголодался. Марина молодец, она всегда на ночь насыпает

в миску сухой корм, и Кот, проснувшись, может подкрепиться.

Он поел, на улице сделалось светлее, через большое окно в кухню робко заглядывало утро. Оно здоровалось с Котом, и Кот тоже решил сказать ему «привет». Он прыгнул на узкий подоконник, упёрся носом в стекло, поскрёб лапой по скользкой поверхности и понял – ждать дальше нет смысла, его неудержимо тянуло на улицу. Туда, где заря стыдливо касалась крыш домиков и макушек деревьев, туда, где дышала неизвестная ему жизнь, где расстился бескрайний простор и летний рассвет манил прозрачным, будто шёлковым светом.

Сначала Кот мяукал у входной двери, справедливо полагая, что Марина или Дима услышат его требовательный зов и выпустят погулять. Однако хозяева крепко спали, пришлось зайти в комнату, прыгнуть на кровать и настойчиво потереться мордой о выглядывающий из-под одеяла локоть Марины.

И вот Марина зашевелилась, что-то пробормотала, повернулась на спину, даже не соизволив открыть глаза. Кот лизнул ей щёку. Марина проснулась.

– Это ты? Спи, рано ещё.

Он громко мяукнул.

– Дим, выпусти Кота, – сказала Марина.

– Да... Сейчас... – ответил Дима, продолжая спать.

Кот положил лапу Марине на лоб.

– Дим, – снова позвала она, – Кот просит-ся на улицу. Открой ему дверь.

– Сейчас.

И опять полное бездействие со стороны хозяев. Тогда Кот решил пойти на крайние меры: спрыгнул на пол и стал точить когти об дверной косяк.

Марина привстала на кровати, с досадой толкнув мужа в плечо:

– Я же просила выпустить его.

– Сейчас...

– Не терпится тебе? – Марина вышла на веранду.

Кот бежал впереди, но всё время оборачивался, проверяя, не передумала ли Марина, не свернула ли в другую сторону. Нет. Идёт за ним.

Кот нетерпеливо замаяукал, задрал хвост, быстро переводя взгляд с дверной ручки на хозяйку.

– Иди-иди, – сказала Марина, повернув ключ в замке. – Далеко от дома не отходи. Кот, не уходи далеко, ладно?

Стоило двери приоткрыться, как Кот опрометью выскочил на крыльцо. Слов Марины он не слышал, он жаждал оказаться там, на улице, на свежем воздухе, на свободе, о которой до сегодняшнего дня даже не догадывался.

...Свобода! Кроется в этом слове какая-то тайна. Может ли домашний кот быть полностью свободным? Конечно, может. А нужна ли домашнему коту полная свобода? Вот в чём вопрос. Если свобода – это тайна, то её необходимо постоянно разгадывать, вникать в её суть, постигать её правила, крутиться, вертеться и познавать. Познавать всё сразу, всю свободную жизнь целиком, чтобы быть во всеоружии, уметь ориентироваться на путаных тропках, лавировать между расставленными там и тут ловушками, одним словом – выживать.

Вот он, огромный рыжий красавец с лоснящейся шерстью, длинным пушистым хвостом, мощными лапами, сверкающими янтарно-жёлтыми глазами, стоит на крыльце и смотрит в лицо той самой свободе. И вроде она ему не очень-то и нравится. Точнее, нравится не вся – лишь некоторые её частички. Ветерок дует в мордочку – нравится. У крыльца растёт сочная, вкусно пахнущая трава – тоже нравится. Поют птицы, стрекочут кузнечики, стрекоза пролетела над самой головой – это Коту нравится.

А там калитка, высокая крапива, дальше широкая гравийная дорога – и это уже тайна. Кот старый, он понимает: неизвестное может означать опасность. Был бы он помоложе и поглупее, обязательно бы подбежал

к калитке и ринулся навстречу тайне, но Кот старик, долгожитель, и хотя он не знает вкуса свободы, но интуитивно чувствует некоторую её недоброжелательность по отношению к себе.

На траве блестели капельки росы, похожие на маленькие хрустальные бисеринки, и солнце играло с ними, заставляя переливаться и сверкать, и круглые капли ловили солнечный свет, отражая его блики.

Едва появлялся неугомонный ветер, блики начинали метаться по траве. Ворчали деревья, скрипя старыми морщинистыми стволами, шуршала листва, и ветер озорно заигрывал с ней, а на серебристой траве вспыхивали шаловливые солнечные зайчики. Они резвились, перескакивали на дорожку, прыгали по округлым бокам высокой бочки, по стенам и крыше теплицы и снова возвращались на траву.

У Кота рябило в глазах.

Наконец он решился спуститься по ступеням, чтобы влиться в этот весёлый утренний хоровод. Кот поймал ртом широкую травинку и попробовал её на вкус. Очень даже ничего. Поймал другую. Нет, эта никуда не годится, горьковата. Зато третья оказалась вкуснее первой. И вдруг Кот догадался: всё дело в запахе. Вкусные травинки пахнут по-особенному: запах у них вяжущий, спокойный, и сразу

хочется такую травинку съесть. А невкусная трава не пахнет вообще.

Таким образом, выбирая для себя нужные травинки и всё больше отдаляясь от крыльца, Кот усвоил первый урок: он научился распознавать траву по запаху.

Возле фундамента разобранный старой бани Кот остановился. Здесь интересно! Он перестал жевать, вытянул шею, недоверчиво осмотрел фундамент, поставил на него передние лапы. Принюхался: пахнет влажной пылью и чем-то ещё...

Незнакомый резкий запах ударил в нос манящей струйкой. Сильный, будоражащий, он не мог оставить Кота равнодушным, он его раззадорил, всколыхнул дремавший где-то очень глубоко инстинкт, заставил насторожиться и притаиться в траве. Кот ещё не догадывался, что с ним происходит, почему внезапно расширились зрачки, дыхание сделалось прерывистым, усы задёргались и быстрее заклокотало сердце. А между тем даже у домашних котов охотничий инстинкт сохраняется — он непреодолим.

Кот сделал маленький шажок и замер, принюхался — и снова шажок, на этот раз побольше, хвост едва заметно дёрнулся. Кот даже не моргал — так был сосредоточен и возбуждён, моргать в данных обстоятельствах

было непозволительно: всё на свете проморгаешь.

Осторожно пробираясь вперёд, он вдруг заметил чуть поодаль незнакомое серое существо. Тельце маленькое, покрыто мягкой шерстью, вытянутая мордочка, усики, глазки-точки и длинный тонкий хвост. Существо держало в передних лапках зерно и быстро-быстро, словно боясь, что могут отнять, грызло его острыми зубками.

В сознании Кота произошло «короткое замыкание»: внутри всё перевернулось, Коту стало холодно, а потом внезапно бросило в жар. Неясные образы возникли, в кошачьем мозгу — далёкие, непонятные, скрытые туманной дымкой. Это просыпались инстинкты. Те самые животные инстинкты, благодаря которым бездомные коты и кошки выживают в жестоком мире свободы, те самые, что притупляются у котов и кошек домашних.

И теперь они вспыхнули! Кот мгновенно осознал, что он охотник — проворный, грациозный. Об этом позаботилась мать-природа: именно она наделила кошек невероятной лёгкостью, гибкостью, пластичностью, столь необходимыми во время охоты.

Он охотник, а неведомое серое существо, так забавно поедающее зерно, — жертва. И он непременно должен поймать свою жертву.

Но как? Тут надо подумать. Судя по всему, это животное осторожное, ловкое, значит, и ему следует действовать хладнокровно, без эмоций и нетерпения, прислушиваясь к интуиции.

Кот выставил вперёд правую лапу. Мышь навестила уши, завертела мордочкой, зерно выпало из лапок. Кот словно окаменел. Заметила, думал он, готовый в любой момент выскочить из укрытия. Мышь не убежала, подняла зерно, снова начала грызть, подёргивая усиками.

Кот ждал удобного момента. Нельзя всё испортить необдуманным прыжком, надо действовать разумно, а значит, сидеть и ждать.

Покончив с зерном, мышь медленно развернулась и не спеша (после сытного завтрака спешить ей было некуда) начала удаляться. Кот понял — настало его время.

Он немного вытянулся, переставил затёкшую лапу вперёд, приподнял заднюю часть туловища, напружинил лапы, оскалился и совершил настолько точный прыжок, что сытая мышь даже не успела опомниться. Она стала его жертвой! Его первой жертвой на свободе.

Но вот парадокс: убив мышь, Кот откровенно растерялся. Есть её ему не хотелось. А зачем тогда, спрашивается, выжидал, зачем сидел, боясь шевельнуться? Странно всё это. Однако надо что-то делать. Но что?

И благодарный Кот вспомнил о своих хозяевах. Быть может, они, Дима, Марина или Дениска, обрадуются мёртвой мышке? Наверняка обрадуются. Кот понёс добычу к крыльцу, положил на ступеньку, пару раз царапнул дверь и мяукнул для порядка.

Глава пятая

Прогулка

Гордый, довольный собой, Кот прошествовал по дорожке до калитки. Заметив лазейку, пролез через неё и оказался на дороге. Посто-ял, подумал и пошёл в ту сторону, откуда раздавалось надрывное лягушачье кваканье.

Он спустился к заросшему пруду, и несколько толстых жаб, недовольно причмокнув, бултыхнулись в воду. Лягушки продолжали квакать, по мутной поверхности скользили плавунцы и клопы-водомерки, над камышами летали стрекозы, шурша прозрачными крылышками.

Кот понюхал воду и стал подниматься на берег: вода дурно пахла, пруд ему не понравился.

Кот дошёл до неглубокого оврага, на дне которого лежала длинная проржавевшая труба. Труба гудела, её поверхность была покрыта бусинками воды, а в одном месте из трубы

вытекала тонкая струйка, образуя на земле внушительную жёлтую лужу.

Кот вернулся к своей калитке, но, вместо того чтобы пролезть обратно на участок, засеменял по соседской плиточной дорожке. Он добрался до одноэтажного домика, повёл носом и насторожился. Здесь пахло другим котом! Это чужая территория, и, как бы сильно ни хотелось Коту запрыгнуть на перила и осмотреть оттуда двор, пришлось ретироваться. Чужой запах — своеобразный сигнал.

На гравийной дороге Кот резко остановился. У самого забора сидел дымчатый кот. Один глаз у него был практически закрыт, на носу виднелась царапина, в правом ухе зияла небольшая дырка. Всё ясно — Дымчатый не робкого десятка, любит помериться силой и, очевидно, не раз выходил победителем из многочисленных кошачьих потасовок; к тому же он местный и, скорее всего, имеет свою территорию.

Практически у каждого кота есть своя территория, которую он ежедневно обходит, осматривает, обнюхивает, проверяя, всё ли в его владениях в порядке, не забегал ли какой чужак с дурными намерениями. Коты знают всех местных кошек, знакомы и со многими людьми, а любое животное, случайно или нарочно переступившее незримую границу кошачьих владений, рассматривается хвостатым хозяином как недруг.

Однако Кот не испугался Дымчатого: он почти вдвое превосходит незнакомца размерами, у него мощные когти, острые зубы, а реакция настолько безупречна, что любой мало-мальски здравомыслящий кот сразу должен понять — с рыжим гигантом лучше не связываться.

Но Дымчатый всё же решил рискнуть. Отчаянный какой! Выгнув спину и распушив хвост, он стал боком приближаться к Коту. Голову наклонил вперёд, уши прижал, зашипел. Кот никак не отреагировал на столь воинственное приветствие, он оставался абсолютно спокойным. И, чтобы окончательно сбить противника с толку, начал облизывать переднюю лапу. Тем самым словно говорил Дымчатому: «Зря стараешься, друг, я тебя не боюсь. Можешь расслабиться и перестать изображать отважного воина. А не прекратишь и подойдёшь ближе — хуже будет».

И Дымчатый, по всей видимости, намёк понял. Остановился. Замотал хвостом и мяукнул уже не так враждебно. Кот продолжал лизать лапу. Их разделяло незначительное расстояние, и Дымчатый постоянно вздрагивал, намереваясь отскочить назад, когда лапа Кота неожиданно замирала в воздухе, а сам Кот начинал внимательно рассматривать горе-вояку.

Обычно коты трутся о тех собратьев, которые превосходят их по силе, тем самым признавая превосходство соперника. Очевидно, и Дымчатый собирался подойти к Коту и потереться об его бок, но Кот, потеряв к Дымчатому всякий интерес, отправился на соседний участок: он услышал там чьи-то голоса.

Кот, пролез под забором, прошёл по узкой дорожке между клумб и выглянул из-за выкрашенной в коричневый цвет хозяйственной постройки. Какая-то женщина пропалывала грядку, стоя к Коту спиной, но стоило ему подать голос – обернулась и заговорила:

– Кто к нам пришёл! Вот это кот!

Кот замахал хвостом. Она назвала его по имени – значит, она его знает. Странно, почему он раньше никогда её не видел?

– Ну, иди сюда, – сказала незнакомка, нагнувшись вперёд. – Иди, не бойся.

Кот подошёл. Женщина выпрямилась и крикнула:

– Вась, посмотри, кто пришёл!

В дверном проёме появился рослый мужчина, нескладный, узколицый, с жиденькой бородкой и шапкой кучерявых тёмных волос.

– Ох ты! – воскликнул он, увидев Кота. – Это чей такой?

– Не знаю, – женщина погладила Кота по спине.

– Хорош котяра. Ей-богу, хорош!

– А где наш-то?

– Бегают где-нибудь, – мужчина сел на корточки, подозвал Кота, взял его на руки. – Тяжёлый какой, ёлки-палки! Тебя как на убой откормили. Во бока-то отъел! Не-е, ты глянь, не кот – тигр! Нашему охламону до таких размеров ни в жизнь не вырасти. Ну чистый тигр! Эй... Ты куда, друг?

Кот дошёл до гаража, съел несколько вкусных травинок и поспешил выбраться обратно на дорогу. Пора домой возвращаться, есть захотелось, да и по Дениске соскучился. Мальчик скоро проснётся, захочет обнять Кота, поцеловать в пушистую мордашу, крепко прижать к себе и сказать, как сильно он его любит. Надо спешить к хозяевам. Он ведь тоже их любит. Преданно, неистово, так, как не любит больше никого на всём белом свете. Они его семья, а семья – это счастье!

Глава шестая

Зая и Олег

Пролетела первая дачная неделя, началась вторая. Кот освоился на новом месте, по достоинству оценив вкус свободы. Дома он практически не появлялся, забегал на парутройку минут, хрустел сухим кормом, лакал воду, о Дениску тёрся – и опрометью за порог.

Там перед ним лежал целый мир и не было никаких ограничений и запретов. На свободе Кот сам себе хозяин. Томышь поймает, то землеройкой у пруда пообедаёт, то полёвку цапнет на соседнем участке, да и кротом не побрезгует.

И раздолья хоть отбавляй. Иди куда хочешь, никто слова не скажет. Вот и повадился Кот захаживать в садовое товарищество, тянувшееся вдоль вспаханного поля до самой берёзовой рощицы.

Марина и не подозревала, что Кот уходит так далеко от дома: он всегда старался возвращаться вовремя. К обеду прибежит, отметится, мол, вот я, со мной полный порядок, — и назад. К ужину появится, поласкается, когти о дверной косяк поточит — и опять к соседям.

В один из таких дней и произошло знакомство Кота с Олегом и Заей. Знал бы он тогда, какую чудовищную цепь событий повлечёт за собой столь радостная, на первый взгляд, встреча с приветливыми молодожёнами...

...Ближе к вечеру Кот пролез через дырку в заборе, осмотрелся, дошёл до раскидистой рябины, сел у шершавого ствола и склонил голову набок. Он наблюдал за полной молодой женщиной, вальяжно расположившейся на садовых качелях. Женщина увлечённо читала журнал и совсем не обращала внимания

на Кота. А ему было необходимо услышать её голос. Голос и интонацию. Ведь когда она произнесёт несколько слов, он молниеносно проведёт свою собственную экспертизу, и можно будет сделать некоторые выводы.

По правде говоря, это очень увлекательное и интересное занятие: распознавать характеры людей по их голосам. Не каждому такое дано, но Кот практически безошибочно определял, кто свой, а кто чужак.

Свои говорили мягко, от их голосов шла особая успокаивающая вибрация, Кот улавливал её длинными усами, понимая, что собеседник настроен дружелюбно, не зол, не рассержен, не агрессивен. К такому человеку можно смело подойти, потереться мордой об ногу и разрешить погладить себя по спине, почесать подбородок или за ушком.

Голоса чужих отличались резкостью, повышенной вибрацией с большим числом колебаний. Чужие могли обидеть, причинить вред и даже боль. От таких лучше держаться на расстоянии, чтобы не накликать беды.

Но загвоздка заключалась в том, что был ещё и третий тип людей, понять которых даже Коту было не под силу: люди-притворщики, люди-обманки. Люди-тени.

Вроде обычный человек – и голос приятный, и интонация мягкая, а на деле-то оказывается, плохой. С чёрной душонкой, чёрными

намерениями и такими же чёрными мыслями. Притворщик! И вывести такого на чистую воду не удаётся: маскируется, не снимает с лица маски. Вот и получается, с виду добрый, внутри злой. Смотрит на тебя с улыбкой, смеётся и при этом что-то нехорошее замышляет.

Но Коту хотелось верить, что этих самых притворщиков очень мало и ему на пути люди-обманки не встретятся. А если даже и столкнётся он с такими, то сумеет их раскусить. Он же особенный, умный, мудрый Кот.

Прошло несколько минут, румяная толстушка оторвала взгляд от журнала, увидела рыжего гостя и с чувством воскликнула:

— О-о! Кис-кис-кис.

Коту понравилась её интонация и та настоящая, не наигранная восторженная весёлость, с какой дачница отбросила журнал и встала.

— Кис-кис-кис, — продолжала она звать Кота. Села на корточки, протянула руку. — Иди, киса, иди, мой хороший!

Кот откликнулся на зов, распушил хвост и засеменил к незнакомке.

— Да тебя не поднять! Не царапаешься?

Кот лизнул ей руку, чем окончательно растрогал женщину.

— А ты душка! Ой, какой здоровяк! — она крепче прижала Кота к себе и быстро посмотре-

лась. На мгновение её взгляд сделался каким-то странным, отчуждённым, как будто она вдруг чего-то испугалась и ждала помощи.

— А хочешь зайти в гости, посмотреть, как мы живём? — глаза её вновь заблестели, она улыбнулась, поцеловала Кота в макушку. — Пошли, рыжуля, я тебе молока налью. Ты любишь молоко? Любишь! А сыр кушаешь? Здоровячок ты мой!

Она вошла в дом, положила Кота на открытую пледом кушетку, а сама подбежала к высокому холодильнику.

Кошки отзывчивы на ласку, они воспринимают её как награду и стремятся ответить человеку теплом и пониманием. Кот не был исключением: едва женщина налила в прозрачную стеклянную тарелку немного молока, он проникся к новой знакомой самыми светлыми чувствами. И хоть Кот не особо любил молоко, но всё же полакал и посмотрел на щедрую хозяйку с глубокой кошачьей благодарностью.

— Понравилось, Здоровячок? Сыр будешь?

От сыра Кот отказался. Он умывался, когда в доме появился молодой мужчина и, не замечая Кота, достал из холодильника пакет сока. А розовощёкая, прислонившись к стене, загадочно улыбалась и ждала, когда муж заметит четвероногого гостя. И Кот ждал его реакции: весь подобрался, слегка помахивая кончиком хвоста.

– Олег, – не выдержала женщина, – не наступи на Здоровячка.

– Опа! – Олег был и обрадован, и удивлён одновременно. – Зая, откуда у нас это чудо?

– Прикольный, правда?

– Сам пришёл?

– На участок сам. А в дом я его принесла. Молоком напоила.

– Красивый.

– Здоровячок, – Зая убрала со лба непослушный локон. Её глаза горели, металась в них лукавая искорка.

Между тем Олег взял Кота на руки. Его прикосновения, хоть и осторожные, пришлись Коту не по душе, он начал вырываться.

– Зая, возьми его, я ему не понравился.

– Не бойся, Здоровячок, Олег хороший.

– И добрый, – засмеялся Олег.

– И добрый, – сказала Зая, выпуская Кота на улицу. – Ты к нам ещё придёшь, Здоровячок?

Кот посмотрел на Зая, махнул хвостом. Знал, что уже завтра придёт к Олегу и Зае, – молодожёны ему понравились. Оба. Ну, может быть, Зая чуть больше: всё-таки это она налила молока, предложила сыра.

Уже у забора Кот услышал голос Заи:

– Олег, я хочу завести кота.

– Зая! Зая... ты чего? Мы же собаку собирались купить. Не дури, Зая...

– Нет, Олег, кота и только кота.

– Зая, это блажь. Две недели назад ты хотела жако, теперь о нём и не вспоминаешь. И с котом так же будет. А собаку мы купим. Овчарку! Возьмём щеночка. Договорились?

Что ответила Зая, Кот не услышал. Он выскочил на дорогу, миновал несколько участков и, чтобы сократить путь, решил добратся до дома полем.

Глава седьмая

Похищение

А утром он снова бежал по знакомой дорожке, слышал, как на участках трещали газонокосилки, постукивали молотки, кричали дети, играла музыка, и ничто в этой обыденной дачной круговерти не предвещало беды. Кот бежал, представляя, как Зая нальёт ему молока, как он начнёт лакать, а потом облизнется, посмотрит на Заю и скажет ей своё кошачье спасибо. Она назовёт его здоровячком, и он замурчит, щурясь от удовольствия. Здоровячок – это приятно.

Подбежав к забору, Кот заметил отъезжавшую от ворот машину. Внезапно она остановилась и стала давать задний ход. Кот посторонился, аккуратно обошёл кусты пионов и сел, внимательно наблюдая и выжидая.

Машина замерла, открылась передняя дверца, Кот увидел довольное лицо Зай.

– Привет, Здоровячок! – она вышла, обернулась и кивнула Олегу.

– Не самое удобное время, – глухо сказал тот и отвернулся. Его голос Коту не понравился.

Зая нагнулась, взяла Кота и быстро села с ним на заднее сиденье.

– Вот и всё, – сказала она. И улыбнулась, когда Олег назвал её неразумной.

– Мы собирались брать собаку, – зло бросил он. – Зачем нам кошка?

– С собакой надо гулять, причём в любую погоду. Ни я, ни ты на такие подвиги не отважимся. А кошка есть кошка, правда, Здоровячок? Тебе у нас понравится. Олег, надо заехать в зоомагазин, – Зая кокетливо подалась вперёд, коснулась ладонью плеча мужа и уже тише и нежнее добавила: – Олег, не сердись, прошу тебя.

– Зая, это чужой кот!

– Поздно, Олег, мы уже едем.

– Я могу вернуться.

– Нет! Я хочу, чтобы Здоровячок жил у нас. И не будем спорить, Олежек. Ну хватит!

– Делай что хочешь, – отмахнулся Олег, мысленно прощаясь со щенком овчарки.

Зая удобнее усадила Кота на колени и сказала:

— Теперь тебя зовут Здоровячок. Понял? Здоровячок — это ты. Ты! Да, Здоровячок? Ты всё понял, я знаю.

Кот продолжал смотреть на Заю, ожидая момента, когда они окажутся на даче, она напоит его молоком и он сможет вернуться домой. Он ждал, что машина вот-вот остановится, но она выехала на шоссе, набрала скорость и понеслась в неизвестном направлении, всё дальше и дальше от места, где остались его родные люди: Дима, Марина, Дениска.

Кот почуял неладное, ощутил себя обманутым. В груди защемило, дрогнули усы, расширились ноздри. Его охватила паника.

Он начал громко мяукать, прыгнул на спинку заднего сиденья, посмотрел в окно и на своём кошачьем языке настоятельно потребовал, чтобы его отвезли обратно.

— Беситься начал, — сказал Олег и включил радио. — Представляю, что будет дома, особенно ночью.

— Всё в порядке, — Зая попыталась взять Кота на руки, он увернулся, зашипел. — Здоровячок, прекрати!

Очередная попытка приструнить его закончилась для Заи плачевно: острые когти коснулись тыльной стороны ладони, из ран пошла кровь.

— Ах ты!.. — Зая замахнулась и с силой ударила Кота сначала по спине, затем, по голове.

Кот притих, спрыгнул на пол, прижался к двери и испугался по-настоящему.

Его ударили! Впервые в жизни на него подняли руку и причинили ему физическую боль. И кто? Зая! Та самая румяная толстушка с приятным голосом, которую он считал своим другом. За что? В чём он перед ней провинился?

Кот лежал на полу, боль жгла голову и спину. А рядом нет родных людей, нет хозяев, и некому его пожалеть, взять на руки, погладить, поцеловать и прошептать на ухо, что всё будет хорошо.

Ему было больно, он остался один на один со своим страхом.

Прошло каких-то десять минут, и Зая из разъярённой фурии превратилась в прежнюю улыбчивую хохотушку. Как ни в чём не бывало она протянула к Коту руки, засмеялась, искренне и чисто, и опять ласково назвала его своим Здравячком.

Он был обескуражен. Что же с ней происходит, какая сила движет ею, если она так стремительно, так искусно умеет менять маски? Сначала добрая и уютная, хочется к ней прильнуть и полежать на коленях, а через минуту глаза горят яростью, голос меняется, рука становится тяжёлой – и Зая готова причинить боль. Но вот проходит время, Зая опять весёлая, добрая (только Кот уже по-

нял – её доброта фальшивая), словно ничего не произошло: не было ни крика, ни удара, ни резких слов, ни внезапной боли. Кот перестал ей доверять, теперь она чужая, она человек-притворщик, и никакая улыбка, никакие ласковые слова не убедят его в обратном.

...Дома Зая закрыла Кота на кухне, небрежно бросив в новую миску несколько сухих шариков.

– Не наедайся, Здоровячок, – сказала она. – Сейчас будем мыться.

Мыться! Это слово было хорошо знакомо Коту. Раз в год его произносила Марина, произносила родным убаюкивающим голосом, и всегда после этого доставала из шкафа зелёное полотенце – его личное, кошачье, а с антресолей – пластмассовую ванночку, наполняя её тёплой водой и ставила на край раковины специальный шампунь. Прежде чем опускать Кота в воду, Марина держала его на руках, гладила, шептала, что после мытья он станет чистым и красивым, а как только обсохнет, сразу получит любимое лакомство. И хотя домашних кошек мыть необязательно – они сами ежедневно вылизывают шерсть шершавым языком, Кот с большим удовольствием садился в ванночку, полностью доверяя себя заботам Марины.

– Во-от, помоем спинку Коту! – приговаривала Марина. – И бока, и животик тоже

помоем. А лапки будем мыть? Ну, подними лапку, я её намылю. Вот та-а-ак. Хорошо! Не бойся.

Кот смотрел на хозяйку с благоговейным трепетом, с восторгом и нескончаемой благодарностью. Он пытался облизать мокрые руки Марины, а она втирала в густую шерсть сладко пахнущий шампунь.

— Сейчас-сейчас, потерпи. Смоем шампунь и будем вытираться. Ты молодец! Кот — молодец. Чистый Кот! Краси-и-ивый!

Он вспомнил об этом, и ему сделалось не по себе. Кота захлестнула обида, прошлое нахлынуло обрывочными воспоминаниями, они мелькали перед глазами, сменяя друг друга, и он не мог остановить их.

В самый неподходящий момент в кухне появилась Зая.

— Ну, Здравячок, у меня всё готово. Пошли мыться.

Она принесла Кота в ванную и вопреки его ожиданиям не положила в ванночку с тёплой водой, а усадила на табурет и включила душ, направив мощные струи ему на лапы. Вода оказалась чересчур горячей, Кот мяукнул, дёрнулся, намереваясь прыгнуть на пол.

— Сиди! — грубо прикрикнула Зая, продолжая поливать Кота. — Помыть тебя надо? Надо! Неизвестно, где ты шлёлся на даче. Всё, всё, не смотри на меня, сиди и не двигайся!

Он терпел ровно столько, сколько позволяло кошачье мужество. Но всему есть предел. Кот зарычал, поджал мокрый хвост, приготовившись в любой момент пустить в ход когти. А Зая начала втирать ему в бока едкий шампунь. Не тот это шампунь, подумалось Коту, и ванная не та, и вообще всё ты делаешь не так. Мне не нравится здесь мыться, я не буду мыться. Не хочу!

Напружинившись, он спрыгнул. Зае в лицо попали брызги, на полу образовалась небольшая пенистая лужица, что окончательно вывело молодую женщину из себя. Схватив Кота за загривок, она посадила его на табурет и ударила по голове. В ответ он ударил её лапой. Зая направила Коту в морду горячую струю, другой рукой схватила за ухо, потянув с такой силой, что послышался хруст.

– Сиди спокойно! – закричала она, глядя, как Кот уворачивается от безжалостных обжигающих струек.

Вода попадала в ноздри, в рот, в уши, била по глазам, и, когда стало совсем невмogu, Кот осознал, что терять ему уже нечего. Нельзя продолжать бездействовать, не пытаюсь спасти собственную жизнь, нельзя подчиняться гневу Заи, иначе она, не задумываясь, столкнёт его в пропасть, на краю которой он оказался. И тогда настанет конец всему.

Практически вслепую он прыгнул на свою обидчицу, зацепившись когтями за её кофту. Душ с шумом упал в ванну, вода гудела, Зая вскрикнула, отшатнулась. Доведённый до отчаяния, Кот вцепился зубами ей в плечо. Она завизжала, и почти сразу взревел Кот — от неожиданности, от унижения, от опоясывающей боли, от сотен серебряных искр, вспыхнувших перед глазами. Зая бросила его в чугунную ванну, он не успел встать на лапы — удар пришёлся почти в висок. Но Зае этого показалось мало. Сорвав с крючка полотенце, она остервенело била им Кота, выкрикивая проклятия; её не останавлила даже кровь, тонкой струйкой стекавшая по его мокрой шерсти, оставляя размытые следы на белой ванне.

И только когда Кот затих, вдруг поняв, что дальнейшее сопротивление повлечёт за собой новую вспышку Заинного гнева, его мучительница бросила полотенце на пол, провела ладонью по взмокшему лбу и села на корточки. Она смотрела прямо перед собой, а Кот, боясь шевельнуться, дрожал в ванне.

Минуты через две он осторожно положил передние лапы на край ванны и осмелился взглянуть на Заю. Она показала ему кулак:

— Лучше не высывайся!

Кот жалобно мяукнул. Болела голова, дышалось с трудом. Перед глазами стояла пе-

лена, боль временно лишила его способности ориентироваться в пространстве.

— Что, мало тебе? — закричала Зая. — Ещё хочешь? — И резко поднявшись, взяла Кота на руки и выскочила с ним из ванной.

В коридоре Заю окликнул Олег:

— Куда ты его несёшь? Вытри сначала, он мокрый.

— Обойдётся. Сам высохнет. Посмотри, как он меня хватанул. Подлец!

— Я предупреждал! Собака бы не укусила. А котяра есть котяра. И кусать будет, и царапать — мало не покажется, и мебель драть начнёт.

Бросив Кота на балкон, Зая громко хлопнула дверь.

Кот ещё долго вставал на задние лапы, заглядывал в комнату, мяукал, просился внутрь, но растопить сердце Заи ему не удалось. Сумерки сгущались, Кот, дрожа от холода и обиды, метался по узкому балкончику в надежде отыскать место, где можно свернуться калачиком и согреться. Но ничего подходящего не нашлось. Кот снова и снова подходил к балконной двери, опирался передними лапами о стекло, взывая к милосердию.

Он же очень старый кот, а ему в морду направляют струи горячей воды; он долгожитель, а его дерут за ухо; он тоже чувствует

боль и боится её, а его бьют по голове. Неправильно это, люди! Одумайтесь! Коту холодно на балконе, Коту страшно, Коту нужна ваша помощь!

Глава восьмая

Бессердечность

Далеко не каждый умеет сочувствовать другим, и в этом вся беда. А без сочувствия человек и не человек вовсе. Тот, в чьей душе нет сострадания, похож на каменную статую. Только статуя неподвижна, бессердечность её никому не мешает, она просто кусок обработанного камня. А что же человек, равнодушный к людям? Он живёт среди нас, видит, слышит, разговаривает. Но в душе его зияет глубокая чёрная дыра. Такой человек останется в стороне от чужой беды, не протянет руки, не откликнется на зов о помощи.

Наверное, способность к состраданию формируется в раннем детстве, когда ребёнок только начинает знакомиться с окружающим миром, впитывает его, познает и открывает для себя. И если рядом с ним умные, чуткие, любящие взрослые, то в душе маленького человечка прорастает зёрнышко добра.

Зая с Олегом безнадёжно опоздали – они не знали, что такое сострадание. Не умели сопереживать, не чувствовали боли других – ни людей, ни животных. Такая это неизлечимая болезнь – душевная глухота.

И Кот оказался в плену у этих живых статуй. Но разве можно смириться с участью жертвы, зная, что где-то тебя ждут любимые хозяева? Нет, ни одно животное никогда не забудет свой дом. И Кот его не забыл, он помнил свою семью и всячески протестовал против террора мучителей, наивно полагая, что протест приведёт к желаемому результату.

Ночами Кот садился у порога и начинал мяукать. Из спальни выходила Зая, хватала веник и лупила несчастного Кота до тех пор, пока он не забивался под шкаф на кухне. Там и засыпал беспокойным сном и часто вздрагивал от своих сновидений, едва успев погрузиться в тревожную дрёму.

Ему снился Дениска, веснушчатый, курносый, такой забавный и родной. Кот открывал глаза и видел темноту. А Дениски рядом не было, он остался там, во сне. Значит, надо снова заснуть, чтобы встретиться с другом. Кот тяжело вздыхал и проваливался в сон. И опять играл с Дениской, ел сухой корм из своей любимой миски в виде мышонка, тёрся об ноги Димы, лизал тёплые руки Марины

и был счастлив. Да, он был по-настоящему счастлив в своей прошлой жизни.

Теперь у него совсем другая жизнь... Коту остаётся только уповать на чудо – может быть, когда-нибудь оно случится и он вернётся в свою семью. Главное – успеть. Семнадцать лет – возраст серьёзный, да и предчувствия, с недавних пор поселившиеся в сердце, терзали старого Кота, надежда его потихоньку таяла.

И всё-таки Кот верил. Несмотря на запреты Заи, на регулярные побои, на ругательства Олега, он продолжал каждую ночь проситься на свободу.

Кот служил для Заи живой мягкой игрушкой. Захотела – потискала, надоело играть – убрала с глаз долой и забыла.

– Не путайся под ногами. Брысь! Кому сказала!

Кот прыгнул на подоконник. Полчаса он тщетно пытался намекнуть Зае, что его миска с водой давно пуста. Хочется пить, а воды нет. И в ванную дверь закрыта, и к мойке Зая его не подпускает. Что делать? Он и мяукал, и об ноги тёрся (хоть и дал себе клятву не прикасаться к Зае, но выхода-то нет), несколько раз порывался лапой дотянуться до чашки с чаем – пойми, мол, попить мне надо. Не понимает. Мечется по кухне от плиты

к столу, злится, и глаза опять горят недобрым блеском.

Кот прыгнул на пол. Зая в очередной раз метнулась к столу, на полпути споткнулась о Кота, упала и минуты полторы сидела так тихо, что ему показалось – не дышит.

Ткнулся Кот носом в Заин локоть, сообразил, что виноват в её падении, пожалуй, хотел: больно, наверное, ей. И тут... Он чуть не оглох от собственного визга. Боль. Внезапная! Жгучая!

...Вечером Зая сказала Олегу, что по вине Кота едва не сломала руку.

– Ты оказался прав, привезти в дом кошку было ошибкой.

– Одумалась?

– Скорее поумнела.

– Потерпи до субботы, отвезём его на дачу. Выпустим на въезде в товарищество, пусть к хозяевам бежит.

– Скажешь тоже, Олег! Зачем такие сложности? Я уже всё организовала. Здоровячка больше нет. А что, разве я не права? Ты бы видел, какими безумными глазами он на меня смотрел.

– Где он?

– На улице. Не пропадёт, жить захочет – приспособится. А сдохнет, туда ему и дорога. Дикий он, с людьми вести себя не умеет.

Ночь принесла уныние. Кот шёл вдоль длинного забора, вздрагивая и оглядываясь всякий раз, когда поблизости возникали резкие звуки. Их было много: шум моторов, свист шин, шаги, крики, стук. Вот он – ночной город. Никак не может успокоиться. Разве это ночь? Как будто никто не спит. И света много.

Забор резко сворачивал влево, впереди показалась детская площадка. Кот увидел металлическую горку, карусель, качели, несколько деревянных домиков и скамейки. Фонари отбрасывали рассеянный жёлтый свет. Кот подумал и, решив, что такой домик вполне подойдёт для ночлега, засеменил по пыльной площадке.

Шаги давались с трудом: болела задняя лапа. Перед тем как выпрыгнуть Кота из квартиры, Зая ударила его веником. Была сильная боль, какое-то время пришлось просидеть на лестничной клетке, чтобы прийти в себя. Потом он встал и попытался лизнуть лапу, но ничего не вышло – не смог дотянуться.

Спускался Кот осторожно, по-стариковски медленно: боялся упасть прямо здесь, на ступенях, и не подняться. Это самое страшное,

думал Кот, минуя пролёт за пролётом. Неужели это он — беспомощный, одинокий, избитый человеком, которому не сделал ничего дурного?

Наконец Кот дошёл до первого этажа. Сел у входной двери и стал ждать: кто-нибудь откроет, тогда он окажется на улице. На свободе! Только теперь это будет другая свобода, не такая, как на даче. Там Кот был хозяином — здесь стал рабом.

Всю свою жизнь Кот прожил в обычной городской квартире. Улицу видел только из окна, сидя на широком подоконнике. Привычные картинки, изо дня в день мелькавшие перед глазами, и были его кошачьим счастьем.

...Кот залез в деревянный домик, осмотрелся, принюхался. Потоптался на кучке влажного песка, аккуратно присел, перевёл дух и резко лёг, откинув заднюю лапу.

Лежать в таком положении было неудобно, но зато утихла боль. Заснуть, конечно же, не получится, и пробовать не стоит. Какой там сон — ему бы только отлежаться до рассвета.

Кот закрыл глаза, но вдруг... Послышались шаги и громкий смех.

Он вскочил, метнулся к выходу. Добежал до карусели и только там, ощутив себя в безопасности, обернулся.

Компания молодых людей остановилась у избушки, где минуту назад дремал Кот. Вовремя он убежал: кто знает, что у них на уме. Людям, тем более тем, кто повышает голос, доверять нельзя.

Надо уходить с площадки куда угодно, только бы не слышать шума. Но разве от него убежишь! Он везде — голоса, собачий лай, какие-то незнакомые звуки, а совсем близко рычат моторы. Машины. Коту знаком их рёв. Наверное, где-то поблизости есть дорога.

И внезапно Кота осенило. Дорога! Если идти по ней, то можно найти хозяев. Дениску, Диму, Марину. Семью!

Забыв о больной лапе, о страхах, не обращая внимания на ночные шумы, Кот направился к дороге. Осторожно, не спеша. Десять шагов — и остановка. Минута отдыха, быстрый взгляд по сторонам — и снова в путь.

А шум нарастал, ярче светили фонари. Но Кот уже не боялся. У Кота появилась цель.

Дорога оказалась намного опасней, чем он предполагал. Одна за другой по ней мчались машины, свет фар слепил глаза. Кот постоял возле бордюра и решил не рисковать. Дошёл до автобусной остановки, посмотрел на мигающий глаз фонаря и побрёл к кустам сирени.

Устроившись на пыльной траве, Кот положил морду на вытянутую лапу и задумал-

ся. Но вскоре мысли стали путаться, веки сомкнулись, Кот задремал. Однако сон его снова был нарушен: взвизгнули шины, хлопнула дверь.

Коту захотелось есть. Утолить жажду удалось вечером, когда он проходил мимо мутной лужи на школьном дворе. Пить невкусную воду было неприятно, но выбора не было. Напившись, юркнул в кусты и просидел там до наступления сумерек.

А есть-то хочется. Кот попробовал траву, но она оказалась несъедобной. И дело вовсе не в отсутствии вкуса — он-то как раз был, но что это за вкус... Трава в городе, особенно придорожная, оказалась настоящей отравой. Но кто знает, что будет с ним завтра? А послезавтра? А через неделю? Когда прижмёт, съешь даже отвратительную луковую головку.

Кот вспомнил, как Марина чистила на кухне лук и мелко резала его на деревянной дощечке. По её щекам катились слёзы, она быстро моргала, отворачивалась. И, если Кот сидел на подоконнике, он тоже начинал моргать и у него слезились глаза, а в нос ударял резкий запах. Кот выбегал из кухни, недоумевая, для чего Марине понадобился этот ужасный лук.

А теперь Кот голоден. Пока не настолько, чтобы съесть луковицу, но уже близко к тому. Пил же он мутную воду из лужи?

Пил. Так-то! На улице и не такое может произойти с одиноким котом.

Раньше было счастье – большое, уютное. И заключалось оно в простых вещах, таких как сидение на коленях у Марины, игра с любимым пёрышком, спокойный послеобеденный сон. Сколько у него было моментов блаженства? Десятки, сотни, тысячи? Много – за семнадцать-то лет. Но теперь всё в прошлом.

...Где же раздобыть еду, думал Кот, зайдя в палисадник позади длинного панельного дома. Траву есть нельзя, искать пропитание он не обучен – попросту не умеет кормиться самостоятельно. Не было необходимости постигать эту премудрость, живя в семье. Придётся учиться.

Правда, удача всё-таки улыбнулась ему: у преграждающей путь металлической решётки он уловил едва слышный шорох и писк, а немного погодя почуял знакомый запах. Запах серого существа, что зовётся мышью. Помнится, на даче при виде мышей у него появлялся зверский аппетит.

Пригнувшись, Кот начал приближаться к решётке. Самой мыши он не видел, шёл на запах и звук. Ступал осторожно, бесшумно, даже лапа перестала болеть.

Ночь была с ним заодно. Кот не знал, видят ли мыши в темноте так же хорошо, как кошки, но очень надеялся, что зверёк окажется-

ся подслеповат и нерасторопен. Коту нельзя остаться без еды: в ней сила, так необходимая ему для поиска хозяев.

Домой Кота будет вести загадочное шестое чувство. Большинство кошек способны безошибочно найти дорогу домой, преодолев десятки, сотни километров. Благодаря развитому чутью они хорошо ориентируются на местности. А может быть, дело в крепкой телепатической связи с хозяевами. Кот и сам не знал, какая сила им движет, но чувствовал, что должен идти туда, куда его несут лапы.

Загадочные существа – кошки! Человек полагает, что ему давно известны все кошачьи секреты. На самом же деле кошки, эти хранители судеб, своенравные, гордые, непредсказуемые обладатели девяти жизней, окутаны ореолом тайны. И никому пока не удалось разгадать их сущность. Кошки живут рядом с нами, среди нас, мы видим их ежедневно, повсюду, они кажутся нам простыми и малоинтересными, но стоит заглянуть кошке в глаза, поймать её особенный взгляд, и сразу же возникает ощущение незримой силы, исходящей от этих милых домашних любимцев.

А что же Кот? Он увидел мышь. И она ему понравилась.

Кот слегка качнулся, замер на мгновение – и прыгнул. Мышь метнулась было в сторону, но уйти ей не удалось.

В отличие от мышей, живущих на даче, мышь городская оказалась не такой вкусной. Но Кот был доволен: всё-таки еда. На душе сделалось спокойней, внутри разлилось приятное тепло, Кот дошёл до клумбы с пахучими цветами, потоптался на краю и начал умываться.

Глава десятая

Вперёд, только вперёд!

День Кот провёл в пути, а к вечеру, подустав и заметно проголодавшись, забрёл на заброшенную стройку, где было относительно спокойно.

Здесь он решил переночевать в каком-нибудь укромном уголке.

Он проспал до рассвета, а едва в окна заглянул новый день, молодой, настойчивый, полный птичьих голосов и шума отдалённой магистрали, Кот засобирался в дорогу.

Недалеко от стройки протекала речушка. Кот почуял воду и, прежде чем выйти к дороге, по левую сторону которой выстроились высотные дома, а по правую тянулись нескончаемые гаражи, спустился к речке.

В речушке плавали дикие утки. Они с шумом перебирали перепончатыми лапами, черпали широкими клювами воду и, за-

прокидывая головы, били крыльями по воде. Утки были похожи на маленькие лодочки, Кот любовался ими, сидя на берегу. Особенно ему понравился их способ находить в воде корм. Плыёт утка медленно, громко крикает, потом раз – и голову в воду, хвост вверх. Через секунду выныривает, клювом чавка-чавк – уже сыта. И поплыла дальше по своим речным владениям.

Напившись, Кот вернулся к дороге, перебежал на другую сторону, обошёл вокруг деревянной постройки с высокой лестницей, принюхиваясь к манящему запаху еды. Чем пахло, он не понял, но точно знал – где-то рядом есть пища. Потому и бегал, ища источник слабого запаха. В траве обнаружил мятую консервную банку. Пахло вкусно, но, к сожалению, банка была пуста.

Днём Кот нашёл еду во дворе, у скамейки, где сидели две женщины, качая в колясках спящих малышей. На полиэтиленовом пакете лежали размоченные сухари вперемешку с пшеном. Дело обычное: наверняка какая-нибудь сердобольная старушка подкармливала голодных голубей. Местные кошки на хлеб внимания не обращали, должно быть, не так сильно голодали, а Кот не побрезговал. Подбежал, пристально посмотрел на молодых мам и стал жадно жевать заплесневелые сухари. Он ел, испуганно оборачиваясь

и прислушиваясь к каждому шороху. Опасался, что еду отберут, а его прогонят или даже ударят.

Насытившись, Кот залез под машину, ощутив себя везунчиком. Разомлев, немного подремал, потом долго смотрел на прохожих, точнее, на их ноги. Люди куда-то шли, откуда-то возвращались. Одни не торопились, другие бежали, третьи, дойдя до определённой точки, останавливались, и тогда Кот слышал разговоры и смех.

Он долго не решался выйти из укрытия, сидел и ждал, когда стемнеет и ног уже не будет так много, и от них перестанет рябить в глазах. Люди разойдутся по домам, а неугомонный город будет продолжать жить своей шумной, непонятной жизнью.

Когда под машину закатился мяч, Кот в испуге выскочил на тротуар. Он нервно осмотрелся по сторонам, готовый в любой момент дать дёру. Но вроде всё спокойно, никто его не преследует. А мяч закатился под машину случайно, и две маленькие девочки — лет пяти, не больше — пытались достать его.

Заметив Кота, одна из них подбежала к тротуару и несмело протянула руку.

— Хороший, — сказала она и робко дотронулась до макушки Кота.

Он ответил тихим мурчанием. Ладошка рыжеволосой девочки пахла так же приятно

и нежно, как Денискина. И глаза у девочки сверкают, как у Дениски, и веснушки на щеках такие же милые и забавные. Она похожа на его маленького хозяина. Кот встал и доверчиво потёрся о колено малышки.

— Таня, отойди от кошки!

— Ну, мам, — протянула Таня, продолжая гладить Кота.

— Не мамкай, отойди, я сказала! Укусит сейчас.

— Он не укусит, он мурлычет. Сама послушай. Слышишь?

— Отойди от кошки, или домой пойдём.

Таня неохотно отошла в сторону. С минуту она смотрела на Кота. Ей так хотелось дотронуться до него ещё разок, провести ладошкой по шёрстке, услышать ласковое мурчание. Но мама запретила. Таня вздохнула и ушла. Кот перебрался ближе к колючим кустам шиповника, заметил полусгнившую деревянную скамейку со сломанной спинкой и прыгнул на неё, вздохнув так же печально, как маленькая Таня.

Стало темнеть, из подъезда вышли двое — тучный мужчина, с аппетитом жующий сосиску в тесте, и худая светловолосая женщина в очках.

Первым Кота заметил мужчина. Ухмыльнувшись, он слегка хлопнул ладонью по ноге и сказал:

— Мишкин кот, что ли?

— Мишкиного давно на дачу отвезли, — ответила женщина. — Это другой. Но похож.

— Этот здоровей.

Услышав про дачу, Кот спрыгнул на землю и нерешительно приблизился к незнакомцам. Они упомянули дачу, значит, они знают его хозяев. И им можно доверять. Перед глазами вдруг возникла улыбающаяся Зая. Кот отпрыгнул назад. Нет, доверять им нельзя, он видит этих людей впервые, ничего про них не знает. Один раз его удалось обмануть, теперь, наученный горьким опытом, Кот будет осторожен.

— Гляди, испугался, дурень, — снова ухмыльнулся мужчина.

— Ладно, пошли, дался он тебе.

— Голодный, наверное, — сказал толстяк, откусив большой кусок сосиски.

— А то! Они все на улице голодные.

— Летом мышей можно по подвалам ловить. Ты мышей-то ловишь? — обратился он к Коту. — Ловит! Мордаха упитанная.

— А на сосиску в тесте как страдалец смотрит, — засмеялась женщина. — Ну, дай ему, чего дразнишь!

— Не возьмёт. По глазам вижу — не возьмёт.

И всё-таки мужчина отломил кусочек и бросил Коту. Тот схватил угощение и скрылся в кустах.

– А ты говорил, не возьмёт, – заметила женщина. – Голодный. Оставь ему всё, чего там.

Оставлять, по большому счёту, было нечего: немного теста, уже без сосиски, мужчина положил на скамейку.

Проглотив последний кусочек, Кот вернулся, увидел остатки теста, съел и печально посмотрел в сторону крайнего подъезда, где скрылись двое – толстый мужчина и светловолосая женщина в очках.

Глава одиннадцатая

Анна Ниловна

Дверь медленно открылась, из подъезда вышла невысокая пожилая женщина в широких брюках, мешковатой кофте и кокетливо сдвинутой набок беретке. В руках она держала кастрюлю, накрытую широкой крышкой, и чёрный полиэтиленовый пакет.

Женщина прошла мимо сидевшего на скамейке Кота, и тотчас же воздух пропитался приятным, вкусным запахом. Едой пахло из кастрюли, это Кот определил сразу. Он начал перебирать лапами, вытянул шею, стараясь сообразить, что именно и куда понесла в кастрюле незнакомка. Почти так же пахла консервная банка, обнаруженная им днём, но, увы, оказавшаяся пустой.

— Киса-киса-киса, — услышал Кот тихий голос.

Его, что ли, зовут? Не может быть. Откуда этой женщине знать его имя?

— Киса-киса-киса, — повторила чуть громче пенсионерка, поставив кастрюлю на бордюр тротуара.

Первым делом она достала из пакета несколько пластиковых контейнеров, похожих на маленькие мисочки, потом ложку. Открыла кастрюлю и стала накладывать в миски какую-то неизвестную вкусность, распространявшую аппетитный аромат.

Кот облизнулся. Может, стоит подойти к женщине? Она добрая и, скорее всего, не причинит зла — он понял это по её голосу. И звала она наверняка его, кого же ещё!

Пока он размышлял, как лучше поступить, к незнакомке подбежали несколько кошек. Кот насторожился. Чужаки. Получается, звали не его, да и вкуснятина эта предназначалась другим кошкам. Ну что ж, придётся не высовываться, ждать, когда усатые-полосатые наедятся и разбредутся по своим делам. Уйти сейчас было бы большой ошибкой. Нет, Кот не трусил, просто не хотел наживать неприятностей.

Стараясь не обращать внимания на радостно уплетавших собратьев, Кот отвернулся и начал вылизывать переднюю лапу.

Тихий голос раздался совсем близко. От неожиданности Кот пригнул голову и, прыгнув со скамейки, выбежал на дорогу.

— Ты, никак, новенький будешь? — ласково спросила женщина, нагнувшись к Коту.

Её морщинистое лицо, печальные глаза, выбившиеся из-под берета седые волосы произвели на Кота сильное впечатление. Он проникся к незнакомке глубокой кошачьей симпатией, почувствовал её искреннюю заботу, так необходимую ему сейчас. Мяукнув, Кот выгнул спину и задрал хвост трубой.

— Есть хочешь, — утвердительно сказала женщина, погладив Кота по голове. — Чего ж ты не подошёл вместе со всеми? Испугался, да?

Кот тёрся об её ноги, а она, плотнее прикрыв кастрюлю крышкой, сказала:

— Пошли ко мне, накормлю тебя.

Женщина поднялась на крыльцо, коснулась пальцами круглых кнопок на двери, и кнопки запищали, словно пойманные мыши. Потом раздался пронзительный звук — и дверь открылась.

— Заходи, Мальчик.

Кот прислушался. Мальчик? Это она ему?

— Иди, Мальчик, не бойся, — с улыбкой повторила добрая незнакомка.

Теперь точно ему. Значит, для неё он Мальчик. Надо запомнить.

...На маленькой кухне Кота угостили тёплым картофельным пюре вперемешку с мясными консервами. Увидев, как он набросился на еду, как жадно, почти не разжёвывая, глотал кусочки мяса, хозяйка заключила – кот бездомный. Домашние кошки, которых выпускают погулять во двор, обычно не голодные. А этот аж пофыркивает от нетерпения. Да спешит-то как – боится, отберут.

– Не торопись, – сказала она, поставив рядом с миской глубокое блюдо. – Не наешься – ещё положу. Водички попить не забудь. Ешь, ешь, – махнула она рукой, когда Кот поднял на неё глаза, полные благодарности.

Съел он всё подчистую, полакал воды из блюда и стал умываться, изредка поглядывая на кормилицу.

– Ничейный, – сказала она. – Кто ж тебя на улицу выгнал? Не привыкший ты к улице, сразу видно. И что мне с тобой делать? У меня на ночь останешься?

Она разговаривала с ним, как с человеком, иногда делая паузы, словно ожидая ответа. Выпустить его на улицу не решилась: что-то подсказывало сердобольной Анне Ниловне – надо оставить Мальчика. Пусть переночует, а там видно будет. Может, ближе к утру всё само собой разрешится: поцарапается в дверь, попросится выйти. А нет, так пока у неё по-

живёт. Уж больно кот хороший, крупный, ухоженный, хотя и уставший, напуганный.

Анна Ниловна принесла с балкона лоток, поставила его в уборной и пояснила:

— От Тишки лоток остался. Ты уж не побрезгуй, Мальчик, договорились?

Чуть погодя она расчесала Кота щёткой, очевидно, тоже оставшейся от неизвестного ему Тишки, положила в миску пюре и консервов, подлила в блюдце воды.

Сытый, довольный, что удалось найти временное пристанище и вновь обрести веру в людей, Кот прошёл за Анной Ниловной в комнату, лёг на диван и заснул крепким, безмятежным сном.

Ночью Кот неоднократно просыпался, но к входной двери не подходил. Искать хозяев, конечно, надо, только сначала не мешало бы окончательно оклематься. Задняя лапа ещё побаливала, особенно при прыжках.

Бездомные собраты не поняли бы Кота, сочли бы его глупым и недалёковидным. Такое счастье привалило — не успел появиться в незнакомом дворе, а уже стал любимчиком доброй Анны Ниловны, дом обрёл, в тепле, в сытости живёт, на диване хозяйском спит. Чего ещё надо, спрашивается? Живи в своё удовольствие и дорожи новой хозяйкой — нет, тянет его, бестолкового, в какие-то неведомые дали. Хозяев, видите ли, искать

собрался. Смешно! Зачем они тебе нужны? У тебя теперь есть Анна Ниловна, она твоя хозяйка. Не ходи никуда, не испытывай судьбу.

Именно так сказали бы Коту многочисленные хвостатые родственники, которых ежедневно подкармливала Анна Ниловна. И невдомёк этому бездомному зверю, что без хозяев он погибнет. Даже живя у Анны Ниловны, наедаясь досыта и мурлыча на мягком диване, Кот не сможет чувствовать себя счастливым.

Ну что ж, не поймут, и ладно. Анну Ниловну тоже соседи не понимают, а она знай доброе дело делает. В ответ на упрёки лишь улыбается и доказывать свою правоту не стремится.

Несколько раз в день заходит к Анне Ниловне соседка – Вера Ивановна. Весьма неприятная особа – шумная, крикливая, тучная, как раздувшийся шар, а лицо злое, сразу видно.

Увидев утром у Анны Ниловны Кота, Вера Ивановна грубо сказала:

– Дворовых тебе мало, теперь квартиру в кошкин дом превратишь.

– Ты не кричи, Вера, – спокойно и беззлобно ответила Анна Ниловна. – Видишь же, кот домашний, пропадёт на улице, плохо ему там будет.

– Дурость это, Аня. Всю жизнь кошки на улице живут, а у тебя вечно причины найдутся дурость свою оправдывать. Вспомни

хоть Тишку, сколько ты с ним по ветеринарам мыкалась, сколько денег угрохала. А он всё равно сдох.

— Два года ещё прожил после болезни, — улыбнулась Анна Ниловна.

— На твою пенсию жил, калека несчастный. Говорила тебе — усыпи. Да ты людей умных слушать не привыкла, — Вера Ивановна посмотрела на примостившегося на подоконнике Кота и погрозила ему кулаком: — У-у! Через вас все несчастья, черти хвостатые! Кормит вас дура старая на свои деньги, а вы и рады. Ты посмотри, какая у него морда, он же лучше тебя питается.

— Мне много не надо, ты сама знаешь.

Вера Ивановна согнала Кота с подоконника:

— Брысь! Лежит, на нервы действует. Да, знаю, — сказала она Анне Ниловне. — Кошки на твоих консервах жиреют, а ты кашу на воде ешь.

— Каша на воде полезней консервов, — отшутилась Анна Ниловна.

— Ладно, — Вера Ивановна остыла, даже улыбнулась. — Тебя не переубедишь. Но учти, этот тебя точно по миру пустит.

— Не оставляю я его себе, — Анна Ниловна посмотрела на притихшего в коридоре Кота. — Сначала думала, хозяева бросили, теперь сомневаюсь. Вдруг сам убежал, дорогу домой

найти не может. Объявления надо расклеить.

– Снова-здорово! От хорошей жизни не убежал бы. Выкинули – и всё, какие объявления, Аня, пожалей себя.

Вечером Анна Ниловна расклеила несколько десятков объявлений с незамысловатым текстом: «Найден кот. Очень крупный, пушистый. Рыжий, с белым пятном на животе. Немного прихрамывает на правую заднюю лапу...»

Надеялась ли она, что найдутся хозяева Мальчика? Трудно сказать. Наверное, в глубине души всё-таки верила. Не давали покоя слова соседки. В чём-то Вера Ивановна была права: от хорошей жизни бегать не принято. Получается, не убегал Мальчик от хозяев, не терялся.

– Жди у моря погоды, – сказала Вера Ивановна, узнав, что Анна Ниловна обошла весь район с пачкой объявлений и тюбиком канцелярского клея. – Позвонят они, как же. От такой зверюги отделаться – удача огромная.

– Что ты говоришь, Вера! – Анна Ниловна гладила Кота по спине, а тот, удобно расположившись у неё на коленях, громко мурчал. – Животное радость в дом приносит, одиночество разгоняет. Привыкаешь к ним быстро, есть кого заботой окружить.

– Людей заботой окружать надо, а не этих. Какая от него польза? О-о, лежит, гудит от

умиления, а пользы ноль. Были бы мыши в квартире – другой разговор. А ты вон только еду переводишь. Это ж деньги на ветер. Ты не обижайся, Аня, я свою точку зрения отстаивать буду. По мне, кошка в доме совсем ни к чему.

– Не любишь ты их.

– За что их любить? Нет, ну скажи, за что?

– Просто так, за то, что они есть, – Анна Ниловна почесала Кота под подбородком и засмеялась: – Посмотри, какой довольный. Посмотри, Вера, какие благодарные глаза. Всё понимает, всё чувствует. Он, как и мы, живое существо, он тоже хочет быть счастливым.

– Сравнила! Меня с котом сравнила. Со всем уж ты, бабка, сдурела.

– Нравится тебе у меня, Мальчик? – спросила Анна Ниловна, не обращая внимания на Веру Ивановну. – Нравится! Вдвоём заживём, весело будет. А Веру не слушай, злая она и одиночества не знает. Сын, невестка, двое внуков – она их-то не очень любит, чего уж о нас с тобой говорить.

Кот потянулся к Анне Ниловне, коснулся шершавым языком её подбородка, лизнул пару раз – поблагодарил за тёплые слова и понимание.

Вера Ивановна ушла. На Анну Ниловну не обиделась: видно, знала – соседка правду сказала. А на правду не обижаются.

Анна Ниловна гладила Кота, а он радовался ласке, отогреваясь душой и всё сильнее привязываясь к этой хрупкой доброй женщине, своей новой хозяйке.

Глава двенадцатая

Расставание

Кот быстро привык к Анне Ниловне и боялся её потерять. Она стала ему другом и совсем не заслужила, чтобы в один прекрасный день он ушёл, оставив её в одиночестве. Так поступать нельзя. Но и остаться навсегда в её доме он не может. Что делать?

Стараясь отвлечься, Кот бегал по квартире за звенящим шариком, играл с тряпичной мышью, спал на диване, смотрел в окно, сидя на узком подоконнике, или слушал рассказы Анны Ниловны. Она любила поговорить со своим Мальчиком.

Особенно душевные разговоры начинались поздно вечером, когда Анна Ниловна, накормив дворовых кошек, возвращалась домой. Мыла кастрюлю, ложку, выключала в кухне свет и садилась у окна. Сначала долго смотрела, как, собравшись на тротуаре, её четвероногие питомцы радостно машут хвостами, доедая ужин. Улыбалась. Потом подзывала Кота и начинала рассказывать.

Он с готовностью откликался на зов Анны Ниловны, прыгал к ней на колени и с удовольствием слушал её нескончаемые воспоминания.

— Неделя пролетела, — сказала сегодня Анна Ниловна Коту. — Не позвонили нам, Мальчик, никто тобой не поинтересовался. Видно, и правда не нужен ты своим хозяевам.

Кот громко мяукнул, выражая протест. Нет, возразил бы он Анне Ниловне, если бы умел разговаривать, ошибаешься ты, старушка. Мои хозяева меня любят и ждут. И я верю, что скоро мы воссоединимся.

— Останешься у меня, — продолжала Анна Ниловна, почесав Кота за ухом. — Ты, Мальчик, не огорчайся, о хозяевах лишний раз не вспоминай, постарайся забыть. Что было, то было. Обидно тебе, понимаю, предательство близких глубокие раны на сердце оставляет. А ты прости. В прощении сила.

После этих слов Анна Ниловна надолго умолкла. А когда Кот лизнул ей ладонь, тихо засмеялась:

— Тишку своего вспомнила. Шустрый котяра был! Любопытный до безобразия, а озорной... Как с малым дитём я с ним возилась, честное слово. Правда, с возрастом поумнел, остепенился, важным стал.

Коту нравилось слушать голос Анны Ниловны: когда она говорила, он вспоминал дом.

— Не повезло Тишке на старости лет, Мальчик. Моя тут вина. Не надо было на улицу его выпускать. Четырнадцать лет, старичок... Машина, что ли, его сбила, не знаю точно. Нашла вечером в палисаднике: побитый, весь в крови, еле живой. В ветеринарной лечебнице с того света вытащили, но задние лапы у него отнялись. Усыпить Тишку предлагали, Вера громче всех кричала, а у меня рука не поднялась. Ну, думаю, усыпят его, а смогу я потом спать спокойно? Не ходят лапы — беда, конечно, так в остальном-то здоров, жить хочет. Сделали ему протезы на колёсиках, с ними Тишка быстро освоился, два года ещё прожил и умер от старости. Не заговорила я тебя, Мальчик, не устал старуху слушать? — Анна Ниловна поцеловала Кота в макушку. — Давай тогда расчешемся. А потом спать.

Расчёсывая Кота, Анна Ниловна рассказывала ему истории из своей долгой жизни. А Кот мурчал и слушал — хорошим оказался собеседником, чутким. И окончательно понял — уйти от неё просто так он не сможет.

Жанна забегала к Анне Ниловне два-три раза в неделю. Вихрем врывается в дом, нарушая привычную тишину звонким смехом, и дом оживал. С лица Анны Ниловны не сходила улыбка, Кот, мешаясь под ногами, всячески старался обратить на себя внимание

гостьи: мяукал, мурчал, так и вился вокруг Жанны. А она садилась за стол и начинала рассказывать разные интересные вещи.

Анна Ниловна наливала чай, доставала из шкафа вазочку с конфетами, печеньем и слушала Жанну. А та гладила Кота, пила чай с печеньем и говорила, говорила...

Хорошая она, добрая. Кот успел проникнуться симпатией к девушке.

Анна Ниловна называла Жанну глотком свежего воздуха и своей палочкой-выручалочкой.

Сегодня Жанна припозднилась. Почти стемнело, Кот дремал на стуле, Анна Ниловна перемешивала в кастрюле гречку с тушёной. Пахло вкусно, но Кот был сыт, на запахи внимания не обращал.

Резкий звонок в дверь прорезал тишину.

— Кто это к нам, Мальчик, на ночь глядя появился?

Кот опередил Анну Ниловну и, когда она подошла к двери, уже упёрся в дверь лапами, пытаясь дотянуться носом до ручки.

— Свои пришли, Мальчик? Признал, да? Признал! — обрадовалась хозяйка, увидев на пороге Жанну. — Вон как приветствует, ты погляди, какие круги выписывает.

Жанна взяла Кота на руки, он замурчал громче, торопливо перебирая передними лапами.

— Баба Ань, мы утром в магазин едем, напишите списочек.

Список был готов, и Анна Ниловна протянула его Жанне. А та неожиданно сказала:

— Не нашлись, значит, хозяева Мальчика.

— Да где там, — отмахнулась Анна Ниловна. — Тишина.

— Какой же ты умный, котяра, — Жанна поцеловала Кота в нос. — Ты всё понимаешь? Умница! Хороший Мальчик! Баба Ань, я поговорить с вами хотела. О Мальчике.

...Вскоре Жанна ушла, а Анна Ниловна, забыв о кастрюльке с гречкой, сидела, глядя куда-то в одну точку. Всё думала о чём-то, рассматривая на Кота, и вдруг тихо заплакала.

— Подойди ко мне, Мальчик. Иди на колени.

Кот прыгнул к ней на колени, потоптался всеми четырьмя лапами, устраиваясь поудобнее.

— Такая вот у нас петрушка вышла, — проговорила Анна Ниловна, и слеза упала Коту на макушку. — Кто знает, Мальчик, может, ты и в самом деле там нужнее. А как человеку не помочь? Надо помочь. Привыкла я к тебе, что говорить, и ты у меня освоился. Скучать я буду, Мальчик! А ты помоги там. Жанна тебе плохого не сделает, добрая она. Эх, Мальчик ты мой, Мальчик! — Анна Ниловна крепче прижала к себе Кота и всхлипнула.

Позже обычного ушла она кормить бездомных кошек остывшей гречкой. А вернувшись, села у окна и, не сказав ни слова, просидела, сгорбившись, почти до рассвета.

Кот спал в соседней комнате, на диване, свернувшись калачиком. Не подозревал он, что в его кошачьей жизни опять грянут перемены, что ждёт его расставание с Анной Ниловой и новая встреча. И опять его судьбой распорядились люди. А они, хоть и желают ему добра, но всё-таки преследуют свои собственные цели.

Утром пришла Жанна. На этот раз она не смеялась и заметно нервничала. Возле входной двери Жанна поставила тёмно-синюю переноску с откидной крышкой-решёткой, при виде которой Кот ощутил беспокойство. Что-то здесь не так. Жанна сегодня другая, невестёлая какая-то. Анна Ниловна всё вздыхает, а когда Кот ловит её взгляд, быстро отворачивается.

— Чайку выпьешь? — спросила она Жанну.

— Нет, ехать надо, — ответила та и, обращаясь к Коту, сказала: — Мальчик, смотри, что я принесла. Нравится?

Кот остался равнодушен к игрушке-пищалке, не заинтересовал его и мягкий мячик, купленный Жанной ему в подарок.

— Чувствует, наверное, — заметила Анна Ниловна.

— Ему там будет хорошо, баба Ань, не переживайте. Потом я привезу Мальчика обратно. Ну, — Жанна обняла её и улыбнулась, — долгие проводы — лишние слёзы.

В переноску Кот садился неохотно, пытался вырваться из рук Жанны, но пускаться в ход зубы и когти поостерёлся: ведь Жанна — друг. Какие уж тут когти!

Переноску и объёмный полиэтиленовый пакет Жанна поставила на заднее сиденье машины, сама села на место водителя, включила радио и, бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, выехала со двора.

И вот Кот снова в пути. И снова не ведает, куда его заведёт очередная тропка судьбы.

Глава тринадцатая

Коммунальная квартира

В длинном коридоре коммунальной квартиры Жанна поставила переноску у приоткрытой двери и тихо прошептала Коту:

— Подожди меня. Я скоро.

Кот посмотрел на неё безропотно и покорно. Хорошо, читалось в его глазах, подожду. Если просишь, так и быть. Только ты не задерживайся.

Жанна прошла в комнату, а Кот попытался осмотреться, насколько позволяли узкие

окошки переноски. Коридор был длинный, широкий, наверняка бегать по нему сплошное удовольствие. Если Кота выпустят, он обязательно пробежится.

Вещей здесь предостаточно: громоздкие, непохожие друг на друга, старые, тяжёлые — словом, серьёзные вещи.

Высокий шкаф со стеклянными дверцами доверху забит коробками, одна ножка у него сломана, поэтому он стоит на толстой книге. На шкафу коробки и перевязанные шпагатом книги. Вся эта конструкция почти упирается в потолок и абсолютно не внушает доверия — шаткая, ненадёжная.

На стене висит металлический таз, чуть левее, но значительно ниже прикреплён велосипед, увешанный пухлыми пакетами. Напротив шкафа громоздится сейф. Видимо, его значимость среди прочих вещей неоспорима, поэтому сейф не заставлен коробками и связками книг.

Нашлось в коридоре место и оконной раме, и разборному столику, и деревянной спинке кровати, и чугунной мойке, и мешку цемента, и старой трёхногой табуретке.

Запах здесь был особый. Дух коммунальной квартиры! Аромат духов смешивался с запахом подгорелой яичницы, пахло кислыми щами и табачным дымом, краской и кремом для обуви, размороженной рыбой и хозяйственным мылом.

Как же всё это щекотало кошачий нос! Пофыркивая и словно пытаясь лапой отогнать нахлынувшие запахи, Кот ждал возвращения Жанны. А её до сих пор не было. Сидеть в переноске и смотреть оттуда на многочисленные вещи просто невыносимо. Хочется познакомиться с ними, войти в личный контакт с каждым предметом. Любопытно же!

Войдя в комнату, Жанна села на свободный стул. Лежавший на кровати молодой человек нехотя повернулся и молча посмотрел на гостью.

— Живой? — спросила Жанна.

— Твоими молитвами.

— А почему на звонки не отвечаешь?

— Мне никто не звонит, — сказал он каким-то бесцветным голосом.

— Матвей, может, хватит изображать мученика? Посмотри, на кого ты похож: худой, заросший, бледный, как призрак. Ты бы хоть побрился!

— Для кого?

— Для себя. Полгода прошло, пора начинать жить дальше.

— Прошло пять месяцев, Жанка, и жить дальше я не хочу. Ты зачем приехала?

— Поговорить.

— Говори, — Матвей прикрыл глаза, а Жанна смотрела на его небритые впалые щёки,

острый подбородок и длинные разметававшиеся по подушке тёмные волосы.

– Матвей, – наконец сказала она, – я хочу тебя кое с кем познакомить.

Жанна вышла и тут же вернулась с переноской.

– Знакомьтесь. Это Мальчик, – Жанна выпустила Кота на свободу, иронично добавив: – А тот заросший дядька на кровати – Матвей.

– Зачем ты привезла кошку?

– Кота, Матвей. Мальчик – кот. Привезла тебе в подарок, точнее, в помощь. Поживёте вдвоём, возможно, он из тебя человека сделает.

– Убери! – крикнул Матвей. – Убери кота. Он мне не нужен, я не шучу, не увезёшь обратно – выброшу его из окна.

– Не сможешь.

– Забери, Жанка!

Жанна взяла Кота на руки и присела на край кровати.

– Матвей, посмотри на него. Не отворачивайся! Пару недель назад его приютила моя соседка, у него нет дома, его выбросили на улицу. Он старый и несчастный, даже имени у него нет. Мальчиком его назвала Анна Ниловна. Пусть временно поживёт у тебя...

– Нет!

– Пусть поживёт! – повторила Жанна. – Смотри, Мальчик, это Матвей, теперь он твой

хозяин. Или наоборот, – улыбнулась она. – Извини, Мальчик, что обрекаю тебя на соседство с этим типом, но так надо.

– Кому? – спросил Матвей, поймав на себе изучающий взгляд жёлтых кошачьих глаз.

– Тебе, конечно. Чтобы ты окончательно не закис и не сошёл с ума. Ты всё время лежишь, смотришь в потолок, ты умираешь от жалости к самому себе. А Мальчик...

– Идиотское имя для кота, – перебил Матвей.

– Хорошо, тогда дай ему другое имя. Он тебе поможет.

– Сомневаюсь.

– Ему нужны внимание и забота.

– Мне тоже.

– Тебе – нет! – отрезала Жанна. – Уже нет. Ты сам это знаешь, кончай изображать несчастного.

Матвей промолчал. А когда Жанна встала и спустила Кота на пол, спросил:

– По-твоему, я действительно буду возиться с котом?

– Будешь. Я привезла всё необходимое: лоток, миски, расчёску, корм, даже подстилку захватила.

– Постой, Жанка, не уходи.

– Я должна идти.

– Какой корм, какая подстилка?! Я не собираюсь оставлять у себя кота!

– Учти, теперь ты за него в ответе, – отрезала Жанна. И выразительно помолчав, добавила: – С этого дня самый слабый здесь – он. Волей-неволей придётся себя перебороть. Я позвоню вечером. Бери трубку, Матвей, и не обижай Мальчика.

Жанна вышла в коридор, Кот проводил её взглядом, подбежал к кровати, мяукнул и задрал пушистый хвост.

– Пошёл вон! – сквозь зубы процедил Матвей. – Уходи! Брысь!

Парадокс, но за показной грубостью Матвея Кот сумел разглядеть незащищённость, уязвимость и, пожалуй, обиду своего нового хозяина. Матвей кричал, но глаза его оставались добрыми: он словно просил у Кота прощения и в то же время продолжал гнать его. И тогда мудрый Кот понял: Матвей кричит не на него – на себя. Ему тоже плохо. Значит, ему надо помочь.

Матвей понравился Коту, о чём он не замедлил известить нового хозяина протяжным мяуканьем.

– Брысь! – сказал тот, прикрыв глаза ладонью.

Кот залез под стул, повертел головой и затосковал. Он опять вспомнил смех Дениски и тёплые ладони Марины, свои игры с пёрышком и любимую миску в форме мышонка...

В просторной комнате Матвея царил беспорядок: мятые рубашки валялись на подоконнике вместе с полупустыми тюбиками красок, глиняным горшком – последним пристанищем засохшей герани – и пепельницей с сиротливым окурком.

Второй подоконник был заставлен посудой: чашки, тарелки, ложки, ситечко с чаем, открывалка, пластиковый контейнер, дуршлаг мирно уживались здесь с бутылкой растворителя, аэрозольным баллончиком и промасленными поролоновыми губками.

Глубокое кресло, когда-то уютное и даже элегантное, превратилось в склад грязного белья, в основном измазанного краской. Со спинки свисало широкое махровое полотенце в разноцветных пятнах. Слева от окна стоял мольберт с прикрепленным холстом.

На низком столике лежали кисти, тюбики, палитра с засохшими красками. К столу был прислонён большой подрамник. Вдоль дальней стены выстроились холсты в рамах: многочисленные эскизы, этюды, наброски, зарисовки.

Из распахнутого высокого шкафа на пол вывалились джинсы, свитера, носки, футболки, холсты в рулонах, старые журналы, кроссовки. Комната казалась нежилой, она смахивала на художественную мастерскую, где можно поработать, провести несколько часов

в день, наспех перекусить, поразмышлять об искусстве — но никак не жить постоянно.

А Матвей здесь жил, он словно слился с этим развалом, не замечая его. И на Кота он не обращал внимания. Ни до чего ему нет дела. Сейчас он повернулся на левый бок и уснул, по-детски подложив ладони под щеку. Спал он забавно, чуть слышно посапывая, улыбаясь во сне.

Коту захотелось рассмотреть своего временного хозяина поближе. Немного поколебавшись, он запрыгнул на кровать и, ступая осторожно, бесшумно, чтобы не разбудить Матвея, приблизился к его лицу. Сел, начал перебирать лапами, слегка выпуская острые коготки, замурчал, зевнул и улёгся возле подушки.

— Только тебя здесь не хватало, — сквозь сон пробормотал Матвей и повернулся на другой бок, оставив Кота в замешательстве.

Не прогнал, не обозвал, посмотрел совсем по-доброму. А может, рискнуть и попросить у Матвея еды? С утра ведь голодный. К тому же перенервничал: шутка ли — полтора часа в тесной переноске. Кот встал, ткнул Матвея мордой в затылок. Никакой реакции. Ткнул ещё раз.

— Хватит! — отмахнулся тот.

Перепрыгнув через Матвея, Кот снова уселся возле него и осторожно коснулся ладонью его щеки.

– Да уйди ты! Брысь, сказал!

Не в духе. Кот спрыгнул на пол. А есть-то хочется, да и попить бы не мешало. Взгляд Кота задержался на приоткрытой двери. За дверью коридор – такой необычный, с массой интересных вещей. Он так манит Кота, что отказать себе в удовольствии устроить экскурсию по квартире практически невозможно.

Кот шмыгнул в дверь.

Глава четырнадцатая

Голод не тётка

Исследовав коридор, Кот прошёл на кухню. Большая, светлая, она производила впечатление главного помещения в квартире. Комната Матвея слишком захламлена, коридор напоминает склад, а вот облицованная белой керамической плиткой кухня, несмотря на выстроившиеся у окна газовые плиты, несколько обеденных столов, три холодильника и вместительный буфет, казалась просторной.

Кот повёл носом, принюхался – вкусно пахло чем-то съедобным. На крайнем столике дымился чай в высокой кружке, рядом на разделочной доске лежал бутерброд с ветчиной – вот он, источник манящего аромата.

Кот запрыгнул на мягкий стул, вытянул шею, передние лапы поставил на столешни-

цу. Ох, как же пахнет ветчина! Дразнящий запах мяса прямо-таки лишил Кота возможности контролировать своё поведение.

Живя в семье, Кот никогда не воровал еду, попросту игнорируя хозяйский стол. Ведь у него был собственный кошачий корм – отличный сухой корм, полностью отвечающий гастрономическим пристрастиям и капризам взрослого кота.

Увы, теперь всё изменилось. На улице он питался невкусной травой и размоченным хлебом, у Анны Ниловны ел простую пищу, в основном варёные овощи вперемешку с консервами, макароны, супы и каши. Чем его будет кормить Матвей, и будет ли кормить вообще – вопрос. А без еды трудно, так хочется пожевать что-нибудь вкусненькое, нежное.

Запах ветчины сводит с ума. Робко, словно понимая, что совершает нечто постыдное, Кот протянул к бутерброду правую лапку. Дотронулся до кусочка ветчины, вздохнул и отвернулся. Почудилось, будто, ощутив прикосновение его лапы, ветчина запахла ещё сильнее, словно просила: «Съешь меня». Что делать? Он зацепил кусочек коготком и чуть потянул на себя.

Ветчинка упала с хлеба на доску. Кот убрал лапу, продолжая гипнотизировать заветный кусочек голодным взглядом. Хорошо бы, ветчина сама начала двигаться к краю

стола, упала бы на пол, и тогда он съел бы её без всяких хлопот и сомнений. А так – воровство. Прыгать на стол нельзя – так говорили Коту ещё родители Димки.

Кот пребывал в предвкушении. И вдруг мяукнул – громко, жалобно, перевёл взгляд на кружку с остывающим чаем, потоптался всеми четырьмя лапами на мягком стуле и решил на то, за что наверняка получил бы нагоняй от Марины.

Он запрыгнул на стол, задрал хвост трубой и всё-таки схватил зубами вожаделенный кусочек ветчины. О-о! Какое блаженство он испытал! Ветчина таяла во рту. Кот ел, щурясь от удовольствия, совершенно не ощущая себя воришкой.

В самый последний момент, когда осталось проглотить последний кусочек, Кота застали с поличным. В кухне неожиданно появилась средних лет женщина, с гладким лицом и замысловатой причёской в виде какой-то непонятной конструкции.

Сначала она увидела Кота на столе, потом перевела взгляд на свой бывший бутерброд, оставшийся без ветчины, и подняла страшный шум.

– Игоряша! Игоряша! – пронзительно закричала женщина.

Она затопала ногами, а стоило Коту в панике броситься вон из кухни, с визгом отско-

чила в сторону. Будто мимо неё пробежал не красавец кот, а облезлая крыса.

— Игоряша! — голосила женщина. — Немедленно иди сюда, нас обокрали!

Кот промчался по коридору — мимо оконной рамы, шкафа, старого холодильника — и уже подбегал к комнате Матвея, когда из соседней двери вышел узколицый мужчина в очках с фотохромными линзами.

Это был тот самый Игоряша, которого звала женщина с чудной причёской. Спеша, он едва не споткнулся о Кота, но вовремя ухватился за ручку холодильника, успев краем глаза заметить, куда метнулся рыжий разбойник.

В комнате Кот спрятался за подрамник, прекрасно понимая, что криками дело не ограничится. А ведь он всего-навсего съел маленький кусочек ветчинки. Зачем кричать-то?

Матвей заворочался, проснулся. В коридоре слышались шаги и возбуждённые голоса.

— Рыжий кот забежал в комнату Матвея, — сказал мужчина.

— Откуда он вообще здесь взялся?! — срываясь на визг, спросила женщина.

В приоткрытую дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошли двое: незнакомка с затейливой причёской и её муж Игоряша.

– Матвей, извини, что побеспокоили, тут такое дело...

– Игоряша, не мямли, – перебила мужа крикливая женщина. – Матвей, у тебя в комнате кот. Его надо изловить.

– Зачем? – спросонья Матвей не мог сообщить, чем вызван гнев соседки.

– Он украл у нас ветчину! Стащил с моего бутерброда, – жаловалась женщина. Заметив Кота, который высунул морду из-за подрамника, она снова закричала: – Вон он! Игоряша, лови его! И на площадку выкинь. Игоряша...

– Это мой кот, – неожиданно для самого себя сказал Матвей. – За украденную ветчину прошу прощения. Забыл его покормить, он голодный, Ольга Аркадьевна. Этого никогда больше не повторится.

– Ты завёл кота? Матвей, зачем?!

– Для разнообразия, – отшутился он, показав Коту кулак.

– Только кошек нам здесь не хватало. Игоряша, что ты стоишь, скажи же что-нибудь!

– Что сказать, Лёля?

Ольга Аркадьевна зло посмотрела на мужа.

– Кот в квартире. Катастрофа!

– Почему же катастрофа? Ольга Аркадьевна, вы преувеличиваете, – Матвея развеселил её гнев. – Кошки приносят в дом удачу. Я прав, Игорь Львович?

— Э-э... По большому счёту... В Древнем Египте кошки считались священными животными. Многие верили...

— Игоряша, прекрати! Матвей, следи за животным, ему не место на кухне. В конце концов, мы там готовим, кошачья шерсть в тарелках нам не нужна. И корми его лучше, не дело у людей еду воровать. Игоряша, пошли.

Ольга Аркадьевна вышла из комнаты. Игорь Львович чуть задержался.

— Это действительно твой кот?

— Ну да, с недавних пор.

— Хм, забавно, очень забавно. Хорош, подлец! — Игорь Львович сел на корточки и улыбнулся Коту: — И как нас зовут?

— Помощник, — сказал Матвей, удивившись той лёгкости, с которой произнёс это слово.

— Помощник?! Определённо забавно. А что, мне нравится, отличный кот, Матвей. — Игорь Львович поднял Кота, повторив с восторгом: — Отличный кот! На Лёлю не сердись, Помощник, она сегодня не в духе.

— Как всегда, — заметил Матвей. — Без обид, Игорь Львович.

— Какие обиды, Матвей, — Игорь Львович положил Кота на кровать и прошептал: — Мне от неё каждый день достаётся, хотя я её ветины не ем.

Мужчины рассмеялись. Из коридора слышался голос Ольги Аркадьевны:

– Игоряша, где ты застрял? Я хочу с тобой поговорить. Немедленно!

– Иду, Лёлочка, уже иду, – Игорь Львович поправил очки, кивнул Матвею и вышел.

– Выпороть тебя надо, – сказал Матвей Коту. – Зачем чужую ветчину сожрал? Молчишь? Ладно-ладно, знаю, есть хочешь. Давай посмотрим, что нам тут Жанка привезла.

Матвей надел тапки и потянулся за костылём. Опираясь на него, с трудом выпрямился.

Кот смотрел, как Матвей доставал из пакета лоток, миски, подстилку, упаковку сухого корма.

– Весь набор. Значит, так, слушай меня внимательно и мотай на ус. Есть будешь в комнате, миски мы определим... – Матвей озирался в поисках подходящего места, – а хотя бы сюда, – он подошёл к окну, отодвинул коробку и поставил миску у стены. – Вот твоё место. Понял? Здесь еда. Понял, спрашиваю?

Кот потёрся спиной о подрамник.

– Так, с едой и водой разобрались. Спать можешь, где хочешь, места много. По квартире гуляй осторожно, не все соседи у меня ангелы. Лишний раз на глаза не попадайся. Моя дверь всегда приоткрыта. Понимаешь, о чём говорю, а? Бестолковое животное. Идём дальше, лоток... – Матвей задумался. – Придётся

поставить у самой двери, в уборной вряд ли получится – загрызут тогда нас с тобой. Значит, лоток у двери. Вроде всё... Или нет?

Кот подбежал к пустым мискам.

– Соображаешь! Сейчас насыплю, подожди.

Пока Кот аппетитно хрустел кормом, Матвей сходил на кухню за свежей водой. Наевшись и напившись, довольный Кот, ставший с лёгкой руки нового хозяина Помощником, прыгнул на кровать.

– Эй, тут я сплю, ищи другое место.

Кот продолжал топтаться возле подушки.

– На кровати сплю я, – повторил Матвей громче.

В ответ послышалось громкое мурчание.

– Ну ты и обнаглел! Подвинься хоть. Слышишь? Ну, Жанка! Такую свинью подложила!

Глава пятнадцатая

Соседи

Он просился на улицу каждую ночь, соседи жаловались на громкое мяуканье, поэтому Матвей был вынужден закрывать Кота в комнате. Спустя неделю Кот понял: скрести входную дверь, пытаясь дотянуться лапой до ручки, – бесполезно. Всё равно не выпустят, ему предстоит жить здесь, в коммунальной

квартире, где соседствуют такие разные, непохожие друг на друга люди...

Ольга Аркадьевна и Игорь Львович. Лёля и Игоряша. Бездетные сорокапятилетние супруги, которые привыкли жить исключительно для себя и не умели, да и не стремились жить для других. Лёля, женщина импульсивная, нервная, склонная к крайностям во всём, работала администратором в салоне-парикмахерской.

Игорь Львович, доктор биологических наук, заведовал кафедрой биологии и экологии в университете. По характеру человек мягкий, незлобивый, он снискал уважение коллектива и, что немаловажно, был на хорошем счету у студентов. По сути, Игорь Львович вёл двойную жизнь: на работе – цельный, волевой человек, состоявшаяся личность, дома – Игоряша. И этим всё сказано. Дома Игорь Львович становился мягкотелым, пассивным, заторможенным, попадал под влияние жены, чей авторитет был непререкаем. Ольга Аркадьевна держала мужа на коротком поводке, полностью подчинила его себе. И Игорь Львович смирился. Видимо, так ему было удобно.

Вторым соседом Матвея был тридцативосьмилетний пианист Лёня, или Леонид Эдуардович. Самовлюблённый, напыщенный, озлобленный и весьма упитанный молодой

человек. Когда-то он подавал большие надежды, закончил консерваторию, много гастролировал, имел успех, но всё рухнуло в один момент: воспаление сухожилий поставило крест на его музыкальной карьере. Более трёх лет Леонид не приближался к инструменту. Именно тогда он ожесточился, стал нетерпим к людям. Два года назад Леонид Эдуардович (он требовал, чтобы к нему обращались только так) начал работать тапёром в ресторанах, барах, гостиницах.

Кота он возненавидел лютой ненавистью. Скандалы Матвею закатывал практически ежедневно, требуя, чтобы тот незамедлительно избавился от животного.

– У меня аллергия на кошек! – кричал он, врываясь в комнату Матвея.

– Нет у тебя никакой аллергии, – лениво возражал Матвей.

– Ты не имеешь права держать в квартире животное, если остальные жильцы не дали своего разрешения. Всё провоняло кошатиной! Убери кота, или я ему шею сверну!

Кот ужасно боялся Леонида. Едва тот появлялся в коридоре или на кухне, пулей нёсся в комнату, забивался под кровать или запрыгивал на высокий шкаф.

К слову сказать, появление Кота как-то оживило, растормошило Матвея. Он уже не лежал целыми днями на кровати, уставившись

в потолок. Появилась ответственность. Ведь Кота надо кормить, воду в миске менять, мыть лоток. В комнате пришлось прибраться, а то повадился Кот спать на разбросанной по полу одежде: то на рубашке разляжется, то из свитера нитку острыми когтями вытянет. Опять же пыли много, пылесосить через день надо: Кот ночами играет с клубками пыли, гоняя их по всей комнате.

В холодильнике появилась нормальная еда: Матвей стал ходить в магазин. Встанет утром, Кота покормит, выпьет чаю, и вроде как на улицу его тянет. А там, опираясь на костыль, доходит до супермаркета, затаривается по полной программе, и возникает у него такое чувство, что дома его ждут. И будто нужен он кому-то. На душе светлее делается, и нога почти не болит, и скоро можно избавиться от костыля, и постригся он, и побрился — словом, жизнь-то налаживается. Благодаря Коту, Помощнику!

Вчера Матвей впервые за последние полгода подошёл к мольберту. Долго стоял в нерешительности, потом закрепил холст, подумал — и вдруг улыбнулся своим мыслям, новым и приятным.

Ещё одним соседом Матвея был пятидесятипятилетний Фёдор. Бывший водитель рейсового автобуса, ныне механик гаража. Добродушный, весёлый человек с удивительно

выразительными глазами. Фёдор часто приходил домой выпивши, начинал громко петь, шатаясь по коридору, чем доводил до белого каления Леонида Эдуардовича и Лёлю. С соседями Фёдор не скандалил, любой назревающий конфликт старался перевести в шутку, умело сглаживал острые углы. Ну а если кому-то всё-таки удавалось вывести его из себя – мог разразиться бранью.

Растянувшись на сейфе, Кот сквозь дрему слышал скрип – открылась дверь Леонида. Мужчина вышел в коридор, осмотрелся и, заметив Кота, начал осторожно приближаться к сейфу. На лице его змеилась недобрая улыбка.

– Кис-кис-кис... Не бойся. Не убегай, – в голосе Леонида отсутствовали злые нотки, и это ввело Кота в заблуждение.

Неужели хочет наладить контакт?

– Киса, иди сюда, иди.

Леонид погладил Кота, почесал ему подбородок, и вдруг резко схватил за загривок, притянув к себе. В правой руке он сжимал флакон туалетной воды. Сильная струя попала Коту в глаза, Леонид швырнул его на пол и почти бегом вернулся в комнату.

Кот извивался на паркете. Резь в глазах была невыносимой, слёзы катились ручьём, он ничего не видел, острая боль отдавала в виски и в затылок. Кругом мрак, страх

и неизвестность. Кот рванулся вперёд, ударился мордой о сейф. Стало трудно дышать. Кот сидел на полу, вытягивал шею, отчаянно сопротивляясь внезапному кошмару. Ему было очень больно.

И вдруг полегчало. Зрение вернулось, Кот увидел ножки сейфа, шкаф, холодильник и... довольное, ухмыляющееся лицо Леонида.

Однако облегчение длилось недолго. Секунду спустя перед глазами словно взорвалась бомба, всё заискрилось, маленькое кошачье сердечко учащенно билось в груди, а каждый глубокий вдох вызывал головокружение. Сделав вслепую несколько шагов, Кот потерял сознание. Он погрузился в холодную бездну, откуда, как считал Леонид Эдуардович, уже нет возврата.

...Едва Кот пришёл в себя, ему захотелось пить. Нетвёрдой походкой, щуря воспалённые глаза, он добрёл до комнаты, уткнулся в миску и начал жадно лакать. Потом прыгнул на подоконник, положил морду на передние лапы и уснул. И правильно: сон – хорошее лекарство, во сне организм легче справляется с болезнью.

С той ночи Кот знал: Леонид – его враг. При встрече с ним выгибал спину, шипел, несколько раз, когда жестокий недруг оказывался слишком близко, порывался пустить в ход зубы. Ненависть стала взаимной: человек против кота, сильный против слабого.

Отношения Кота с Лёлей и Игоряшей складывались не так драматично, как с Леонидом, но до идеальных им было далеко. В отсутствие Ольги Аркадьевны Кот часто тёрся об ноги Игоря Львовича, мяукал, выражая свою благосклонность. Тот брал его на руки, говорил приятные слова, называл царём природы. Но стоило появиться Лёле, Игорь Львович превращался в безвольного Игоряшу.

– Игоряша, не трогай это чудовище! Не приваживай его в комнату.

– Лёлечка, он зашёл в гости.

– Выгони!

– Лёля, ты к нему несправедлива.

– У нас новая мебель, хочешь, чтобы на диване появились зацепки? Тебе мало запаха под дверью?! – Лёля ударила Кота полотенцем. – Пошёл отсюда! – и продолжала: – С Матвеем разговаривать бесполезно, он защищает этого негодяя. Игоряша, почему ты молчишь? Сегодня утром этот зверь опять перепутал наш порог со своим лотком. Когда же это кончится?!

– Я поговорю с Матвеем.

– Лучше написать коллективную жалобу участковому.

– Лёля, проблему нужно решить мирным путём.

– Я узнавала, за содержание животных в местах общего пользования коммунальных

квартир установлен административный штраф. Кот постоянно разгуливает по коридору, заходит на кухню – Матвея можно привлечь к ответственности.

– И всё же лучше найти компромисс.

– Игоряша, не спорь! О чём ты говоришь? У Леонида Эдуардовича аллергия на кошачью шерсть, а Матвею на это наплевать. Он так и заявил ему. Я сама слышала!

– У Леонида аллергия на всё живое, ты это знаешь не хуже меня. Он и нас с тобой не переваривает. Пойми, Лёля, мы не должны рубить с плеча. Вспомни, что было с Матвеем последние месяцы. Он превратился в жалкую пародию на самого себя – без слёз не взглянешь. А с появлением Помощника ожил, взбодрился. Что, разве я не прав?

– Оставь, ради бога, вечно ты драматизируешь. Ожил, взбодрился... Зато мы теперь вынуждены жить в зверинце. В доме всё с ног на голову перевернулось. Игоряша, прошу тебя, не молчи!

Глава шестнадцатая

Лету конец

Присев на корточки, Леонид через открытую дверь просунул руку в комнату Матвея, нащупал кошачий лоток, осторож-

но вытащил его в коридор. С лица не сходила злорадная ухмылка.

Он дошёл до двери Лёли и Игоря, нагнулся, но вылить на пол содержимое лотка не успел. За спиной послышался щелчок выключателя, и в коридоре вспыхнул яркий свет.

– Опа-опа-опочки! – нараспев произнёс Фёдор. – А ты чего не спишь, тапёр?

Лицо Леонида пошло пятнами, рука дрогнула, он едва не выронил лоток.

– Чего надо?

– Мне-то ничего не надо, – Фёдор подошёл к пианисту, – а вот тебе, я смотрю, понадобится кошачий туалет. Нормально! Значит, зря Ольга Аркадьевна на Помощника всех собак спускает – оказывается, это ты у нас ночами балуешься. Ну, тапёр, удивил ты меня. А вот это, – он кивнул на лоток, – улика! Чего смотришь, не рассчитал маленько, осечка вышла? Думал, все спят, и вдруг я, собственной персоной!

– Поговорим у меня в комнате.

– Не-ет, тапёр, не получится у нас задушевной беседы, я не поддамся. В комнате, понимаешь, поговорить захотел.

Леонид попытался отойти от двери, но Фёдор резко преградил ему путь.

– Куда спешишь, тапёр? Разговор не окончен. Эй, народ, хорош дрыхнуть! – Фёдор ударил кулаком по дверце сейфа. – Подъём,

подъём! Кто спит, того убьём! Ольга Аркадьевна, Игорь Львович, просим в коридор! Заждались!

— Уйди с дороги! — потребовал Леонид.

— Или что, заставишь меня отойти? Не лести себе, не получится, у меня рука тяжёлая, понимаешь. Соседи, ау!

— Что там? — спросила через закрытую дверь Ольга Аркадьевна. — Фёдор, иди спать.

— На первое действие фарса вы опоздали. Проспали, понимаешь. Добро пожаловать на второе! Да не прячьтесь вы за дверь, Ольга Аркадьевна! Выйдите на минутку!

Когда Леонид, поставив на пол лоток, хотел прорваться к себе, Фёдор с силой сжал ему запястье.

— Не зли меня, тапёр! Стой, где стоишь.

Матвей и Ольга Аркадьевна вышли практически одновременно.

— Поймал с поличным нашего домового, — веселился Фёдор. — Не повезло нам, братцы, у всех домовые добрые, а наш, зараза, злой, как чёрт из табакерки. Вот, шастает ночами по коридору, с лотком кошачьим балуется. Не по-людски, понимаешь!

Надев очки, Игорь Львович посмотрел на лоток, затем перевёл взгляд на Фёдора.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал. Он, — Фёдор ткнул пальцем в Леонида, — вытащил из комнаты

лоток. Догадайся с трёх раз, зачем он это сделал? Правильно, академик, чтобы утром, выходя из комнаты, ты наступил в лужу, а твоя жена подняла хай на всю квартиру, – Фёдор усмехнулся, отвесив поклон Лёле: – Извиняюсь, Ольга Аркадьевна, за мой английский, но из песни, как говорится, слов не выкинешь. Не Помощник тебе под дверью гадит, а эта сволочь пакостит.

Леонид начал осыпать Фёдора проклятьями. Мокрое от пота лицо блестело, маленькие глазки покраснели, пухлые губы дрожали. Что он мог сказать в своё оправдание? Его поймали, прижали к стенке, отнекиваться нет смысла – всё ясно как день. Оставалось кричать и топать ногами, впадая в истерику от собственной беспомощности, от ярости и... от страха.

Матвей двинулся вперёд, но Фёдор вовремя его остановил:

– Не связывайся с ним. Будь выше! А с Помощника вся вина снимается, реабилитирован он. А то, понимаешь, взяли привычку на животное напраслину возводить. Что, не так говорю? – Фёдор посмотрел на Ольгу Аркадьевну. – Думайте, соображайте, делайте выводы. Извини, академик, что разбудил. Так вышло.

– Всё в порядке, – кивнул Игорь Львович, презрительно взглянув на Леонида. – Пошли, Лёля. Нам здесь больше делать нечего.

Уже в комнате Игорь Львович в сердцах воскликнул:

– Какая низость! Мерзость!

– Видишь, Мотья, какие дела, – усмехнулся Фёдор. – Ничего... прорвёмся. А на ущербного не обижайся, умеи прощать – и будешь жить в ладах с совестью. Во как, а ты говоришь! Не по-людски, понимаешь, живём...

С августом пришли дожди, затяжные, осеннему настойчивые. Тосковала природа. Грустил и Кот. Проводя целые дни на подоконнике, свыкшись с настойчивым стуком капель по карнизу, он впадал в уныние и всё-таки по-прежнему ждал чуда, надеясь на скорое воссоединение с настоящими хозяевами. И всё смотрел на дверь: вдруг сейчас войдут, заберут его домой, к Дениске.

У Матвея болело колено, ему было трудно ходить и большую часть дня приходилось лежать. Ночью Кот запрыгивал к нему на кровать, топтался, тёрся мордой об его плечо – и засыпал. Мурчать Кот перестал – тосковал сильно, какое уж тут мурчание.

Почти ежедневно Фёдор приходил с работы весёлый, на кухне засиживался до глубокой ночи, беседовал с Игорем Львовичем, подтрунивал над Ольгой Аркадьевной, откровенно смеялся над Леонидом. Да и в одиночестве не скучал: разговаривал сам

с собой, шутил, смеялся, жевал чёрный хлеб с колбасой.

Сегодня Кот пришёл на голос Фёдора, дождавшись, когда закроется дверь за Леонидом. Фёдор появлению Кота обрадовался как никогда:

– Как жизнь хвостатая, Помощник? Садись на табуретку, рассказывай. Вот тебе кусочек колбаски, понимаешь. Лопай, не стесняйся, а то как-то не по-людски получается: я ем, а ты мне в рот заглядываешь.

Кот прыгнул на табурет, проглотил колбасу и превратился в благодарного слушателя.

– Плохи Мотькины дела, понимаешь, – начал Фёдор. – Плохи, чтоб их! Доктора говорят, надо повторную операцию делать. Не повезло парню, всё разом навалилось. Тут такое дело, понимаешь, попал он в конце зимы в аварию, в больнице полтора месяца провалялся, операцию перенёс, но это пустяки – главное, жив остался. Выписался, значит, домой вернулся, а тут новый удар – девушка бросила. Понимаешь, нет? Не по-людски поступила. Он себя и запустил. Раньше ни дня без кисти прожить не мог, а тут забросил это дело, к мольберту не подходит, лежит, понимаешь, пропадает. Теперь вот... колено. Операция новая нужна. А как оно там будет потом-то, кто знает. Э-эх!.. Ты лопай колбаску-то, угощайся!

Двадцать шестого августа Матвей лёг в больницу. За неделю до этого позвонил Жанне, попросил забрать Кота, а Жанна на отдыхе, в Турции. Обратно прилетит тридцатого, тогда и возьмёт. Но до тридцатого-то как быть с Котом? Куда его деть на четыре дня?

Ситуацию разрулил Фёдор:

– Лежи в своей больнице, Мотья, ни о чём не думай. Присмотрю за Помощником. Ни одна шерстинка с него не слетит, понимаешь. Всё по-людски будет, как полагается.

Но... судьбу Кота снова решил случай. Двадцать седьмого августа Фёдор получил телеграмму: «Приезжай. Вани обширный инфаркт. Очень плох».

Билет в Рязань был куплен сразу же, поезд отходил в двадцать три тридцать. В восемь вечера Фёдор вызвал соседей на кухню для серьёзного разговора.

– У брата старшего инфаркт. Третий уже, понимаешь. Уезжаю сегодня, такие дела.

– Какие прогнозы дают врачи? – спросил Игорь Львович.

– Не знаю, академик, да и какие тут прогнозы...

Леонид нервно постукивал по столу чайной ложкой.

– Я чего вас позвал, – сказал Фёдор, обращаясь ко всем сразу. – За Помощником надо бы приглядеть пару деньков.

– А при чём здесь мы? – взвился Леонид.

– При том, тапёр. Есть такое понятие – взаимовыручка. Ты – мне, я – тебе. Понимаешь, нет? Ну были у нас с вами разногласия, а, Ольга Аркадьевна? Но сейчас-то надо, чтобы всё по-людски, как полагается.

– Исключено! Я – пас, – Леонид встал из-за стола и, хмыкнув, добавил: – Как вариант, можете взять кота с собой в Рязань.

– Тапёр, лучше скройся – от греха подальше. Я на взводе, за себя не ручаюсь.

Леонид, насвистывая, вышел из кухни.

– Академик, Ольга Аркадьевна, на вас вся надежда. Тридцатого его заберут, не увидите его больше. Всего делов-то!

– Я не кошачья нянька, – заявила Ольга Аркадьевна.

– Лёлочка, нас всего лишь просят...

– Игоряша, нас просят чистить лоток чужому животному, вдыхать эти запахи, мыть его миски, терпеть...

– Не продолжайте, Ольга Аркадьевна, – перебил её Фёдор. – Я вас понял. Ваша позиция ясна, идите нюхайте розы и будьте счастливы.

– Игоряша, он издевается, не вижу смысла в дальнейшем разговоре. – И она, резко поднявшись, вышла в коридор.

Игорь Львович снял очки, начал протирать стёкла, отчаянно пытаясь справиться с внутренней дрожью.

– Собирайся, Фёдор, езжай на вокзал. За Помощником я присмотрю.

– А она? – Фёдор кивнул в сторону коридора.

– Лёлю я беру на себя.

– Академик, я тебя уважаю! Ты – человек. Если б не твоя Лёля, жил бы ты по-людски.

– На вокзал опоздаешь, – улыбнулся Игорь Львович. Он похлопал Фёдора по плечу и, пожалуй, впервые почувствовал себя не одним из жильцов квартиры, а одним из хозяев.

Часть Вторая ОСЕНЬ

Глава первая

Снова на улице

Кот лежал под крыльцом многоэтажного дома, куда он проник ещё ночью, обнаружив небольшое отверстие между ступенями. Заполз едва живой, примостился в уголке на кучке холодной земли и впал в забытье...

К утру Кот очнулся, но старался не двигаться: стоило повернуть голову или наклониться, всё плыло и кружилось. Он закрывал глаза, погружался в темноту, и ему казалось, боль утихала.

Над самой головой не прекращались шаги, хлопала дверь, пищал домофон, слышались голоса.

Периодически приходя в себя, вспоминая, что пришлось пережить минувшей ночью, и благодаря судьбу за то, что сохранила ему жизнь, Кот терпел боль. Бороться с ней он не мог — был слишком слаб, а терпеть — пожалуиста.

Наконец наступило долгожданное облегчение. Кот умылся, облизал лапы, побродил из угла в угол, однако выбраться из своего укрытия не решился. Ещё не время. И пусть он ничего не ел и не пил трое суток, но выйти к людям не торопился.

Люди... Они такие разные, их так трудно понять.

Что плохого Кот сделал Леониду? За что тот затаил на него злобу? Ведь они почти не пересекались в квартире, каждый жил своей жизнью.

Три дня назад Фёдор уехал к брату, Кот остался на попечении Игоря Львовича. Вечером похрустел кормом, улёгся на кровать Матвея, заснул, а часа в два вдруг услышал чьи-то тихие шаги. В комнату вошёл Леонид. Наученный горьким опытом, Кот спрыгнул на пол и попытался выскочить в коридор, но Леонид успел закрыть дверь.

Кот чувствовал: не просто так его враг появился в комнате среди ночи. Злоба и страх, исходившие от непрошеного гостя, висели в воздухе. Кот прыгнул на подоконник, заме-

тался, сиганул на пол, подбежал к подрамнику и здесь был схвачен Леонидом.

— Попалась, тварь рыжая, — Леонид говорил свистящим шёпотом.

Кот вырывался — тщетно.

— Не нравится, — Леонид щёлкнул Кота по носу.

Тот взвился, умудрился изогнуться, когти коснулись ладони обидчика.

Леонид выругался, бросил Кота на пол, затем резко нагнулся, схватил его за хвост и, почувствовав, как острые зубы впились в руку, окончательно обезумел.

Меньше чем через минуту из окна второго этажа выбросили рыжего кота. Он упал на куст шиповника, ветки хрустнули и сломались под тяжестью, одна из них разодрала коту губу и нос.

Опасаясь, что во дворе вот-вот появится Леонид, чтобы окончательно уничтожить его, Кот, прихрамывая, побежал в темноту. Бежал и оборачивался. Прислушивался. Погони, кажется, не было — и это уже хорошо.

Кот шёл наугад. Обессиленный, потеряв всякую надежду на спасение, он был уже на грани жизни и смерти, когда вдруг наткнулся на лестницу. Увидел небольшое отверстие между двумя нижними ступеньками. Кот просунул туда голову, потом, собрав

последние силы, заполз под крыльцо, втянув задние лапы и хвост...

Воду он пил из лужи: дожди шли часто. Жевал траву во дворе, иногда доходил до мусорных контейнеров: там можно было отыскать хоть что-нибудь съедобное.

Сегодня утром он нашёл рыбью голову, схватил, юркнул в кусты — удалось позавтракать. Несвежая рыбья голова — а сколько радости.

Ближе к вечеру Кот подрался с полосатым котярой, заглянувшим по неосторожности под крыльцо. Дрались отчаянно, не уступая друг другу: каждый рассчитывал на победу. Основательно потрёпанный, полосатый убежал с поля боя с поцарапанным ухом и ущемлённым чувством собственного достоинства. Раньше-то под крыльцом была его территория, и вдруг его потеснили. У Кота был повреждён нос. Опять нос! Многострадальный нос, ещё не успевший зажить после падения Кота со второго этажа на колючий куст шиповника.

И всё-таки Кот праздновал победу: место под крыльцом подъезда он отвоевал. Для закрепления позиций даже пометил там углы. А как же, так полагается!

Ночью Кот спал беспокойно, на улице хлестал дождь, на влажной земле было холодно, пахло плесенью, и место уже не казалось та-

ким уютным и безопасным. Надо бы отсюда уходить, снова отправляться в путь – на поиски хозяев. Кот опять на улице, он свободен, никто не в силах помешать ему идти навстречу своему счастью.

Глава вторая

Осенняя пора

Два последующих дня Кот провёл в дороге. Совсем не спал – некогда – и не ел – нечего. Изредка останавливался у мутных луж, лакал воду и шёл дальше. Второй день не прекращался дождь, то мелкая изморось, то ливень с сырым ветром. Холодно, тоскливо. Лужи пузырятся, деревья теряют листву, тяжёлые свинцовые тучи нависают над самой головой.

И всё-таки осень красива! Особенно если светит солнце – ярко, но грустно, словно извиняясь за смену сезонов.

Осенью природа преображается, делает последний глоток свежего воздуха перед уходом в спячку. И нет уже привычной зелёной листвы на деревьях, зато появляется жёлто-золотистая, красная, оранжевая, бурая.

Горят багрянцем деревья, беспокойный ветер срывает листву, сотни, тысячи листочков-искр взмывают в воздух и безумствуют,

и кружатся, а потом падают, устилая землю разноцветным ковром.

Унылым осенним запахам не сравниться с летними ароматами – сочными, насыщенными, яркими. Осень пахнет сыростью, прелыми листьями, уставшей землёй и несбывшимися надеждами.

А ещё осенью очень трудно даётся ожидание, особенно если ты бездомный Кот, рыщущий по городу в поисках хозяев.

Когда Кот засыпал, ему снились родные запахи: свежего утреннего кофе, сваренного Мариной, Диминого лосьона после бритья, геркулесовой каши, которую Дениска отказывается есть, потому что она невкусная. В кошачьих снах пахло домом, хозяевами и прежней беззаботной жизнью.

Но Кот просыпался – и снова в путь. Дни похожи один на другой, как близнецы: что вчера, что сегодня, что завтра – всё едино. Кот живёт одним большим бесконечным серым днём, и имя этому дню – ожидание.

Голодный, промокший, усталый, он шёл наугад в промозглой ночной сырости и вдруг почуял еду. Пахло сухим кормом. Кот повёл носом, вкусная струйка заставила его повернуть голову влево, сделать несколько шагов, и... В нос ударил запах резины. Чуть погодя запах корма нагнал Кота на автостоянке и опять потянул за собой. Кот вдыхал знако-

мый аромат, а ветер выл и насмехался над ним, играл запахами, гонял их из стороны в сторону, смешивал, разбавлял ночной прохладой, мешая Коту определить направление.

На площади, слева от трёхэтажного торгового центра, стоял П-образный дом. Кот перебежал дорогу и, стараясь держаться подальше от яркого света фонарей, стал осторожно приближаться к дому. Запах сухого корма становился всё явственнее, всё сильнее.

А вот и дверь, за которой, наверное, прячется источник вожделенного аромата. Кот поднялся по ступенькам, упёрся в дверь передними лапами, задрал голову, мяукнул. Не открыли. Ночь, что поделаешь. Не работает ночью зоомагазин.

Но как пахнет, аж челюсти сводит! Однако войти внутрь, по-видимому, никак не удастся. А жаль!

За ночь Коту пришлось дважды вступить в схватку с местными хвостатыми авторитетами, и в обоих случаях он вышел победителем. Ему повезло, он родился здоровяком, а превосходство в размерах играет не последнюю роль в кошачьих разборках.

Утром металлическую дверь зоомагазина открыла молодая девушка. К Коту она осталась равнодушна и ногой преградила ему путь.

— Ту-ту-ту, — сказала она. — Туда нельзя!

Дверь открылась, в морду пахнуло теплом и вкусной едой. И тут же захлопнулась. В нетерпении Кот перебирал передними лапами, слегка выпустив коготки. Он был возбуждён. Он недоумевал. Что значит загадочное «ту-ту-ту»? Какое отношение имеет это неизвестное слово к его любимому сухому корму? Девушка вернётся? Накормит его?

Кот ждал, не уходил: то к двери прислонится, то о перила потрётся — хвост трубой, в глазах плещется надежда. А девушка всё не показывалась. Появились первые покупатели, Коту пришлось сбежать с крылечка и устроиться рядом, под кустом. Вдруг она всё-таки выйдет и покормит?

Не вышла. Не оправдались его надежды.

Собака появилась неожиданно — худая, грязная, наверняка голодная. Такая же, как и Кот, — всеми покинутая, никому не нужная. Она загнала Кота на дерево, ощерилась, встала на задние лапы, залаяла — нагоняла страху.

Кот шипел, псина лаяла, прохожие не обращали на них внимания. Собака есть собака, ей положено гонять кошек и лаять. Кошка есть кошка, ей полагается лазать по деревьям.

Минут двадцать собака проявляла интерес к Коту, но вот пошёл дождь, она последний раз твякнула и побежала в сторону торго-

вого центра. Устала, наверное, или от дождя решила спрятаться.

Кот спрыгнуть с дерева не осмелился. Нельзя сразу расслабляться: собака может вернуться.

Кот свесил с ветки хвост, безвольно опустил одну переднюю лапу, на другую положил подбородок и задремал. Вот ведь особенность такая кошачья: где хочешь могут заснуть и в какой угодно позе. Кошкам что мягкая постель, что мокрая трава, что толстая ветка — всё одно. Приспособлены к любым условиям. Молодцы! Оттого и выживают в суровых реалиях коварной свободы.

...Кот открыл глаза, доли секунды хватило, чтобы оторваться от приятных сновидений, в которых с ним снова была его семья.

Его разбудила она — круглолицая женщина с весёлыми завитушками на голове. Она стояла под деревом и держала в вытянутой руке телефон — фотографировала Кота. Откуда она взялась? И ведь не уходит, один раз сфотографировала, второй, третий. Отошла чуть подальше, сделала ещё кадр. Улыбается, качает головой, и дружно подрагивают её весёлые каштановые кудряшки.

— Посмотри на меня, — попросила она Кота, подойдя к дереву почти вплотную. — Ну, давай, милый, сюда смотри. Сюда! Мордочку твою хочу сфотографировать.

Сверху женщина кажется Коту забавной: суется, что-то говорит, улыбается. Странная какая-то. И вроде зовёт его. Точно, зовёт.

– Иди. Спускайся. Не хочешь?

Он не захотел, тогда она поднялась на крылечко и скрылась за металлической дверью. Кот снова задремал. Дождь перестал, собаки поблизости нет – можно, конечно, слезть с дерева, но на ветке так удобно. И безопасно. Сейчас он закроет глаза, заснёт, увидит Дениску, Марину, Диму...

– Ты всё ещё здесь?

Круглолицая женщина второй раз прервала его сон. Она вышла из магазина, держа в руках большую упаковку корма, два объёмных пакета и ключи от машины. Сложив покупки в багажник, опять подошла к дереву.

– У тебя несчастные глаза, – сказала она Коту. – Мне тебя жалко.

Кот смотрел, как трепыхались на ветру её весёлые кудряшки. Они ему понравились, кудряшки эти. И женщина вроде добрая: лицо приветливое, говорит негромко, ласково. Но лишняя бдительность не мешает. Кот отвернулся.

Он посмотрел в её сторону, только когда она садилась в машину. Незнакомка тоже обернулась, их взгляды встретились, и Коту нестерпимо захотелось спуститься вниз, под-

бежать к ней, мяукнуть, потереться об её ноги, ощутить тепло её рук, услышать приятный голос. Не успел. Машина рванула с места. Кот остался лежать на дереве.

Глава третья

Новый дом

Двигаясь задним ходом, машина медленно подъехала к торцу дома. Хлопнула дверца. Круглолицая женщина с кудряшками подошла к дереву.

– Вот что, Рыжий, слезай-ка давай! Со мной поедешь. Прыгай-прыгай, ну...кис-кис-кис....

Кот потоптался на ветке, развернулся, осторожно поставил лапу на нижний сук, вытянулся, переставил задние лапы.

– Правильно, – одобрила женщина. – На соседнюю ветку перебирайся. Давай, кис-кис-кис. Нет, котя, лучше сюда лапу ставь. Вот! Осторожно. Та-а-ак! Ну, теперь прыгай.

Кот приземлился, встряхнулся, и холодные брызги ударили в лицо женщине: она как раз нагнулась, чтобы взять Кота на руки.

– Какой ты грязный, – сказала она. – И нос у тебя разодран. Дрался, что ли? А ты тяжёлый. Сейчас домой приедем – помоемся.

Кот мяукнул.

— Надо, надо помыться, шерсть вон даже сваялась, а нос мы с тобой обработаем. Мазью помажем. О-о, да у тебя не только нос поцарапан, тут и ушко задето. Ох ты мой Рыжик, вот скажи, делать мне, что ли, нечего? Зарекалась ведь подбирать на улице животных! Не получается. Так, тебя на заднее сиденье определим. Запрыгивай! — Женщина открыла дверцу, Кот сиганул в салон, прошёлся по бежевой обивке, оставив тёмные следы.

— Ой, ну ты молодец, — засмеялась круглолицая. — Всю машину мне перепачкаешь. Сиди уж, не бегай хоть. Ладно-ладно, успокойся.

Ехали около часа, потом машина остановилась у высоких кованых ворот, которые разъехались сами, едва женщина нажала на кнопку пульта. Шурша шинами, машина покатила по гладкой, блестящей от луж дороге и замерла у широкой мраморной лестницы.

— Вот мы и дома, — сказала женщина, подмигнув успевшему задремать Коту, и снова засмеялась.

Двухэтажный коттедж Регины Васильевны Шварц стал для Кота очередным пристанищем. Пятидесятилетняя Регина жила здесь с отцом, Василием Тимофеевичем Шварцем, в прошлом известнейшим иллюзионистом, а ныне простым пенсионером. Сорок лет проработал Василий Тимофеевич в цирке, со-

рок долгих лет почти ежедневно выходил на арену. Подустал, всё чаще напоминал о себе возраст, нездоровилось, да и запал поутих, и в семьдесят решено было уйти на покой.

Дело отца продолжает дочь — Регина Щварц, любимица публики, выступает с собственным театральным иллюзионным аттракционом. Много гастролирует по стране, снискала славу и за рубежом, где имела грандиозный успех.

Личная жизнь не сложилась: ни мужа, ни детей — семейным счастьем пришлось пожертвовать ради цирка.

Нерастраченную материнскую нежность Регина Васильевна дарила животным, которых любила до безумия. Особую симпатию питала к цирковым, чья жизнь проходила на её глазах, чья трудная судьба (уж ей ли не знать, каково им приходится!) вызывала жалость, а порой и возмущение.

Сколько себя помнила, Регина Васильевна всегда выступала против дрессуры как таковой. На этой почве у неё возникали принципиальные разногласия с отцом, иногда даже ссоры вспыхивали. Для него дрессированные звери были неотъемлемой частью представления. Она же считала дрессуру жестоким издевательством над животными. Отец и дочь, проработав не одно десятилетие в цирке, хорошо зная его специфику, имели

диаметрально противоположные взгляды на многие вещи, связанные с профессией.

...Войдя в холл и обогнув лестницу, Регина Васильевна оказалась в коридоре, украшенном тремя высокими витражными окнами. Отражённый свет мерцал сотнями разноцветных бликов, причудливо переливались тени.

Толкнув дверь кухни, она обратилась к кухарке:

— Фима, помогите мне помыть кота, жду вас в гостевой ванной.

— Господи помилуй! — басом отозвалась высокая широкоплечая Ефимия Ивановна. — Опять вы, Регина Васильевна, животину в дом принесли. Ладно бы ещё какого чистого котика подобрали, так его и мыть необязательно, а энтот грязнее грязи. Замараха замарашная! Небось больнючий какой, чай, перезаразит наших-то. Василий Тимофеевич говорит, здоровые кошки всегда чистые, даже бесхозные, сами себя обихаживают. А ежели уж грязюка на кошаке клочьями висит, знамо, больнючий. Вона, гляньте, гляньте, и нос у него в вавках, ей-богу, больнючий. Ишь ты, какой охламонистый!

— Жду вас в ванной, Фима, — с улыбкой повторила Регина Васильевна. — Не преувеличивайте, кот здоров как бык. Ручаюсь!

В ванную Ефимия Ивановна пришла в полиэтиленовом плаще и резиновых перчатках.

На вопрос Регины, для чего понадобилась амуниция, ответила в свойственной ей простецкой манере:

— Поди, заразит какой-нибудь болячкой ваш кот, а мне потом лечись. Уж лучше подстраховаться.

Регина засмеялась, но спорить не стала. Фима обо всём имеет собственное мнение, она простая и очень добрая деревенская женщина, необычайно искренняя и отзывчивая.

Кота удалось помыть без особых хлопот. Мужественно выдержав банную процедуру, он тихо мяукнул и задрожал.

— От страху его колошматит иль от холода? — спросила Фима.

— Холодно Рыжему. Фима, подайте розовое полотенце, надо его завернуть и подержать на руках.

— У меня старое полотенце есть, к чему парадное-то портить. Чай, не аменинник он сегодня, чтоб полотенчику на него новое гваздать. Ой, ну зачем же розовое полотенце взяли? Ой ты моя матушка, такое знатное полотенчику было! Давайте уж подмогну. Вона, намылся, красавец, теперича как пятак начищенный сияет. Только вы, Регина Васильевна, его сразу к нашей компании не пущайте. Сперва надо на больнючесть кота проверить, а то чихнет бактериями — и поминай как

звали. Татка давеча подкашливала, сами знаете, ей никак болеть нельзя.

Заверив Фиму, что сделает всё как полагается, Регина Васильевна вышла из ванны. Завёрнутого в пушистое полотенце Кота она держала на руках.

– Фима, папа не спит?

– Не должен. Перед вашим приездом телевизор смотрел в гостиной, – Ефимия Ивановна вдруг зычно засмеялась. – И смех и грех... Василий Тимофеевич на диване сидел, Чолька рядом вертелась, куклу наряжала, положила, значит, её на кресло, сама вышла ненадолго. Ну ваш папаня, как обычно, с дивана в кресло пересаживаться стал, не отрываясь от экрана, и прям на куклу и опустился. Матушки мои! Сам закричал, спужался, а тут Чолька воротилась – развизжалась, хоть уши затыкай. Ой, я опосля обоих чаем с мятой отпаивала. Такая вот травушка-муравушка получилась.

– Кукла не пострадала? – прыснула Регина Васильевна, крепче прижав Кота к груди. Он продолжал дрожать, правда, уже порывался высвободиться, чтобы скорее вылизать мокрую шерсть.

– Чего ей делается, кукле-то! Целёхонька.

Регина Васильевна попросила Фиму позвать в кабинет отца.

– И проследите, чтобы за ним никто из наших не увязался.

Узкое, почти без морщин лицо Василия Тимофеевича преобразилось, едва он увидел на руках у дочери Кота.

– Нашего полку прибыло? – спросил он хорошо поставленным баритоном. – И кто у нас там, кот, кошка?

– Рыжий!

– Кот, значит, – кивнул Василий Тимофеевич. – И откуда он?

Регина Васильевна рассказала о своей поездке в зоомагазин.

– Пап, уже домой поехала, а он так перед глазами и маячит. Вернулась. Он тебе никого не напоминает? Пап, это же Барс. Помнишь?

– Похож. Только у того глаза зелёные были, а этот желтоглазый. – Василий Тимофеевич вытащил Кота из полотенца, поднял на вытянутых руках, усмехнулся. – Старый кот, сразу видно: морда широкая, зубы... – он приоткрыл двумя пальцами Коту пасть, – зубы сточены. Ещё один старик в доме.

– Несчастный старик, пап, глаза у него грустные, не верит никому.

– Что грустный, тут ничего не попишешь – бездомный он. В ветлечебницу отвезти не помешает.

Регина Васильевна кивнула. Они с отцом просидели в кабинете минут сорок, решая

дальнейшую судьбу Кота. Когда Фима пришла позвать к ужину, Регина Васильевна хлопнула в ладоши:

– Прописываем Рыжего у нас, пап?

– Уже прописали, – Василий Тимофеевич потрепал довольного Кота по мокрой макушке. – Действительно на Барса похож. И здоровый такой же. Глаза, правда, другие, но сходство колоссальное. Рыжий! Мне нравится. И ему понравится, пусть хоть на старости лет поживёт по-человечески.

– По-кошачьи, – поправила отца Регина Васильевна.

– По-кошачьи он уже пожил, – Василий Тимофеевич осторожно дотронулся до поцарапанного уха Кота. – Теперь уж пусть по-человечески поживёт. Условия создадим, чего говорить.

Глава четвёртая

Татка

Утром Кота осмотрел ветеринар и поставил диагноз – практически здоров. В столь почтенном возрасте, добавил он, нельзя быть здоровым полностью, всё-таки уже не котёнок, годы, знаете ли, штука серьёзная, поэтому и требуется эта приписка – «практически».

Доктор посоветовал первое время держать Кота в изоляции от других четвероногих обитателей дома: пусть привыкнет к новому месту, а дней через пять Рыжего можно будет познакомить с ними.

Неделю Кот жил на первом этаже, в комнате, примыкавшей к кухне. Комната светлая, все удобства под боком: лоток, миски с едой, когтеточка, игрушки — словом, полный пансион.

Регина Васильевна навещала Кота ежедневно, заходил и Василий Тимофеевич, раза два в день забегала Фима. Скучать не давали, всячески старались создать уют, настоящую домашнюю атмосферу. Атмосферу семьи. А может ли быть у Кота вторая семья? Ведь есть же одна, любимая, та, в которой живёт Дениска с родителями. Кот их помнит.

Да, Коту не хватало семьи. И пусть в огромном коттедже Шварцев ему ни в чём не отказывают, но разве может забота и внимание новых, пусть и очень хороших людей вытеснить из памяти любовь хозяев? Нет, не быть ему счастливым в чужих домах, одиноко здесь, тоскливо, оттого и мечется в смятении кошачья душа.

Кот ждёт встречи со своей родной семьёй. День начинается ожиданием, наполнен ожиданием и заканчивается им же. Ждать трудно, но необходимо...

Сегодня Коту было беспокойно, запахи ощущались острее, усидеть на месте не получалось, игрушки не радовали. Даже к миске с едой он подошёл только один раз, рано утром. Съел несколько шариков, попил — и сразу к двери. Словно чувствовал: должна прийти Регина Васильевна, но не для того, чтобы поиграть с ним, приласкать его, — нет, сегодня случится что-то новое, долгожданное.

Регина Васильевна открыла дверь в десять утра.

— Пошли, Рыжий, — поманила она Кота.

Довольный, что ему наконец разрешили выйти из комнаты, Кот выбежал в коридор. Шелковистая шерсть лоснилась, отливая золотом.

Он послушно шёл за Региной Васильевной, а за ними, с прихваткой в руке, спешила Ефимия Ивановна.

— Отъелся, толстопузый, — смеялась она. — А хвостище-то, хвостище как раздул. Ну прям пава, ей-богу! Скажи пожалуйста, и не подумаешь, что неделю назад такой больничий был. Регина Васильевна, прям не могу на него, барином вышагивает. Ой подлец!

В холле Регина Васильевна дала Коту время освоиться, потом крикнула:

— Пап, выпусти Татку.

Дверь гостиной приоткрылась. Медленно, слегка прихрамывая, в холл вышла серая пу-

делиха. Они заметили друг друга одновременно. Собака замерла в нерешительности, Кот присел, плотно прижав хвост.

— Ко мне, Татка, — позвала Регина Васильевна. — Не бойся.

Пуделиха подошла к хозяйке, не спуская глаз с взъерошенного Кота.

Хозяйка погладила собаку по спине, потрепала за ушко.

— Тат, познакомься, это Рыжий! Он друг. С ним ругаться нельзя. Нельзя, понимаешь, Татуша? Ты у меня взрослая девочка, умная.

— Регина Васильевна, надо коту поводок прицепить, не ровён час озлобится, глазюки вона какие очумелые у него, Татку искушает. Пущай на поводке знакомится. Я принесу.

— Не надо, Фима, — Регина Васильевна подошла к Коту, зовя за собой пуделиху. — Рыжий, — она положила ладонь ему на спину. — Испугался? Не бойся, дурачок. Это Тата! Та-та. Друг! Твой новый друг.

— Да прям, понял он, — ворчала Фима. — Не смешите, чай, не человек, чего вы перед ним объясняетесь!

— Он всё понимает. Ты ведь понимаешь, Рыжий? Это Тата. Ну, так и будете стоять друг перед другом?

Татка первая сделала шаг навстречу. Кот напрягся, глаза округлились, заблестели, хвост дрогнул. Он зашипел — Татка отскочила

в сторону. Кот побежал к лестнице — пуделиха за ним. Он встал — она замерла, он вперёд — она, виляя хвостом, следом.

Наконец, на первой ступеньке, состоялось знакомство. Кот позволил Татке понюхать его ухо, сам осторожно вдыхал собачий дух, не решаясь пустить в ход когти. Вроде ситуация не опасная, рядом Регина Васильевна, Фима, да и собачка тихая, не лает, агрессии не проявляет. Пока всё нормально. А когда Татка начала лизать Коту макушку, тот окончательно убедился в правоте своих суждений. Пуделиха — хорошая. Да, да, хорошая, несмотря на то, что уродилась собакой.

Позволив себя облизать, Кот подошёл к кадке с монстерой. Татка ковыляла за ним.

— Он ей понравился, — улыбнулась Регина Васильевна.

— Знамо дело, понравился. Татка добрюшка, каких свет не видывал. А Рыжий ваш рычать на неё вздумал, сконфузил Татку, бандюган. Я прям переполошилась, аж сердце в пятки убёгло, боялась, как бы он глаза ей не выцарапал.

— Фима!

— Ничегошеньки и не Фима! У котов когти как лезвия, острующие, сами знаете. Раз полоснёт — глаза нет. Ладно, чего я тут толкусь, иттить мне надо. А вы, Регина Васильевна, за Таткой приглядывайте, не оставляйте их одних.

Василий Тимофеевич вышел из гостиной, едва сдерживая улыбку:

– Как, освоились?

– Татка в восторге от Рыжего! А он нервничает.

– Ничего, привыкнет. Татка, иди сюда, – Василий Тимофеевич похлопал себя ладонью по колену, и пуделиха подбежала к хозяину. – Хорошая собака. С Рыжим подружись, а то, видишь, пасует он, боится.

Татка негромко гавкнула, завертелась юлой возле лестницы и снова к Коту подошла.

В среднем пудели живут пятнадцать лет. Татке зимой исполнилось шестнадцать, тринадцать из них она проработала в цирке. Выступала много, плодотворно: танцевала, «пела», кувыркалась, делала кульбиты, ходила на задних лапах, выполняла разнообразнейшие сложные трюки. И всегда весёлая, подвижная, живая – фейерверк на четырёх лапах. Потом постарела, начала болеть, для выступлений уже не годилась – пришлось списать Татку с манежа.

Неизвестно, как сложилась бы её дальнейшая судьба, если бы Регина Васильевна не приютила Татку у себя. Почти полтора десятилетия пуделиха приносила радость людям – пришло время отплатить собаке тем же. В доме Шварцев Татку окружили заботой, вниманием, человеческим теплом. И она счастлива.

Вечером Василий Тимофеевич представил Кота ещё одному члену семьи Шварцев – пятнадцатилетнему цверг-шнауцеру Рамзесу.

Рамзес – из самых маленьких шнауцеров. Веса в нём – всего-то шесть килограммов. Потешный пёсик, забавный. Характер у него, однако, серьёзный. Бесстрашный, выносливый, Рамзес хорошо поддавался дрессуре, а суровое выражение мордочки делало его солидным и важным.

В отличие от Татки Рамзес был более расчётлив, степенен, деликатен, обладал достаточной хитростью и гибким умом. При этом крошечный цверг, озорной и жизнерадостный, не прочь был и порезвиться в приятной компании.

Кот при виде Рамзеса растерялся, не зная, как реагировать на незнакомого чёрного пёсика.

Цверг смотрел на Кота своим неповторимым зорким взглядом из-под густых кустистых бровей. Смотрел недоверчиво, подозрительно. Потоптался на месте, фыркнул, тряхнув жёсткой бородкой, и начал делать быстрые движения задними лапами, словно что-то раскапывал.

К Коту он подошёл вслед за Василием Тимофеевичем, рассудив по-простому: раз хозяин не боится, значит, и мне не стоит тревожиться. За свою жизнь Рамзес повидал много кошек, благо в цирке их было предостаточно. Но ведь цирковые кошки особенные, дрессированные, с ними и дело иметь приятно, и бдительность разводить необязательно: все свои — большая цирковая семья.

А тут чужой кот. Что он за фрукт, как себя с ним вести? Лаять нельзя, всё-таки дрессированная собака, не какая-нибудь там шавка. Подойти и познакомиться ближе не хочется — слишком много чести какому-то неизвестному коту. Вот если бы он подошёл первым, так сказать, с поклоном, тогда другое дело. А то ведь сидит у кресла, глазами жёлтыми моргает, и никакого уважения к гордому Рамзесу.

Василий Тимофеевич погладил Кота по спине. Тот сначала не отреагировал на ласку, продолжая неотрывно наблюдать за Рамзесом, потом встал, распушил хвост, ткнулся мордой в ладонь старика.

Рамзесу такие нежности пришлись не по душе. Пора показать, кто здесь главный. Гавкнув два раза (вполне достаточно, подумал цверг), Рамзес подбежал к креслу и вклинился между Котом и хозяином.

Василий Тимофеевич рассмеялся:

— Не ревнуй, знакомься с Рыжим.

Кот зашипел, Рамзес склонил голову набок.

— Без драк, — предупредил Василий Тимофеевич. — Вы оба пенсионеры, ведите себя достойно. Рамзес, ты хозяин, прояви гостеприимство. Дай лапу Рыжему, Рамзик, дай лапу! Не мне — ему. Рамзес, поздоровайся!

Услышав просьбу старика, не приказ, а именно просьбу — интонация была соответствующая — Рамзес приблизился к Коту, сел и протянул правую лапку.

Кот начал её обнюхивать, Рамзес, не опуская лапы, покосился на хозяина. Ну, словно спрашивал он досадой, долго мне ещё с ним здороваться? Он и здороваться-то не умеет: вместо того чтобы пожать мне лапу, обнюхивает её. Фу! Никакого воспитания.

Василий Тимофеевич почесал Рамзеса за ухом, пёсик догадался — он свободен, завилял коротким хвостиком, взглянул, уже миролюбиво, на Кота и прошествовал к двери. На сегодня с него достаточно.

После ужина Кот дремал на мягком диване в гостиной. Регина Васильевна с отцом сидели в креслах, тихо переговариваясь, Рамзес время от времени входил в комнату, Татка носилась вокруг дивана, радостно потягивая. Пуделиха добивалась внимания Кота, он понравился ей с первого взгляда. Возмож-

но, как и Регина Васильевна, Татка увидела в нём своего старого партнёра по цирковому номеру – Барса. Крупного рыжего котяру, с которым вместе росла с трёхмесячного возраста и выступала на манеже. Потом Барс умер, но память о нём осталась.

Татка поскуливала, призывно вертела мордочкой, отбегала к двери, перебирала лапами, порываясь совершить кульбит. Только бы Кот обратил внимание, только бы заметил её. Увы, кульбит не получился. Татка упала, лапы разъехались в разные стороны.

Рамзес подошёл к бывшей коллеге с видом строгого учителя. Посмотрел надменно, неодобрительно фыркнул. Мол, чего ты прыгаешь, как лягушка, и перед кем? Где твоя гордость? Прекрати немедленно унижаться перед этим рыжим.

А Татка гнёт свою линию. Ну упала, ну и что с того? Упала и снова вскочила на лапы, подбежала, прихрамывая, к дивану, затавкала. И опять попыталась сделать кульбит. Не получилось.

Рамзес подал голос. Пуделиха виновато посмотрела на цверга и медленно поплелась к креслу Регины Васильевны. Легла на ворсистый ковёр, положила голову на вытянутую лапу и вздохнула. Подошёл Рамзес, лизнул в щёку – успокаивал. Вот он всегда так, сначала накричит (облает, в смысле), а потом

утешает, ласкается. А новенький-то, видно, строгий, думала Татка, поглядывая на дремавшего Кота.

— Ноль эмоций, — сказала Регина Васильевна. — Спит как убитый. Бедная Татка, безответная у тебя любовь. А поиграть хочется, да? Пойдём, разбудим его. Пошли-пошли. Рамзик, и ты помогай. Эй, Рыжий, хватит спать, с тобой поиграть хотят, — Регина Васильевна почесала Коту подбородок. — Встава-а-ай!

Едва Кот открыл глаза, пуделиха оживилась. Напружинившись, собрала остаток сил и впервые за последний год смогла самостоятельно запрыгнуть на диван. Кот вскочил. Прижался к спинке.

— Не бойся, она играть зовёт.

Татка затыкала. Рамзесу наблюдать за этим безобразием не хотелось, он чинно вышел из гостиной и направился в комнату Фимы, единственного человека в доме, которого появление Кота оставило равнодушным.

А тем временем Кот позволил Татке облизать себе бок и заднюю лапу. Лежал смирно, наблюдал с недоумением, как пуделиха вылизывает ему шерсть, повизгивая от удовольствия. Забавная она, совсем беззлобная, правда, немного навязчивая. Из-за неё не удалось поспать, а такие сны хорошие снились!

И вот в самый неподходящий момент новая знакомая разбудила его. «Может, тоже

её лизнуть? — вдруг подумалось Коту. И он рискнул. Поднялся, потёрся мордой об Таткин бок и лизнул её влажный нос. Быстро, будто исподтишка. А сколько радости! Старушка пуделиха заметалась по дивану, как резвый щенок. Заметил! Признал!

Так Татка стала первым другом Кота в доме Шварцев.

Глава шестая

Чоли

После того как Коту был открыт доступ почти во все помещения первого этажа, он стал часто улавливать струйки необычного запаха. В холле запах исходил от ступеней, в гостиной от кресел, подлокотников дивана, цветочной кадки, зелёного мячика, с которым играла Тата. Пахло другим животным! Что характерно, не Таткой, не Рамзесом и вообще не собакой.

Новый запах интриговал, будоражил, мешал сосредоточиться. Когда со второго этажа спускалась Регина Васильевна, от её ладоней всегда исходил тот самый запах, но более густой и острый. Кот пытался его слизывать, был решителен, настойчив, а стоило Регине Васильевне убрать руки, начинал требовательно мяукать.

— Что, Чолькой пахнет? — спросила сегодня хозяйка. — Чолькой! Заболела она.

В жёлтых глазах появился интерес, но Регина Васильевна больше ничего не сказала, ушла, оставив Кота один на один с неудовлетворённым любопытством. Зато примчалась Татка, опять повизгивая, поцокивая коготками, вертя кудрявой мордахой. К Коту подбежала, передние лапы выставила, а глаза так и горят. Тявкнула — и наутёк. Кот за ней.

В холле нагнал, с разбегу запрыгнул на спину пуделихе, хотел поиграть по своим кошачьим правилам. Не учёл, что Тата в возрасте, забыл, с кем имеет дело. Татка заскулила, растянулась под тяжестью Кота, лапы раскинула, подбородком об пол ударилась. Сама испугалась, Кота испугала, скулила уже не столько от боли, сколько от страха. Хотела подняться — не получилось. Снова заскулила — теперь протяжно, жалуясь кому-то незримому на свою собачью беспомощность.

Фима с Региной Васильевной прибежали одновременно.

— Загрыз! — вскричала Ефимия Ивановна, бросившись к Татке. — Кот Тату загрыз! Матюшки мои, Региночка Васильевна, что же это... Татушка! Не сберегли алмазушку...

Кот спрятался за цветочной кадкой. Пока Регина Васильевна помогала пуделихе встать,

а Фима голосила на все лады, в холле появился Рамзес. Окинул присутствующих недоверчивым взглядом из-под косматых бровей, не нашёл ситуацию интересной и с достоинством удалился.

— Татка-Татка, — Регина Васильевна взяла собаку на руки. — Молодость вспомнила! Ударилась? А кто виноват? Сама виновата — ты заводила, ты его играть заставила. Рыжий не виноват.

Татка облизала нос, притихла.

— Дайте-ка её мне, — сказала Фима. — Вы уж простите, Регина Васильевна, но зачем бандюгана защищаете? Через него Татуша чуть Богу душу не отдала, а вы её стыдите. Вон он, оглоед рыжий, выглядывает. Знает, что нашкодил. Такой боров связался с малышкой. Она супротив него дитё дитём. Моя ты дорогуля! Ну всё, всё, не бойся, пошли, бисеринка, пошли, родная. Геркулесику с паштетом смешаю, покушаешь, силёнок наберёшься, светлячок мой кучерявенький!

Вдруг со второго этажа послышался визг. Регина Васильевна поспешила наверх.

— Фима, — крикнула она, не оборачиваясь, — там шприцы закончились, принесите упаковку.

— Иду-иду, — закивала Ефимия Ивановна. — Матушки мои, за что ж такие страдания ей выпали? Пошли, Тата, пошли,

сделаем Чоли укол, чтобы выздоровела она скорее. Бедолажечка ты моя, бедолажечка!

Кот ещё долго сидел за цветочной кадкой. Видел, как Фима поднялась на второй этаж. Хлопнула дверь, а чуть погодя раздался пронзительный визг. Потом отдалённый голос Регины Васильевны, громкие восклицания Фимы. Тишина. И снова визг, на этот раз хриплый, надрывный.

Из кабинета вышел Рамзес. Сел у лестницы, задрал морду и, слегка подрагивая бородкой, заворчал, как недовольный старичок. И вдруг неуклюже встал на задние лапы и тоненько заскулил. Рамзес плакал, глядя на площадку второго этажа, а подняться туда не решался — так и простоял на задних лапах, пока на ступеньках не показалась раскрасневшаяся Фима.

— Лучше ей, — сказала она цвергу.

И он понял, радостно завилял хвостиком и поспешил за уставшей кухаркой.

Кот ощутил стойкий запах неизвестного животного. Той самой Чоли, о ком говорила Регина Васильевна. Чоли! Кто это?..

Придя в себя и ощутив потребность в общении, Чоли спустилась на первый этаж. К груди она прижимала куклу — любимую игрушку, с которой почти не расставалась. Чоли относилась к ней по-матерински неж-

но, целовала в макушку и приходила в не-
описуемый восторг, когда Кудряшка начина-
ла агукать. Перебирала золотистые колечки
на голове любимицы, щурилась, проверяя,
в порядке ли кукольное личико. Чуть что не
так, спешила в ванную – умывать Кудряшку.
Сама чистюлей была и в других неряшливо-
сти не терпела.

Сегодня Чоли разглядела на щеке у куклы
пятно размером с копеечную монету. Провела
по нему пальцем, фыркнула, скорчив смеш-
ную рожицу, но в ванную не пошла. Не до
того было. Внимание привлекла приоткры-
тая дверь гостиной. Там царило какое-то не-
понятное оживление. Татка бежит, Рамзес
радостно повизгивает – да неужели?! – обыч-
но цверг более сдержан, Регина Васильевна
смеётся. Интересно, что там происходит?

Чоли просунула голову в щель и заметила
на диване большого рыжего кота.

Когда-то в компании Таты и Барса
Чоли выступала на арене с номером «Трио-
Ассорти». Добрые были времена – есть что
вспомнить. Барса она считала своим ребён-
ком, часто на почве ревности конфликтовала
с Таткой: пуделиха также питала к коту ма-
теринские чувства. А тот умело пользовался
благосклонностью обеих – хитрый был котя-
ра. Правда, Чольке всё же симпатизировал
больше.

Их номер просуществовал три с половиной года – вплоть до трагической гибели рыжего кота: Барса лягнула лошадь, случайно, конечно, но печальный исход был очевиден.

Вскоре Чоли ушла на заслуженный отдых, её собирались отдать в приют, тот самый, где списанные цирковые животные, всеми забытые, в тоске доживают свой век.

Регина Васильевна привезла Чоли в коттедж в её двадцать девятый день рождения. Обычно макаки живут около двадцати лет, но в неволе доживают и до тридцати. Чоли древняя старушка – ей уже тридцать четыре года.

Болеет обезьянка часто. Таблетки и микстуры принимает охотно, а уколов боится как чумы. Увидит шприц в руках Регины Васильевны – визжит до хрипоты, плакать начинает, убежать пытается. А что делать – каждые три дня укол! Фима держит Чоли на руках, Регина Васильевна берёт шприц и ампулу. После укола Чоли дают любимую рисовую кашу, кусочек банана и два-три финика. Обиженная на весь белый свет, а в первую очередь на Регину Васильевну с Фимой, Чоли, вытирая лапкой слёзы, вразвалочку подходит к собственному столику, нехотя садится на стул и шмыгает носом.

– Не серчай, лапушка, – сама чуть не плача, утешает её Ефимия Ивановна. – Мы ж не со зла, мы ж тебе помочь хотим.

От ласковых слов Чоли оттаивает, берёт ложку и давай кашу наворачивать.

— Ну чистый человечек, — всякий раз удивляется Ефимия Ивановна. — Региночка Васильевна, прям не верится. Ест, как мы с вами, ложкой из тарелки. Моя ты лапушка! Пей-пей молочко, девочка. Жемчужинка ты моя хрустальная!

А Чоли, уже позабывшая обиду, растягивает губы в улыбке. И приятно ей, и весело, и вкусно. Банан она сначала предлагает кукле, но та всегда отказывается, и Чоли с чистой совестью съедает его сама, причмокивая от удовольствия.

После каждой трапезы обезьянка спешит в ванную — умываться. Потом вздремнёт полчаса в комнате хозяйки — в спальне стоит маленькая кроватка Чоли, во сне наберётся сил, встанет, с куклой поиграет, повозится с Таткой, поворчит с Рамзесом. С цвергом у Чоли дипломатические отношения. С ним она не бежит по дому, как с пуделихой, не перебирает пальчиками его шерсть, ни в коем случае не позволяет себе повыситься на Рамзеса голос. А вот на Татку — пожалуйста. На неё и прикрикнуть можно, а иногда и зарычать или даже оттолкнуть её, если становится слишком назойливой. Рамзес же для Чоли авторитет — в первую очередь наставник, а уж потом друг.

Рамзес с Чоли могут просидеть друг перед другом больше часа. Цверг наблюдает, как обезьяна ухаживает за куклой, а Чолька, играя с Кудряшкой, попутно разговаривает с псом. Делает непонятные жесты, пищит, фыркает.

Рамзес трясёт бородкой, тьякает чуть слышно, мол, понимаю тебя и полностью с тобой согласен. Иногда ворчат оба: он на своём собачьем языке, она на своём обезьяньем. И воцаряется между ними полное взаимопонимание, и в порыве жгучей благодарности Рамзесу за его дружбу Чолька позволяет себе обнять цверга, поцеловать его в бородатую мордашу – и спешит скрыться. Наверное, стыдится своей нежности.

А когда Чоли болеет и из спальни на втором этаже раздаются жалобные стоны и визг, Рамзес подходит к лестнице и встаёт на задние лапы. Почему именно так он выражает своё сочувствие, остаётся загадкой.

Глава седьмая

Крепкая дружба

Между Котом и Чоли вспыхнула симпатия, какая редко возникает между двумя немолодыми животными разных видов. А тут прямо любовь с первого взгляда. Принимая

Кота за давно ушедшего Барса, Чоли буквально носила его на руках. Кот тяжёлый, а ей всё равно: поднимает, пыхтит, тащит, обхватив лапами за живот.

Куклу свою забросила, всё внимание переключила на нового (или на старого – неизвестно, что она себе там вообразила) друга. Куда он, туда и она. Кот спит в гостиной – Чоли примостится рядышком на диванчике, Кот на кухне у Фимы – Чоли бежит туда.

Первую неделю спали вместе в комнате Регины Васильевны. Перед сном Чоли разбирала свою постель: простыню встряхивала, заправляла, взбивала удобнее подушку, с одеялом возилась – совершала ежевечерний ритуал. А Кот рядом – иначе Чолька начинала волноваться.

Татка в это время носилась по коридору, призывно повизгивая, приглашая хоть кого-нибудь поиграть перед сном. В спальню не заходила – побаивалась реакции обезьянки. Странная стала Чоли с появлением Кота: на пуделиху даже не смотрит, словно и нет её вовсе в доме, перестала проситься на руки к Регине Васильевне, с Рамзесом почти не общается. Пробежит мимо, что-то прокричит, рожицу скорчит – и к Коту.

Теперь он центр её обезьяньей вселенной. Быть может, так лучше, ведь Чоли изменилась, это заметила даже Фима, которая на

такие мелочи внимания не обращает. Чолька чаще улыбается, бегаёт по коридору с радостным визгом, с восторгом от новых ощущений.

А Татке Чолькиного настроения не понять – и стараться не стоит. Но пуделиха пытается докопаться до истины, топчется каждый вечер на пороге хозяйской спальни, наблюдая за сосредоточенными действиями Чоли. Лишний шаг по направлению к Коту сделает – Чоли в крик! Татка пулей в коридор, спрячется за цветочной кадкой, переждёт минуты три – почти вечность для непоседливой пуделихи – и очередную попытку предпринимает. Хитрюга! Может больной прикинуться: лапу переднюю подожмёт и давай хромать – пожалейте несчастную. Подойдёт к порогу, заскулит, мордой туда-сюда, глазками зырк-зырк – выманивает Кота для вечернего марафона по коридору.

Кот и рад бы побегать перед сном, да Чоли не позволяет. Только он к выходу – хватает его и тащит в кресло. Ещё пригрозит, кулачком потрясёт, сиди, мол, здесь, а за порог ни-ни. Сидит. Слушается. И непонятно совершенно, почему взрослый Кот, который не терпит никакого насилия над собой, ни с того ни с сего превратился в покорную зверушку и полностью подчинился Чоли.

Ясно одно: нравится Коту обезьяна, приятны ему её внимание, забота – не зря же сам, если Чоли задерживается на процедурах, на-

чинает скрести когтями дверь. Что ни говори, а возникла между обыкновенным котом и цирковой обезьяной крепкая дружба.

Первую неделю Кот ночевал исключительно в кровати Чоли, но ему это быстро надоело. Такое соседство доставляло определённые неудобства. Чоли спала беспокойно, засыпала с трудом, часто ворочалась, ворчала, стучала лапами по одеялу — как тут уснёшь! Потом обезьяна отключалась, и час-полтора в спальне царила относительная тишина. Но вот Чоли вскакивала, начинала плакать, подбегала к окну.

Регина Васильевна включала свет, брала Чоли на руки, что само по себе было непросто — обезьяна вырывалась, пыталась отбиваться (может, не узнавала спросонья хозяйку?), но, ощутив ласковые прикосновения и уловив родные интонации, успокаивалась. Регина Васильевна качала Чоли, как младенца, та засыпала, а через пару часов всё повторялось.

Тогда Регина Васильевна доставала таблетку, Чоли запивала её водой и до утра уже не просыпалась.

Коту эти ночные представления пришлись не по душе, семь дней он их терпел, на восьмой решил проявить характер. Наотрез отказавшись оставаться на ночь в хозяйской спальне, он несколько раз выбегал в коридор. На лестнице его ловила Чоли, тащила

в спальню, недовольно бурча, опускала Кота возле кресла. Он назад — она за ним. Во время очередной попытки Чоли вернуть Кота в комнату он легонько царапнул обезьяне лапу. Не сильно и не со зла, просто посчитал нужным внести ясность в их спор. Не понимает Чоли его намёков! Хоть человеческим языком с ней заговори — всё равно не поймёт, что надоело ему спать в комнате. Вот и пришлось прибегнуть к радикальным мерам.

Зализывая царапину, Чоли вернулась в спальню. Одна. На Кота не взглянула, громко хлопнула дверью, не забыв при этом фыркнуть. Обиделась, значит.

В холле Кота встретила Татка. Сколько радости было во взгляде старой пуделихи, словами не передать. Она уже и не рассчитывала на общение с новым приятелем. А кому приятно, когда твой друг внезапно становится другом обезьяны, которая ко всему прочему оказывается жуткой собственницей?

Татка носилась с Котом по коридорам и по комнатам, пока не получила очередную травму: не успела затормозить на скользком полу, стукнулась мордой об стену, заскулила, подняла панику.

И опять Фима сказала, что Кот дурно влияет на Татку и их общение необходимо ограничить. Василий Тимофеевич улыбнулся, а Рамзес залаял, выказав своё недовольство

безрассудным поведением пуделихи, прошёл мимо Кота, не соизволив даже взглянуть в его сторону, — слишком много чести.

Потом всё улеглось: Татку забрала к себе Ефимия Ивановна, Рамзес поднялся в спальню Василия Тимофеевича, Кот в гордом одиночестве улёгся на диване в гостиной.

Он почти заснул, даже успел перенестись из одной реальности в другую, увидел Дениску, Марину и свою любимую миску в форме мышонка.

И тут дверь гостиной медленно открылась. Кот проснулся. Опять разрушили сон, отняли надежду. Эх!

У двери кто-то посапывал. Сначала показалось — Татка (не наигралась, что ли?), но нет, через мгновение в дверях возникла Чолька. Стоит улыбается. Довольная — жуть! За ручку держится, а сама крутится как юла, шляпу зачем-то прихватила — не иначе хвататься собралась.

Кот мяукнул. Чолька, перемахнув через кресло, оказалась на диване. Не выдержала, не смогла долго сердиться на Кота, ворочалась-ворочалась в кровати и решила спуститься на первый этаж. Шляпа с алой лентой, браслет из бисера — модница!

Вдвоём они долго просидели на диване: Чоли перебирала Коту шерстку, тяжело вздыхала, кашляла — и не заметила, как начала

клевать носом. Так и заснула, а через час вскочила, устроила переполох, выбежала из гостиной, перебудила домочадцев.

Страшно было смотреть на приступы Чоли, мучилась она, страдала, а всему виной слабые сосуды головного мозга. Отсюда и неспокойный сон, и повышенная возбудимость.

Кот ничего этого не знал и знать не мог. Однако интуиция подсказывала Коту, что Чоли грозит опасность. Та самая опасность, к которой нельзя подготовиться, как ни старайся.

Но Чоли молодец, она цепляется хватками лапами за жизнь, отказываясь признавать поражение. Она ещё повоюет. Особенно теперь, когда у неё появился новый друг – Кот.

С той ночи, когда Кот стал спать в гостиной, Чоли перед сном спускалась к нему, ласково перебирала шерсть, целовала в макушку и нехотя возвращаясь в спальню. Понимала – там надёжнее, безопаснее.

Глава восьмая

Каждому своё

Утром, умывшись и почистив зубы, Чоли сбегала по ступенькам, вылавливала Кота, хватала его в охапку, затаскивая по лестнице на второй этаж. Так начинался новый день, длинный и непредсказуемый...

После обеда Василий Тимофеевич выводил животных на прогулку. Рамзес гордо вышагивал по дорожкам. О том, чтобы наступить на газон или — не дай бог! — на клумбу, не шло и речи. Цверг был слишком брезглив, боялся испачкать лапы.

Совершенно бесполезно было заставлять Рамзеса спуститься с крыльца в пасмурную погоду. Не любил он серых туч и ветра, а дождя так просто терпеть не мог.

Беспабашная Татка была полной противоположностью чистюле Рамзесу. Едва Василий Тимофеевич открывал дверь, пуделиха выскакивала на крыльцо и с громким лаем — бежать по газону молча было неинтересно — несколько раз обегала коттедж. Она кувыркалась в мокрой траве, ломала цветы на клумбах, чувствуя себя при этом счастливейшей из собак. И не было ей дела до чистой шерсти и чинных, скучных прогулок по дорожкам.

Иногда Татка заигрывала с Рамзесом. Подбегала, тявкала, игриво цапала цверга за лапу и моментально отскакивала назад. Чтобы не поймал в случае чего. Рамзес ворчал от негодования: бестактное поведение пуделихи выводило старого пса из себя, чёрная с проседью борода начинала трястись, густые брови сдвигались.

А Татка наслаждалась свободой. Правда, дома ей обязательно будут мыть лапы, а это

очень даже неприятно, но унять свой пыл и отказать себе в удовольствии разрыть на клумбе ямку, наступить в лужу и перевернуться несколько раз на газоне она не могла.

Чоли выходила на улицу ненадолго. Бродить по дорожкам не любила, равно как и по газону. Пустое это занятие – куда приятней дома поиграть.

Обезьяна держала Василия Тимофеевича за руку, вертела головой и минут через десять начинала тянуть старика к крыльцу. Гуляла Чолька всегда в отутюженных брюках, в ботинках, в рубашке или кофте (в зависимости от погоды) и обязательно в шляпке, украшенной искусственными цветами, бантом или лентами. Страсть к шляпкам и обуви осталась у неё с цирковых времён: на арене Чоли выступала исключительно в шляпах и в разноцветных ботинках, шнуровать которые научилась ещё в раннем детстве.

К деревьям Чолька интереса не проявляла. Ещё каких-то пять лет назад с азартом запрыгнула бы на ветку груши, порезвилась на клёне, липу не оставила бы без внимания – как-никак обезьяна. А теперь-то куда ей на дерево лезть, ещё не слезет – потом проблем не оберёшься. Нет, уж лучше спокойно пройтись по дорожкам за руку с Василием Тимофеевичем (пусть старик подышит свежим воздухом); поглазеть по сторонам, цветочек с клумбы сорвать.

Кота на прогулку не брали: ни к чему это, считал Василий Тимофеевич. Кошки тем и хороши, что с ними гулять необязательно.

Вообще-то, Кот и не стремился на улицу. В доме хорошо, тепло, уютно, а там уже подмораживает, дожди зарядили. Да, хозяев искать надо, и он обязательно отправится на поиски, только не сейчас.

Когда все гуляли, Кот шёл на кухню и запрыгивал на подоконник – такой же широкий и удобный, как дома. Наблюдал за работой Ефимии Ивановны. Фима никогда не сидела без дела: целыми днями что-то мыла, резала, чистила, сутилась, охала-ахала. Кричала, что ничего не успевает, – и всегда всё делала вовремя.

Поначалу к присутствию Кота на кухне она отнеслась с прохладцей, выгоняла его, но потом привыкла.

– Сиди, коли делать больше нечего, – сказала как-то Фима, погрозив Коту пальцем. – Только не канючь. Начнёшь канючить или мешать – выгоню!

Он и не мешал, лежал спокойно, думая свои сокровенные кошачьи думы.

Время от времени Фима начинала с ним разговаривать. Скучно ей одной на кухне, словом перекинуться не с кем, а тут Кот мурчит – чем не собеседник. Фима даже стала ждать, когда рыжий бандюган (почему-то она

окрестила его именно так) соизволит зайти к ней на кухню.

Сегодня встретила Кота недовольным возгласом:

— Где ты там колобродишь, пустомелька?! Иди вон рыбки полопай. Вкусно, вкусно, не приноживайся.

Кот лёг, растянулся, начал кататься по полу, вертя головой и лукаво поглядывая на Фиму. Потом подошёл к миске, но кусочки рыбы оставили его равнодушным. Он прыгнул на подоконник, Ефимия Ивановна всплеснула руками:

— Матушки мои, скажите, какая цаца! Зажрался ты совсем, я погляжу. От рыбы уже нос воротит! Кому скажи — не поверят. Чем тебе рыба не угодила, привереда? Ты вон давеча и корм свой не докушал, а у Татки из миски кусочек котлетки своровал. Я видала, видала. И не смотри на меня своими глазюками бесстыжими. Разжалобить меня хочешь? Ты пойми, Регина Васильевна не разрешает тебя кормить ничем, кроме сухого корма. Говорит, в корме витамины. Брешет, конечно, — ну какие в этих сухарях витамины? Раньше что сами ели, то и кошке давали. Со стола! Теперь все умные стали: кошкам кошачья еда, собакам собачья, хомякам хомячья, прости Господи! А у Татки зубов почти не осталось, она сухой корм разжевать не может, размо-

ченный не ест, а от консервов этих её воротит. Вот тебе и сбалансировано. Приходится Татушке котлетки из индейки на парú готовить. Ты вон тоже на котлетки подсел, охладимон!

Кот перевернулся на спину, раскинул лапы. На брюшке показался островок белой шерсти.

– Ой-ой, ну прям царевич, – засмеялась Фима. – Творожку тебе положить, нет? Иди, положу. Натуральный творог, полезный. Ну, иди уже, разлётся мне тут, в самом деле.

Кот съел немного творога. Понравилось. Правда, от добавки отказался. Фима осталась довольна: как-никак, нормальную еду котяра слопал. А то всё одна сухомятка.

Глава девятая

Старость не радость

В октябре заболела Татка: умудрилась простудиться во время прогулки. До середины месяца пуделиха пролежала на подстилке, вяло реагируя на происходящее.

Рамзес с Котом оказывали больной всяческую поддержку, поочерёдно, а иногда и вместе дежурили возле Татки, развлекали её, как могли. Скуповатый на нежности цверг вылизывал ей шерсть, что-то бормоча на

своём собачьем языке, шутливо покусывал Татку за лапу, ожидая ответной реакции. Кот ложился рядом, старался подлезть под бочок, ткнуться носом в кудрявую собачью морду, мурчал ласково.

Тата спала по двадцать часов в сутки, ничего не ела, отказывалась от воды. Ночами у неё поднималась температура, пуделиха начинала скулить, и Рамзес будил хозяев. Регина Васильевна делала Тате укол и сама уже не ложилась. Сидела до утра возле собаки, гладила по спине, а глаза предательски закрывались.

И тут в соседней комнате просыпалась Чоли, кричала, плакала, искала хозяйку, и нужно было бежать на зов обезьяны. Порой Регина Васильевна впадала в отчаяние и в такие минуты думала: для чего ей всё это нужно? Зачем она взвалила на себя непосильную ношу?

На дворе ночь, хочется спать, а спать она не имеет права. Тут старая больная собака, там старая больная обезьяна. И та и другая не желают оставаться с Василием Тимофеевичем или с Фимой, им нужна только она, хозяйка. И делай что хочешь, хоть на части разорвись, а постарайся быть в двух местах одновременно.

Сегодня Регину Васильевну опять терзали сомнения и страх. И, казалось, терпению её пришел конец, пора ставить точку, усталость

сводит с ума. В спальне, вместо того чтобы подойти к Чоли, Регина Васильевна легла на кровать. Хочется спать, только спать.

Чоли подбежала, дёргает за руку, всхлипывает, как ребёнок. Больно ей.

Надо встать – Регина Васильевна встала. Надо сделать укол – сделала.

Чоли долго сопротивлялась, отталкивала руку со шприцем, мотала головой. И вдруг прижалась щекой к щеке хозяйки, начала целовать. Потом притихла и задремала.

Пять утра. Надо идти к Татке, а то решит, что бросили её на произвол судьбы.

– Пойдём Тату проведем, – придерживая обезьяну, Регина Васильевна вышла из спальни.

Сегодня впервые за десять дней Татка лизнула хозяйке руку. Выздоровливает, значит. И вовсе не одна она здесь: Рамзес сидит рядом. А под бочком расположился Кот. Татка не скучала, она была с друзьями. А все вместе они – одна большая семья.

...Татка пошла на поправку, уже начала заигрывать с Котом. Бегать, правда, пока не решалась, но быстрыми семенящими шажками по коридорам передвигалась. Спали все втроём в гостиной: Кот на диване, Рамзес с Татой на ковре возле кресла.

Совершала свой ежевечерний ритуал и Чоли. Около полуночи спускалась, целовала на-

ночь Кота – видно, желала спокойной ночи – и с явной неохотой возвращалась к себе. Забавно было наблюдать, как в дверях Чоли останавливалась, посылая Коту воздушный поцелуй. Ему этот жест ни о чём не говорил, для Чоли же воздушный поцелуй значил многое: это и нежность, и ласка, и забота, и преданная, бескорыстная любовь.

Глава десятая

Предчувствие

Бывает же такое, заснёшь крепко и не слышишь ничего – ни голосов, ни шума, ни домашней суеты. Спишь себе, посапываешь, живёшь потихоньку во сне другой, загадочной жизнью, которая вроде и похожа на настоящую, но всё-таки сильно от неё отличается. Жизнь во сне – это жизнь понарошку. Приснилась Коту мышь, поймал он её во сне, проснулся – мыши нет. Обман!

Сегодня во сне он всё время от кого-то бежал: сначала от собак, потом от Зай – и никак не мог проснуться.

На улице прогремел гром, а в доме хлопнула входная дверь. Кот поднял голову – наконец-то проснулся.

Отчего ему так неудобно и страшно? От этого страха он убегал во сне. Сон прошёл – страх

остался. И ещё появилось какое-то тяжёлое предчувствие! В чём же дело? И кто закрыл его в гостиной? Зачем?

Кот начал скрести дверь, он слышал шаги, голоса, лай Татки, и в нём вскипала ярость. Закружили! Не имели права!

Несколько минут он пытался бороться с дверью. А что толку? Раз заперта, значит, заперта, и хоть волком вой, исцарапай её всю — не откроется.

Но хозяева-то живые люди, они же должны услышать зов Кота и ведь наверняка слышат, но почему-то не реагируют. Вот опять шаги — кто-то поднимается по лестнице. Тявкнула Татка, совсем близко. Кот громко мяукнул, встал на задние лапы, пытаясь передними дотянуться до дверной ручки.

Татка, звал он пуделиху, что же ты не подойдёшь, подбежала бы, загавкала — глядишь, и вспомнят про меня.

Тут загудел ветер, необычно, с надрывом, словно какой-то неизвестный хищник ревел, предупреждая о нападении. На стене появился отблеск света, возникли десятки замысловатых теней, ветер прекратился, и вдруг тишину разорвал страшный вой. Кот прыгнул на подоконник. На стекле серебрились струйки дождя, мешая отчётливо видеть то, что происходило на улице.

А там действительно что-то происходило. У крыльца стояла машина скорой ветеринарной помощи. Яркий свет фар упирался в окна гостиной, безмолвно вращалась синяя мигалка, водитель разворачивал машину, гудел мотор, и Кот догадался: скорая помощь и есть тот самый неизвестный хищник.

Вот оно как, значит, не ветер гудел на улице, а эта махина с мерцающим синим глазом на макушке. Странно, однако, глядя на машину, Кот испытывал те же чувства, что и в момент своего недавнего падения из окна. Знакомая дрожь колким теплом разлилась по телу, сердце колотилось, перед глазами мелькали искры.

Он понял: в доме случилась беда. И люди совершают преступление, держа его здесь одного, в полном неведении.

И Кот начал раздирать когтями обивку кресла — не со зла, а ради своего спасения. Он кричал, но дверь не открывали. Кот метался по гостиной и шипел от сознания собственной беспомощности.

Глуховатая пуделиха услышала Кота раньше хозяев. Соизволила всё-таки подбежать к двери, заскребла лапами. Ну чего ты молчишь, глупая? Есть же у тебя голос.

Что за ночь сегодня? Даже Татка на себя не похожа, стоит под дверью, а помощи никакой. Издав змеиное шипение — ох и боятся

же его собаки! — Кот рассчитывал на ответную реакцию. Как бы не так! Сегодня все сошли с ума, и Кот тоже сойдёт с ума, если его не выпустят из гостиной.

На лестнице опять слышались незнакомые голоса, шаги и громовой бас Фимы. Кот закатил очередной концерт, прыгнул на дверь, ударил лапой по ручке — и мешком вниз. Не успел приземлиться на лапы, ударился боком, замаякал — уже от боли и досады.

Но справедливость восторжествовала: Ефимия Ивановна всё-таки открыла ему. Кот пулей вылетел из гостиной. Подбежал к лестнице, замешкался, не зная, куда бежать дальше.

— Охолонь ты, окаянный! — крикнула Фима и, повернувшись к входной двери, пояснила: — Дверь закрыли, а энтот шебутной там спал.

Кот заметил двух мужчин в зелёных костюмах. Первый, повыше ростом и помоложе, держал штатив для капельницы, второй сжимал ручку медицинского чемодана. Запахи были острые, неприятные, как в той страшной комнате, куда Кота возила Регина Васильевна. Зубы ему там удаляли, и уколы делали, и за лапы держали, не позволяя спрыгнуть со стола. Даже вспоминать не хочется!

Значит, от этих незнакомцев надо держаться подальше, а то мало ли что. Кот стал проворно подниматься по лестнице, за ним едва поспевала Татка.

На площадке второго этажа они встретили Регину Васильевну с невысокой женщиной в таком же, как у неизвестных пришельцев, зелёном костюме и с медицинской сумкой через плечо.

На Кота ни Регина Васильевна, ни женщина – от неё тоже пахло той страшной комнатой – внимания не обратили. Прошли мимо, будто и не стоял перед ними большой рыжий кот, потерянный и испуганный.

Возле хозяйской спальни сидел Рамзес и, хотя дверь была приоткрыта, заходить не спешил. Он неподвижно смотрел в одну точку и, казалось, был сейчас где-то очень далеко, в каких-то неведомых далях.

Зато в спальню попытались прорваться Кот с Таткой. Но Василий Тимофеевич не позволил.

– Нельзя сюда, нельзя, – сказал он устало и закрыл дверь.

И тут Рамзес затряс бородкой, забормотал и начал крутиться, будто пытаясь поймать свой маленький хвостик. Татка села у самой двери, заскребла лапами.

– Нельзя! – крикнул Василий Тимофеевич.

Рамзес заскулил.

Внизу щёлкнул замок, и через минуту на второй этаж поднялась Регина Васильевна. Она прошла по коридору, ни на кого не глядя. Задумчивая, хмурая, и глаза почему-то красные. Прежде чем войти в спальню, зажмурилась и вроде бы даже всхлипнула – так показалось Коту. Потом резко толкнула дверь и скрылась.

Татка подошла к Рамзесу, лизнула его в нос, чихнула – и уgomонилась. Кот держался в стороне, неотрывно смотрел на дверную ручку, ожидая, что она вот-вот опустится и ему удастся забежать в спальню. Ведь там Чоли, почему их к ней не пускают?

Глава одиннадцатая

Прощай, Чоли!

Чтобы не разбудить Чоли, Регина Васильевна осторожно села на подлокотник кресла и посмотрела на отца. Поймав потерянный взгляд дочери, Василий Тимофеевич хотел что-то сказать, но Регина Васильевна приложила палец к губам. Старик молча кивнул.

Воцарилась напряжённая тишина. Чоли спала на спине, поджав задние лапы.

Остро пахло лекарствами и болью старой обезьяны, уставшей бороться.

— Сколько осталось? — спросила врачом Регина Васильевна.

— В любой момент, — последовал ответ.

Страшные слова! В любой момент! Это значит — с минуты на минуту. Или чуть позже — через час, полтора. Быть может, через неделю.

Ожидание изводит. Хочется плакать, а слёз нет. Хочется говорить, не умолкая, а слов нет. Хочется выбежать на улицу и нырнуть в холодную злую ночную мглу, а ноги не идут.

Регина Васильевна надеется. Надежда живёт, теплится. А вдруг?

Вдруг Чоли повернула голову, приоткрыла глазки. Осмотрелась, тихо вздохнула и несмело заворочалась.

Регина Васильевна вскочила.

Чолька заморгала, протянула лапы к хозяйке.

— Ты проснулась, девочка? — Регина Васильевна взяла Чоли на руки.

— Наверное, ей лучше лежать в кровати, — заметил Василий Тимофеевич.

Регина Васильевна промолчала. Чоли, обняв хозяйку за шею, начала целоваться. Поцеловала в щёку, потом в подбородок, в лоб, в нос, снова в щёку. Не отпускает Регину Васильевну, целует, чувствует что-то.

Потом застонала, начала растирать лапкой затылок. И смотрит в глаза хозяйке — верит, что она поможет, как помогала всегда.

Чоли взяла руку Регины Васильевны, положила ладонь себе на голову и начала сильно дуть. Из глаз градом слёзы, в каждой слезинке — надежда.

— Регина, надо было послушать врачей. Сделали бы укол. Посмотри на неё. Может, позвонить?

— Папа! Что ты говоришь? Зачем?

Чоли попросилась на пол. Встала, не отпуская руки Регины Васильевны, сделала несколько шатких шажочков, подняла куклу, тоже поцеловала. Затем подошла к старику, протянула ему Кудряшку, фыркнула и слабо улыбнулась.

Минуты полторы Чоли стояла не шевелясь, и вдруг подалась вперёд, обхватила лапами ноги Регины Васильевны, прижалась крепко-крепко, застонала — и обмякла.

— Чоли, ты чего? Чоли! — Хозяйка перенесла обезьяну на кровать и стала растирать ей лапу, трясти за плечо: — Чоли, не надо спать! Вставай! Чего ты придумала? Не притворяйся. Папа, она перестала дышать!

Василий Тимофеевич отвернулся.

— Папа, Чоли не дышит! — Регина Васильевна всё продолжала трясти обезьяну за плечо: — Вставай же ты, сколько можно лежать! Открой глаза, Чоли!

— Не надо, Регина, пожалуйста, — голос старика дрожал.

— Её больше нет... Чоли, прости меня, я сделала всё, что могла.

Когда пришла Ефимия Ивановна, отец и дочь, обнявшись, стояли у окна. Регина Васильевна плакала, Василий Тимофеевич тоже изредка утирал слёзы. Они не разговаривали, о чём здесь говорить — сейчас не время. Это потом начнутся разговоры, в которых Чоли будет упоминаться в прошедшем времени. Была... Она была, а теперь её нет. Но остались воспоминания, светлые и чистые, искренние и трогательные, как сама Чолька.

Одно утешало — она прожила очень долгую, насыщенную жизнь. Чолька была счастливой обезьяной: цирковую работу любила, буквально растворялась в ней, до преклонных лет выступала на арене — под несмолкавшие аплодисменты.

Сегодня аплодисменты стихли. Закончилось представление длиной в тридцать четыре года.

— Молочка Чольке подогрела, — сказала Ефимия Ивановна, поставив стакан на тумбочку у кровати. — Ложечку мёда липового добавила. Как проснётся, попьёт.

— Не будет она пить, Фима, — Василий Тимофеевич повернулся лицом к кухарке.

Из глаз Ефимии Ивановны брызнули слёзы. Растерявшись, она переводила взгляд с Чоли на старика. Высокая широколицая

женщина с громовым голосом и грубоватыми манерами рыдала, утирая слёзы мятым носовым платком.

– Как же это, Региночка Васильевна? Как же без Чоли теперь жить-то будем? Матушки мои родные, изумрудинка моя! Заснула-таки! Зверушка ты наша, зверушка... Не могу я смотреть на неё такую, не могу, Регина Васильевна.

Выходя из спальни, Ефимия Ивановна отогнала от двери Татку, но Регина Васильевна попросила пустить животных:

– Пусть зайдут, попрощаются.

Пуделиха влетела в комнату, виляя хвостом. Чоли она заметила сразу, положила передние лапы на кровать, принялась, никак не отреагировав на произошедшее. Подбежала к Василию Тимофеевичу, тявкнула: мол, пошли играть.

Иначе оценил ситуацию Кот. Запрыгнув на кровать, он долго не осмеливался подойти к Чоли, словно понимал – беда всё-таки пришла.

Кот ткнулся носом Чоли в плечо, но она не проснулась. Он спрыгнул с кровати, пригнулся к полу, ужом выскользнул в коридор.

Рамзес наотрез отказывался заходить в спальню. Его звала Регина Васильевна, звал Василий Тимофеевич – цверг был непреклонен. Стоя на задних лапках, пёсик неотрывно

смотрел на Чоли из коридора. Предательски подрагивала его борода, шевелились брови.

И вдруг всегда степенный Рамзес зарычал, ошетинился, залаял на спующую туда-сюда Татку, на Регину Васильевну, на старика и стремглав бросился к лестнице. Забился на кухне под стол, завыл от отчаяния и бессилия, не подпуская к себе никого из домочадцев.

Регина Васильевна вышла на крыльцо, оставив входную дверь распахнутой. Не вытирая слёз, она уходила вглубь сада, туда, где темно, где можно спрятаться, раствориться в темноте, остаться одной.

Кот выбежал на крыльцо, жадно вдохнул предутреннюю прохладу. Не оглядываясь, подгоняемый бедой и страхом, он добежал до калитки...

Глава двенадцатая

Лес

Вот и рассвело.

Кот выбежал на дорогу, оставив позади вспаханное поле с затвердевшими комьями промёрзшей чёрной земли. Боязливо озираясь по сторонам, он засеменял вдоль чёрно-белого бордюра. Идти стало намного легче. Но на дороге небезопасно: машина может появиться внезапно.

Гудит. Мотор гудит! Кот задёргал ушами — точно, машина едет. Пришлось перебежать дорогу, спуститься по пологому склону, покрытому островками жухлой травы, перепрыгнуть неглубокий ров. Кот очутился на том же поле, только по другую сторону дороги.

А здесь опять знакомые чёрные гребни, заледенелые и неприступные. Не то что бежать — идти трудно: лапы срываются, приходится передвигаться прыжками, как зайцу. Смешно, наверное, со стороны выглядит, но Коту не до смеха: он опять стал бездомным.

Вскоре он дошёл до леса. Несмотря на ранний час, лес был полон необыкновенных звуков и новых зовущих запахов.

Холодный ветер свистел, путаясь в длинных голых ветвях, и огромные деревья качались, поскрипывая. Могучие шершавые стволы тянулись всё выше и выше, и казалось, царапали острыми макушками угрюмое серое небо.

Мёрзлые листья похрустывали под лапами, а там, где иней сошёл, шуршали, источая букет сладковатых запахов, не совсем приятных, но интересных, неизведанных. Многие кочки пахли весьма заманчиво, чем-то съедобным, и пару раз Кот начинал их подкапывать, обходя с разных сторон и принюхиваясь. Чем тут может пахнуть, если кругом одна листва,

промёрзшая трава и земля? А ведь пахнет же. Значит, надо копать дальше.

Вот и лапы уже перепачканы, и кочка раскопана, и струя приятного запаха сильнее бьёт в нос, а ничего съестного пока не видно. Повинуясь инстинкту, Кот продолжал копать. Вскоре появилась первая ямка, затем вторая, запах вскружил голову — пахло мышью. Невероятно! Меньше всего он ожидал почуять в лесу запах грызуна: по наивности Кот полагал, что те живут исключительно на дачах и в больших городах.

Кот работал лапами всё быстрее и быстрее, чувствовал, цель близка, надо поднапрячься — и удастся позавтракать.

Заострённая морда маленькой мышки показалась из разрытой норы в момент наивысшего кошачьего азарта. Вот она — лови! Мышь выскочила, добежала до пня, хотела юркнуть в кучу листьев, но Кот оказался проворнее. А мышь — очень даже вкусной.

Побродив какое-то время вблизи норы (а вдруг снова повезёт?), разворошив для порядка листья возле трухлявого пня и сжевав невкусную вялую травинку, Кот рысцой побежал вглубь леса.

Не побоялся, не счёл для себя опасной такую прогулку

Лес живёт своей насыщенной жизнью, и Кот идёт вперёд и уже не свернёт с пути.

Ему нужно убежать, убежать подальше от того места, где судьба свела его с хорошим, добрым другом – Чоли, а потом так жестоко разрушила не только эту дружбу, но и счастье, которое нашёл Кот в доме старых циркачей.

Лес встретил Кота радушно, очаровал его, усыпив кошачью бдительность.

К середине дня на пути всё чаще стали появляться преграды: на холодной земле, усталой мокрой хвоей и прелыми листьями, лежали выкорчеванные с корнем деревья. Израненные, покрытые густым серым мхом стволы с поломанными ветками и торчащими в разные стороны сучьями казались Коту живыми существами. Вот они, колючие великаны, лежат неподвижно, затаившись до поры до времени, и тихо вздыхают. Это ветер заставляет их дышать.

Запрыгнув на мшистый пенёк, Кот принялся. Пахнет плесенью – неудивительно, но, что интересно, слабо ощущается и другой запах. Не иначе совсем недавно по пню пробегала мышь. А что толку гадать – сытнее от этого не станет. Но из бурелома определённо надо выбираться.

Пришлось проявить смекалку: там подлезть, тут перепрыгнуть, перешагнуть. Не так-то просто!

Лес превратился в ловушку. Вот это да! Даже в городе, в суматошном, сумасшедшем и страшном городе, где ничего не понятно и идёт бесконечная борьба за выживание, Коту было спокойнее.

Наконец бурелом остался позади. Скоро лес накрыли сумерки.

Неглубокий овражек, засыпанный листвою и сухими ветками, показался Коту наиболее подходящим местом если не для сна, то хотя бы для отдыха.

Ночной лес – купол чёрного цирка. Здесь есть хозяева, есть гости, они же зрители, и для них с наступлением темноты начинается представление.

Внимание! Парад-алле!

Лес загудел, властный ветер жаждет аплодисментов, оттого и неистовствует. И мало ему скрипа и треска, мало мечущихся в беспорядке звуков – ветер неукротим. Он требует всеобщего хаоса.

Парад-алле продолжается!

Ветер набирает обороты, участники представления – ночные птицы, те, что во мраке начинают активную жизнь, – подают голоса.

Отовсюду слышен шёпот, словно восхищённые зрители обмениваются первыми впечатлениями. И лес продолжает рукоплескать, но ветру этого недостаточно, он недоволен: ему нужны бурные овации.

Облетев лес, ветер приносит новые звуки ночной природы, непривычные, тревожные.

Взъерошенный Кот лежал на влажной листве, вздрагивая от незнакомого шума, и принюхивался к ночи. Ночь его враг! А лес, оказывается, обманщик. Страшно Коту в ночном лесу.

И вдруг над самой головой слышался шуршащий звук, недобро сверкнули два огромных глаза, в нос ударил резкий запах. Раздался гнусавый крик. Кота сорвался с места, прижался к корявому стволу старого дерева. А крик не смолкал, зловеще зашелестели чьи-то огромные крылья.

Треснула ветка, птица, что напугала Кота, сложила крылья, села и стала раскачиваться. Щёлкает клювом, как заведённая, надрывается: «Иг-угу-у-у, иг-угу-у-у». Тоже участвует в представлении ночного цирка, играет свою роль. И, надо сказать, играет мастерски. Вон как Кота всполошила!

Но с ней лучше не связываться: ночной лес её стихия, она здесь хозяйка, а Кот — незванный гость, и будет лучше, если он уйдёт, попытается найти новое пристанище. До утра бы отсидеться, это главное. И Кот засеменял вдоль оврага, поджав хвост и пригнув голову, — жалкий, потерянный, уставший.

А ночной лес продолжал своё представление...

Постепенно хвойный лес редел, всё чаще попадались берёзы, клёны, осины. Вскоре Кот вышел на узкую просеку, съел несколько на удивление вкусных травинок, побежал вперёд, туда, где виднелась полоса холодного утреннего неба.

Просека вывела Кота на поляну, откуда человеку до деревни рукой подать: спуститься к тихой речушке и перейти по хлипкому деревянному мостику на противоположный заросший травой берег.

Первый дом стоял метрах в ста от реки и был огорожен шатким покосившимся забором. Калитка распахнута настежь, во двор мог зайти любой желающий – очевидно, гостеприимные хозяева были рады каждому.

Может, пустят? А там, глядишь, и накормят. Но Кот не рискнул. Испугался. И вообще, не мешало бы из деревни уйти, зря он сюда пришёл.

Вскоре Кот добрался до широкой асфальтированной дороги. Вела она в посёлок, с большими кирпичными домами, высокими решётчатыми заборами и серьёзной охраной. Кот побежал в противоположную сторону. Слева опять показался лес, справа раскинулась площадка со скамейками, фигурными

клумбами и петляющими дорожками, выложенными бордюрным камнем.

На скамейке сидел худощавый усатый мужчина. Откинувшись на спинку, он с любопытством поглядывал на Кота.

— Кис-кис, — позвал незнакомец. — На-на-на. Иди сюда, кис-кис.

Интуиция молчала, о возможных подвохах не предупреждала. Кот был голоден, а человек, столь настойчиво подзывавший его к себе, мог накормить. Вдруг у него с собой есть кусочек чего-нибудь съестного? Не зря же зовёт. Точно, накормить хочет.

И не насторожили Кота ни странный блеск глаз, ни суетливые движения незнакомца: тот как-то странно крутил головой — видно, нервничал. Поверил ему Кот.

— Давай, давай, — торопил мужчина. — Подходи ближе. Ну!

Кот едва успел принюхаться к его растопыренным пальцам, а тот уже схватил его за загривок. Это произошло так неожиданно, что Кот запищал, как маленький котёнок.

Мужчина повертел Кота в воздухе, пристально вглядываясь ему в глаза.

— Ты попал! — сказал он, положив Кота на скамью и продолжая держать его за шею. Обернулся назад, свистнул: — Шэйн, ко мне!

Появившись словно из-под земли, к скамье подбежал крупный ротвейлер. Заметив

Кота, пёс начал лаять, пытался поставить лапы на скамью. Хозяин рывкнул:

– Шэйн, сидеть!

Пёс послушно сел, но в глазах его продолжали бесноваться кроважадные искры.

Кот дёрнулся, мужик крепче прижал его к скамье.

– Не нравится, да? – ухмыльнулся уса-тый. Вид беспомощного Кота доставлял ему удовольствие, он буквально упивался своей властью над беспомощным животным.

– Шэйн, место! – новая команда заставила собаку подойти ближе к хозяину.

Кота мужик на несколько мгновений при-жал к груди, чтобы удобнее схватить за за-гривок, и теперь держал в вытянутой руке. Кот извивался, но ему никак не удавалось ни укусить, ни оцарапать мучителя.

В подвешенном состоянии Кот пробыл, наверное, секунд тридцать, ротвейлер начал поскуливать от нетерпения. И вдруг мужик с размаху швырнул Кота на землю. Раздался резкий, какой-то дикий крик:

– Фас! Шэйн, фас!

От удара Кот растерялся, но в следующее мгновение сработал инстинкт самосохране-ния. Поджав хвост и прижав уши, Кот вы-скочил на дорогу. Пёс, чьё неровное горячее дыхание обжигало Коту затылок, вот-вот до-гонит, вцепится. И тогда пиши пропало.

Бежать! Не оглядываться, не видеть преследователя, не думать об усталости. Бежать, чтобы выжить! Ради этого стоит постараться. Рывок – и он немного оторвался. Ещё рывок. Пёс вроде отстал. И снова на затылке жаркое собачье дыхание.

Бежать. Забыв обо всём, даже о своём страхе, Кот мчится вперёд. Он хочет жить. И он будет жить, потому что у него есть семья – Дениска, Марина, Дима. Они его ждут, и он их обязательно найдёт. Новый рывок. Кот несётся по дороге, а вдогонку слышится крик усатого:

– Давай, Шэйн! Давай!

И Шэйн хочет угодить хозяину. Он ведь пёс дрессированный, преданный, ему нужно выслужиться. Чтобы хозяин похвалил, похлопал по боку и назвал хорошей собакой.

На повороте Шэйну удалось схватить Кота за лапу. Кот взревел от боли, несколько раз кубарем перевернулся и прижался к земле. Вот теперь момент настал, пришло время взглянуть в глаза обидчику.

Шэйн залаял, вытянул лапы, опустил голову, задрожал: от нетерпения, от приближения развязки. Рывкнет – и назад отскакивает, затем всем корпусом подаётся вперёд, лает, глаза наливаются злобой. А всё же боится сделать решающий шаг: кошачье шипение не пустой звук. Пёс попытался зайти с другой

стороны, Кот зарычал, повернул голову, заметил приближавшегося усатого.

Лай раздался над самым ухом. Хозяин снова приказал Шэйну «взять» Кота. Значит, пора вступить в схватку и пустить в ход главное оружие – когти. Пёс приблизился. Кот, на доли секунды пригнувшись ещё ниже к земле, вскочил, молниеносно замахнувшись лапой с выпущенными когтями. В серьёзной схватке с собаками, когда дело доходит до когтей и зубов, кошки всегда целятся в самые чувствительные места – глаза и нос. И Кот не был исключением.

Противник попятился, порываясь передней лапой коснуться раненого глаза. Боль была невыносимой. Но, несмотря на это, Шэйн бросился за драпанувшим в лес Котом. Не догнал. Кот был уже далеко, он сорвался с места сразу, как только понял – враг побеждён. Напрасно Шэйн лаял ему вслед. Эту схватку он проиграл. Правда, Кот тоже был ранен, так что счёт один-один.

Глава четырнадцатая

Мир не без добрых людей

В лесу Кот провёл ещё сутки. Почти всё это время он пролежал под деревом, вылизывая кровоточащую лапу. Кошки ведь отличные

лекари и, когда рядом нет человека, который может оказать помощь, лечат себя сами.

Едва забрезжил рассвет, Кот встал и побрёл по палой листве, волоча заднюю лапу. Каждый шаг давался с трудом. Приходилось часто делать привалы, отлёживаться. Очередная ночь настигла его недалеко от трассы. Удалось-таки выйти из леса. Уже хорошо.

На это раз Кот отлёживался в холодной канаве в пяти метрах от дороги. Он почти не спал, ему было то холодно, то жарко.

Вот и утро. Уже светло.

Земля была покрыта белой простынёй инея, заледеневшие травинки оказались единственной пищей.

Промчалась машина, потом проехал рейсовый автобус, и постепенно дорога ожила. Кот встал. Стоять удобно, а если сделать шаг? Больно! Но не идти нельзя.

Кот стал прыгать на трёх лапах, метров через сто осмелился поставить больную лапу на землю. Ничего, можно немного похромать. Совсем чуть-чуть. А теперь пора прыгать.

Вот так, то прыгая, то хромая, то замирая в неудобной позе, чтобы перевести дух, Кот продвигался к цели.

Через два дня, обессиленный, голодный, с распухшей лапой, Кот оказался в городе. Он сумел добраться до девятиэтажного дома, лёг под балконом и начал мяукать.

Это был призыв о помощи, последняя кошачья надежда. На зов никто не реагировал, в подъезд и из подъезда постоянно входили и выходили люди, все они видели Кота, слышали его мольбу, некоторые даже останавливались, смотрели на рыжего страдальца, что-то говорили и... отправлялись по своим делам.

— Больной какой-то, — заметила одна женщина.

— Вот разорался, жрать, наверное, хочет, — сказал старик, набирая код домофона.

— Смотри, какая лапа опухшая... И шерсть в крови. Гадость какая! — поморщилась девушка, держа под руку молодого человека.

— Господи, когда этих кошек перетравят, до чего надоели! — зло бросила бабка, выкатив на крыльцо сумку-тележку.

Кот положил голову на вытянутую лапу и закрыл глаза. Он сделал всё, что было в его силах. Теперь силы иссякли.

Его погладили по голове, и Кот открыл глаза. Над ним склонилась женщина, от неё пахло Мариной, Коту даже показалось, что это она и есть. Он подался вперёд, быстро заморгал, сгоняя с глаз пелену, попытался встать на лапы — и упал.

— Мам, что с ним? — тоненьким голоском спросил шестилетний мальчик. Он стоял на крыльце и вытягивал шею, чтобы лучше

разглядеть лежавшего под балконом рыжего Кота.

Кот всполошился. Детский голосок! Неужели Дениска? Но что же случилось с глазами, почему всё словно в тумане? И откуда в голове шум? Болела уже не только лапа, стонала каждая клеточка, даже мяукнуть не получалось. А голос подать надо — чтобы позвать Дениску. Это же он стоит на крыльце, а рядом сидит Марина.

Собрав последние силы, Кот вскочил, ударившись головой об локоть незнакомки. И всё погрузилось во мрак.

Он уже не мог слышать, как Марик подошёл к матери и произнёс свою любимую фразу: — Мам, давай всё обсудим.

Марку всего шесть лет, но мальчуган уже настолько серьёзный и ответственный, что Анастасия общается с сыном на равных. А когда он становится немного суровым, задумчивым и сосредоточенным и на переносице появляется глубокая вертикальная морщинка, Анастасия видит в сыне не беззаботного мальчишку, а маленького мужчину. У него есть собственное мнение, свой взгляд на многие вещи и обострённое чувство долга.

— Позже обсудим, Марк, у кота лапа вся в крови. Я сейчас Владу позвоню, в ветлечебницу надо, — женщина вернулась к подъезду, достала из сумочки телефон.

— Мам, я как раз хотел предложить отвезти кота в лечебницу. Только Влад нам не нужен. Давай сами отвезём.

Анастасия помотала головой. Марик вздохнул как-то совсем по-взрослому и коснулся ладошкой взъерошенной шерсти Кота.

— Влад скоро приедет. — Настя предложила сыну подняться домой, перекусить и взять сумку для кота.

— Мам, я не хочу есть, ты же забрала меня сразу после полдника. Но сама поешь. А можно я останусь? Вдруг кот убежит.

— Не убежит, — Анастасия потянула сына к подъезду. — Пошли, мы быстро вернёмся. Марк, не отставай.

Владислав — или просто Влад для Насти и дядя Влад для Марика — приехал минут через сорок. Его машина остановилась возле второго подъезда в тот момент, когда Анастасия с сыном пытались успокоить вырывавшегося из сумки Кота. Кот проснулся, увидел незнакомых людей и занервничал. Где Марина, где Дениска? Они же были здесь, он помнит, но сейчас их нет. Надо найти хозяев.

— Это и есть та зверюга? — улыбнулся Владислав. Он открыл заднюю дверцу, помог Насти с Котом на руках сесть в салон, потрепал по волосам Марка, но мальчик быстро отстранился и, обежав машину, юркнул внутрь с другой стороны.

Когда они выехали со двора и Влад с Анастасией начали переговариваться, Марик сначала гладил Кота, а потом, повернувшись к окну, закрыл глаза. Он думал о странном поведении мамы. Изменилась она за последние месяцы, и эта перемена Марику не по душе.

Раньше они жили вдвоём и не знали забот: Марк ходил в детский сад, мама дома занималась своими переводами. Вечера проводили вместе: гуляли, ходили в кафе, в кино на мультфильмы, дома играли в разные настольные игры. А как смеялись! Скажет что-нибудь Марк – и заливаются оба. Весело было, и казалось Марку, что так будет всегда. А почему бы и нет? Ведь им хорошо, и ему, и маме, – чего ещё надо?

И вдруг полгода назад откуда ни возьмись появился Влад. Домой стал к ним приезжать, подарки Марку дарил, маме цветы привозил, конфеты, коробочки какие-то в яркой бумаге. Да и весёлый вроде, но непонятно Марику, чего он от них хочет. Зачем лезет в их жизнь?

Мама стала другой, какой-то неинтересной, вечерами всё чаще просит Марика поиграть одного. Сама или по телефону с Владом разговаривает, или стоит у окна с чашкой кофе, думает о чём-то. Одним словом – странная. Опять же, с появлением Влада разучилась принимать самостоятельные решения.

То всё сама и сама, а теперь чуть что — надо с Владом посоветоваться. Вот, например, как сегодня, с рыжим котом. Недалеко от дома есть ветеринарная клиника, и Марик с мамой запросто могли отнести туда кота без посторонней помощи. Так нет, позвонила Владу. А тот примчался и зачем-то повёз их совсем в другую ветлечебницу.

Марик вздохнул. Какие же все взрослые странные люди! Маме и Владу уже по тридцать семь лет, а они ведут себя как дети, честное слово. Чего, спрашивается, сейчас улыбаются? Марк посмотрел на мать.

Держа на коленях сумку с притихшим Котом, Анастасия улыбалась краешком губ, когда ловила в зеркале взгляд Влада. Он тоже улыбался и подмигивал Насте.

— Как дела в саду, Марк? — спросил Влад, обернувшись на светофоре.

— Нормально.

— А чего такой грустный, если нормально?

— Кота жалко.

— Ну, не вешай нос, парень, сейчас доставим его к врачам, подлатают вашего пирата, будет как новый.

— Мам, мы возьмём его себе?

— А вот этого делать не советую, — Влад выключил радио. — За ним уход нужен, зачем вам лишние хлопоты? В лечебнице оставим, подлечат, на волю выпустят. Правда, Настён?

– Мам, пожалуйста!

Анастасия взглянула на Влада, тот снова ей подмигнул и улыбнулся.

– Посмотрим, – ответила она сыну.

Марик погладил спящего Кота. Посмотрим – это не ответ. Это слишком неопределённо. Раньше мама согласилась бы сразу, теперь прислушивается к Владу. А почему он должен решать, кто будет жить в их доме, а кто нет? И Марик подумал, что всё-таки уговорит маму не оставлять Кота в лечебнице.

Глава пятнадцатая

Возвращение в страшную комнату

Коту обработали рану, сделали укол и отправили минут на двадцать в коридор. А там другие животные, тоже больные и несчастные, и от каждого зверя исходит специфический запах. Кот вдыхает эти непохожие друг на друга запахи и пытается понять, в чём он провинился, если его снова привезли туда, где есть эта страшная комната.

В кресле напротив сидит женщина, держит на коленях белую кошку, а та надрывается – тоже не может взять в толк, зачем она здесь. Заметила Кота – ноль внимания, продолжает кричать. Хозяйка успокаивает её, гладит, целует, но кошка, обезумев от страха,

предупреждает хвостатых сородичей об опасности. Люди-то не понимают кошачьего языка, а Кот слышит, как белая ангорка молит о помощи.

Чуть поодаль стоит переноска, внутри кролик – ушастый серый зверёк. Тоже трясётся, боится, но хозяину, высокому парню, дела нет до его страхов.

Марик начал чесать Кота за ухом, хотел успокоить, щебетал что-то, улыбался. Нет, не похож этот мальчуган на Дениску, нисколько не похож. Черноволосый, лопоухий, нос картошкой – ничего общего с младшим хозяином. Но взгляд светлый, добрый, а ладошки такие же тёплые, ласковые.

Дверь страшной комнаты открылась, когда Кот намеревался облизать заднюю лапу. Не успел. Началось страшное...

Влад внёс Кота в кабинет, снова – только не это! – положил его на стол, сам остался стоять рядом. Смотрел на женщину в зелёном костюме. Та перебирала какие-то железки, потом повернулась к Владу и спросила:

– Мне его зафиксировать или будете держать сами?

Влад пожал плечами, взглянул на Кота:

– Давайте поддержку.

Мучения продолжались минут двадцать, и наконец Влад взял обмякшего Кота на руки, вышел из кабинета – и всё вдруг поплыло пе-

ред глазами четвероного пациента. Ещё там, в страшной комнате, Кот почувствовал, что жутко хочет спать. Глаза сами закрываются, тело будто чужое. Что происходит? Кот отчуждённо смотрел на Марика, на Анастасию, потом, как в тумане, увидел приоткрытую дверь страшной комнаты, белую ангорку на столе. И провалился в глубокий сон.

— Его уже можно везти домой? — Марику не терпелось забрать Кота из клиники.

— Подожди, парень, — Влад похлопал Марка по плечу. — Нужно будет сделать ещё пять уколов антибиотика. Раз в два дня. Итого десять дней.

— И что?

— Плюс каждый день менять повязку на лапе.

— И что? — повторил мальчик.

— А то, парень, мама не сможет делать ему уколы. Я прав, Настён?

— Мам, ты же сможешь, скажи?

Настя виновато покачала головой:

— Сменить повязку смогу, а на уколы придётся привозить Пирата сюда.

— Так это хорошо! — обрадовался Марк и даже не обратил внимания, что мама уже дала коту кличку. — Значит, мы берём его домой?

— Другого выхода нет.

— Подождите, ребят, не усложняйте, есть другой вариант — оставить Пирата в клинике.

За ним будет хороший уход, во всяком случае, тебе не придётся с ним возиться. Кстати, Настён, не думай, что сменить взрослому коту повязку на больной лапе – плёвое дело. Он парень с гонором, зубастый, когтистый.

– Мам, будем возить его сюда, – Марк потянул Настю за рукав.

– Настён!

Повисла пауза. Три человека были напряжены, а спящий Кот и не подозревал, что решается его судьба.

– Марк, наверное, Влад прав, нам лучше оставить Пирата в лечебнице. Через десять дней мы его навестим и...

– Навестим или заберём? – Марик чуть не плакал от обиды. Опять этот Влад лезет в их жизни! И почему мама постоянно прислушивается к его мнению?

– Возможно, заберём, – уклончиво ответила Настя.

Возможно – это так же неопределённо, как и «посмотрим».

– Держите своего вояку, – Влад передал Кота Насте. – Я узнаю, что и как, посидите здесь.

Едва он отошёл, Марик обратился к матери:

– Мам, давай всё обсудим. Пожалуйста, мам! Ему здесь будет плохо, он проснётся, а всё кругом незнакомое. Подумай, мам!

Дома лучше, и мы рядом. Ты можешь купить переноску для кошек? Давай купим, мам. Тогда не надо просить Влада, чтобы он отвозил нас с Пиратом на уколы. А мне нравится имя Пират. Ты сама придумала, мам?

– Его Влад так назвал.

– Возьмём Пирата домой, да?

Влад был против, и Насте не хотелось с ним ссориться. И огорчать сына не хотелось. Но принять решение должна именно Настя: Марк ждал ответа, Влад договаривался о пребывании Кота в клинике. Конечно, проще убедить Марика в правоте Влада, но тогда сын обидится. А он и так в последнее время редко улыбается: не может найти контакт с Владиславом, нервничает, ревнует.

– Мам, – Марик решил зайти с другой стороны. – Вот представь, если бы я заболел и врачи тебе сказали, что меня можно оставить в больнице на десять дней или забрать домой. Что бы ты выбрала?

– Не сравнивай.

– Ответь.

– Марк, так нечестно! Ты мой сын, ты человек, а он обычный кот.

– Он болеет, и ему нужна забота. Ну как ты не понимаешь? Ты стала такой же... как Влад, – Марк отвернулся, шмыгнул носом. Нет, не расплакался, но сдерживался из последних сил. Возможно, дома он заплачет,

наверняка заплачет. Когда останется один в своей комнате. А сейчас надо держать себя в руках, стыдно перед незнакомыми людьми плакать.

...Домой возвращались в тишине. Влад не стал включать радио, следил за дорогой, на сидевшую рядом Настю не смотрел. Она тоже молчала. Думала о сыне и о том пусть маленьком, но всё-таки ломтике счастья, что смогла ему подарить. По большому счёту Марик прав, Коту для скорейшего выздоровления нужна их помощь, а дома, как известно, и стены лечат. И погладишь лишний раз, и покормишь чем-нибудь вкусненьким, на руках потискаешь, успокоишь. А больница есть больница. Настя повернулась к сыну.

Марик спал. Рядом в новой переноске дремал кот. Пират.

Глава шестнадцатая

Пират

Ну и имечко ему подобрали, удивился бы Кот. Пират! Надо же... А впрочем, пусть будет Пират, главное, люди хорошие – не бросили на произвол судьбы, подошли на улице, подобрали, помогли, домой привезли. Как их отблагодарить? Разве что мяукнуть тихо и ласково.

И он мяукнул — сразу, как только проснулся. К нему подошёл Марик, погладил — и пулей на кухню, принёс мелко нарезанные кусочки колбаски, протянул на ладошке — на, мол, ешь. Кот облизал один кусочек, отвернулся. Странно! Трое суток ничего не ел, а от свежей колбасы отворачивается. Он сам себя не узнавал.

...Место Коту отвели в прихожей, постелив рядом с переноской старое банное полотенце. Там он спал первые два дня, почти не проявляя интереса к тому, что творилось вокруг. Слаб ещё был, и лапа время от времени ныла. А сегодня, после посещения страшной комнаты, даже закричал в голос и укусил Настю за запястье. Так получилось — уж слишком бесцеремонно и жестоко поступила с ним хозяйка ужасной комнаты: укола не сделала, а до раны дотрагивалась. Теперь вот спать в прихожей совсем не хочется: темно здесь, неуютно. Ему бы сейчас запрыгнуть к Марику на кровать, потоптаться на мягком одеяле и лечь. Но дверь закрыта. Пришлось скрестись, чтобы впустили.

Минуты через две дверь открылась, правда, совсем другая. Анастасия вышла в прихожую, шлёпая босыми ногами.

— Даже не думай, — сказала она Коту, включив свет. — Дуй к себе. Давай, не сопротивляйся.

Кот замурчал.

– Да понимаю я всё, – Настя села на корточки, потрепала Кота за ухо. – Но пойми и ты – твоё место здесь. Смотри! Сюда смотри. Эх ты... Пират.

Неожиданно в комнате Марика послышались торопливые шаги.

– Мам, ты чего?

– Пират разбудил. К тебе в комнату просился.

– А можно, мам?

– Нет!

– Почему?

– Потому что нельзя, – резко ответила Настя. – Марк, иди ложись, утром в сад не встанешь. Иди! – прикрикнула она, подтолкнув сына, и закрыла за ним дверь.

– Мам, ты не сердись? – спросил из комнаты Марк.

– Не сержусь. Спокойной ночи.

Двадцать третьего ноября Коту наконец-то сняли повязку. Это было счастье!

Шерсть на лапе потихоньку отрастала, рана постепенно затягивалась.

Вернувшись из клиники, Кот первым делом решил обследовать поверхность Настинного трельяжа. С повязкой на лапе запрыгнуть наверх было трудно, да он и не пытался, зато теперь загорелся: не давал покоя знакомый

запах, такой глубокий и тёплый. Пахло молоком, мёдом, ванилью. Это был Маринин запах. Но по непонятным причинам точно так же пахло и от Насти. Возможно ли такое совпадение?

На трельяже стояла белая баночка крема. Кот обнюхал её со всех сторон, тыкался носом в крышку, пытался лапой сдвинуть баночку с места, а она стоит себе, не двигается. Как приклеенная, в самом деле. Марик смеётся:

– Мам, Пирату понравился твой крем.

– Я вижу, – Настя спустила Кота на пол: – Только на трельяже мне тебя не хватало. Мало тебе своих игрушек? Марк, где его заводнаямышь?

– Не знаю, наверное, опять под кроватью. А ты куда-то собираешься, мам?

– Мы идём в ресторан.

– С Владом?

– С Владом.

– Я один останусь?

– Марк, ну когда я оставляла тебя одного? С тобой посидит баба Надя. Спать ляжешь в половине десятого, Пирата в кровать не пускай.

– Мам, давай всё обсудим.

– Обсуждать нечего, мы договорились, он спит на подстилке. В крайнем случае, в кресле, но никак не на кровати. Ты понял меня, Марк?

– А Влад мне разрешил брать Пирата в кровать. Я спросил у него позавчера, он сказал, что ничего страшного не произойдёт. И ещё сказал... – Марик запнулся.

– Что ещё?

– Сказал, в детстве у него был кот, и он спал только с ним. Почему же Пирату нельзя спать на моей кровати, мам?

Она не знала, что сын разговаривал с Владом о Пирате, не знала, что Марик спрашивал у Влада разрешения. Неужели начинает признавать его авторитет? Дай Бог!

А пока Настя машинально скользила по волосам расчёской, Кот снова запрыгнул на трельяж и всё-таки скинул на пол белую баночку с кремом.

– Пират! Брысь!

Настин крик потонул в звонком смехе Марика.

Глава семнадцатая

Весёлые вечера

Недоверие Марика к Владу, появившееся сразу, как только они познакомились, исчезло. Марик и не подозревал, что между ним и человеком, которого он изначально считал лишним в их маленькой семье, могут сложиться дружеские отношения. А они сложи-

лись. Спасибо Коту! Благодаря усатому рыжему гиганту с больной лапой, Марку удалось победить свою ревность, увидеть во Владе не соперника, а старшего друга.

И оказалось, что о многих вещах с Владом разговаривать намного интересней и проще, чем с мамой. Мама, конечно, умная, много знает, всегда готова помочь и делом, и советом, но она всё-таки женщина. И иногда, как ни старается, не может понять Марика. А Влад понимает. Сколько раз Марк просил маму купить игрушечный автомат с оптическим прицелом, с компрессором на аккумуляторе, фонариком и глушителем! Да ещё очки в комплект входят. Не говоря уж о совершенно безопасных резиновых пулях. Продаётся такой автомат в ближайшем «Детском мире» и стоит недорого, но мама сказала своё решительное «нет». Автомат детям не игрушка! Так и сказала. А как не игрушка, если на коробке крупными буквами написано: «Для детей от 6 лет». Марку уже шесть с половиной – выходит, самое время. Но мама непреклонна, даже обсуждать ничего не желает.

Другое дело Влад. Марик только заикнулся о своей мечте – и уже на следующий день держал в руках подарок. Мама особо не ругалась, только сказала что-то об осторожности.

Хороший всё-таки Влад. Марк ему поверил. Это главное!

Каждый вечер Марик, стоя у окна, ждал приезда Влада. И Кот ждал – за компанию. Развалится на подоконнике, мурчит и смотрит на сосредоточенное лицо Марка.

А на улице уже первые снежинки вальсируют, робкие, осторожные. Наблюдаешь за ними в темноте, и в сон клонит, глаза сами закрываются.

Во двор въехала машина. Нет, не Влад. Задерживается что-то. Напрасно Настя несколько раз звала сына ужинать, Марк только отмахивался:

– Мам, я с Владом поем.

Настя не возражала – с Владом так с Владом. В душе она ликовала: любимый сын и любимый мужчина наконец ладили. О чём ещё можно мечтать? Наверное, это и есть счастье, такое светлое и уютное.

– Влад приехал! – Марик подбежал к двери, открыл и ждал, когда Влад выйдет из лифта и крикнет ему: «Привет, парень!»

Хорошо и Коту. Он чувствует настроение людей. Они ужинают за столом, и он, сидя у миски, похрустывает сухим кормом. Хрум-хрум – быстрый взгляд на Марика. Хрум-хрум – встретился глазами с Владом.

Наевшись, Кот спешит в большую комнату, прыгает на спинку дивана и наблюдает, как Марк достаёт из шкафа коробки с играми. Целый час, а то и больше, хозяева будут

играть в настольные игры, смеясь, шутя, радуясь почти осязаемому счастью.

Сегодня играли в «Эрудит». Марик разложил на полу игровое поле, высыпал из коробки множество пластиковых фишек с буквами.

А фишки на вид такие забавные, что Коту не терпится внести в игру свою лепту. Как тут улежишь на диване, когда на полу столько всего интересного! Ловкий прыжок – и Кот уже сдвинул лапой понравившуюся фишку, она заскользила по полу (фишка-то, оказывается, и сама не прочь поиграть!) и закатилась под диван.

– Пират! Что ты делаешь?! – Марик полез за фишкой, а сам смеётся, шутливо грозит Коту кулачком.

– Пират, беги играй с мышью, – Настя бросила в угол мягкую кошачью игрушку.

Кот даже внимания не обратил. Зачем ему тряпичная мышь? Вот ещё! Он настоящих мышей не раз ловил. Нет, лучше он с фишками поиграет – вон их сколько, бери любую.

– Пират! – снова закричал Марик, но уже без улыбки. – Пират, хватит! Влад, скажи ему.

– Иди-ка сюда, парень, – Влад взял Кота на руки. – Всё, сиди спокойно, смотри, как мы играем. Будешь за меня болеть. Пока мы с тобой выигрываем. Что тут у нас? Мой ход, да? Ага! Двадцать девять очков, плюс пятнадцать за использование всех фишек. Сорок четыре!

– Подожди! Влад, что такое «зебу»? – нахмурился Марик.

– Длиннорогая горбатая корова.

– Мам, правда?

– Ну да.

– Тогда подождите, я запишу.

Марик взял блокнот и карандаш. Каждый раз во время игры, узнавая значения новых, неизвестных ему слов, он старательно вписывал их в свой блокнот. Весьма предусмотрительно: запас для следующей игры.

За сегодняшний вечер Марик сделал в блокноте несколько записей:

«Зебу – длиннорогая горбатая корова.

Ер – старинное название твёрдого знака.

Баркас – большая многовёсельная шлюпка.

Кокс – твёрдое искусственное топливо.

Паяц – шут».

Настя в шутку, а возможно, и на полном серьёзе сказала, что Пират принёс в их дом удачу.

– Не тянет он накота удачи, – ответил Влад. – Счастливые кошки – трёхцветные, а Пират рыжий.

– Не в цвете дело. Не смейся, вспомни, как Марк к тебе относился.

Кот с любопытством смотрел на Настю и Влада. Станные они сегодня. Стоят в тем-

ноте у окна и никого не замечают. На всякий случай Кот мяукнул, напомнил о себе. Не могло. Хорошо им или плохо? Подойти, что ли, ближе?

Кот спрыгнул с кресла и услышал шёпот, а когда начал тереться об ногу Влада, Настя засмеялась. Чего смеются, почему стоят в темноте – не видно же ничего. Люди и темнота несовместимы, это Кот понял, ещё живя в родной семье...

Семья! Как давно он не видел своих друзей! Идёт к ним, надеется, преодолевает все препятствия, верит. Долго ли ещё искать? Сны изменились: всё реже появляется в них Дениска, его образ теперь не так отчётлив, лица практически не видно, и часто, проснувшись, Кот не может понять, снился ему Дениска или какой-то другой мальчишка. Печально! Неужели родные лица потихоньку стираются из памяти? Похоже на то. Такая тоска, хоть волком вой.

Усевшись перед входной дверью, Кот замаяукал, просясь на улицу.

– Он разбудит Марка, – Настя хотела призвать Кота к тишине, но Влад возразил:

– Пусть мяукает.

– Марк проснётся.

– Он спит. А Пират приманивает в дом удачу. Ты же сама говорила.

– Пират, тихо! – сказала Настя.

Кот обернулся, понял, что ему не откроют, и пошёл на кухню. Запрыгнул на подоконник и начал рассматривать заставленный машинами двор, голые деревья, тусклые фонари. И снова терзали Кота воспоминания...

Глава восемнадцатая

Знакомый запах

Привязанность Марка к Владу крепла с каждым днём. Теперь Марик ревновал Влада к Насте. Вот такой парадокс. Пролетело каких-то две недели, а в сознании шестилетнего мальчишки произошёл серьёзный переворот.

Но сегодня он очень обижен на маму и Влада. Была суббота, Марик возлагал на вечер большие надежды, торопил время. Ему подарили новую стратегическую игру, жутко увлекательную, с интересным сюжетом. Осталось только дождаться Влада.

А теперь Марик сидит на кровати и глотает слёзы. Вечер окончательно испорчен. Даже Пират не вызывает эмоций. Они уехали! Мама и Влад. Их пригласили на день рождения ещё пару недель назад, но Марику они об этом сказать забыли. И сегодня поставили перед фактом. А он так ждал, когда можно будет удобно расположиться на полу, распаковать игру и... Да что теперь говорить!

Марик тихо всхлипывал, боясь разреветься. На кухне сидит баба Надя: услышит – прибежит, засуетится. Да ну её! Нашли тоже няньку! Баба Надя такая старенькая, за ней самой надо присматривать. Суетится постоянно, через каждые десять минут спрашивает, не хочет ли Марик кушать, всё ищет свои неугомонные очки, имеющие привычку внезапно исчезать и появляться в самых неожиданных местах. Смешная она. Уложила Марика спать, а сама сидит на кухне, телевизор смотрит. И невдомёк ей, какие бури бушуют в детской душе.

Кот лизнул ему подбородок.

– Уйди, Пират! Не мешай! – Марик оттолкнул Кота. Плакать почему-то вдруг захотелось. Какой смысл? Глупо.

– Пират, иди сюда. Залезай под одеяло.

Мама разрешила Пирату спать на кровати, но исключительно на одеяле. А он возьмёт кота под одеяло. Назло взрослым. Вот так!

– Пират, молодец! А теперь спи.

Марик обнял Кота и тут же уснул.

Отдых всей семьёй за городом – это здорово! Прошла неделя, и в субботу утром, оставив Кота за хозяина, Влад, Настя и счастливый Марик уехали в подмосковный клуб.

Кот заскучал. Обошёл квартиру, поел, полежал в кресле, мяукнул едва слышно

и нехотя приблизился к ярко-красному шарiku. Очередной подарок Влада. Кошачья игрушка, а интереса у Кота совсем не вызывает. Только толкнёшь шарик лапой, внутри что-то начинает противно позвякивать. А шар всё катится и катится, не может остановиться. Кот бежит за ним, толкает его, чтобы шар скорее остановился и замолчал. Закатив шарик под комод, Кот с чувством выполненного долга вернулся на кухню и прыгнул на подоконник.

На улице шёл снег, но сегодняшние снежинки в отличие от тех, ранних, были весёлые. Слипаясь друг с другом, они превращались в пушистые хлопья, танцевали в воздухе, заботливо укрывали землю тонким пуховым одеялом. Красиво и необычно. Кот любовался снегопадом, изредка, когда снежинки прилипали к стеклу, пытался их поймать, шевелил усами, мотал головой и вообще настолько увлёкся, что жутко проголодался.

А миска пуста. Вот беда!

В комнате Кот свернулся калачиком и уснул. Проснулся от шума: кто-то открывал дверь. Неужели вернулись? Хотя нет, ключ в замочной скважине поворачивается совсем не так. Настя открывает дверь по-другому: решительно, быстро, а тут всё «дзик-дзик».

Кот мяукнул.

— Ждётся? — слышался знакомый голос, и в глаза ударил яркий свет. Пришла баба

Надя. – А я по твою душу. Не голодный ты, нет? Пошли, сейчас насыплю. Ну-ну, ты меня с ног-то не сбей.

Кот громко мурчал, пока баба Надя доставала из шкафчика пакет с кормом, и сразу набросился на еду.

– Ты тут не набезобразил? – спросила баба Надя, оглядывая кухню. – Нет? Ну ладно! Завтра утром ещё накормлю, а вечером твои придут.

В десять часов она снова пришла, потом он играл с тряпичной мышью, опять сидел на подоконнике, спал в кресле, бродил по квартире и наконец в восемь вечера услышал знакомый поворот ключа. Настя! Можно не сомневаться. И радостный голосок Марика. Приехали! Как же он соскучился, будто целую вечность не виделись!

Марика переполняли эмоции, он рассказывал Коту, как хорошо они провели время за городом, смеялся, жестикулировал, постоянно обращаясь то к матери, то к Владу. Те кивали и тоже улыбались, а Марик всё никак не мог наговориться.

Кот поймал оживлённое настроение мальчика, начал обнюхивать его руки, жадно вдыхая знакомый тонкий запах... своего прошлого. Не может быть! От Марика пахнет Дениской! Что же это такое, неужели опять обман?

— Пират, что ты делаешь? — засмеялся Марик. — Влад, смотри, как он мне ладонь лижет. Что это с ним?

А Кот мяукал, вставал на задние лапы, требовательно тянул передние и дрожал как в лихорадке.

— Радуется нашему возвращению, — сказала Настя.

— Не думаю. — Влад взял Кота на руки, но тот, едва его не оцарапав, вырвался, снова подбежал к Марику. — Марк, помой руки.

Мальчик побежал в ванную, Кот за ним. Кричал, словно пытаясь сказать что-то очень важное.

Кот снова принялся... Родной запах! Нет, это не обман, от Марика действительно пахнет Дениской. В этом запахе ему знакома каждая нотка, он наполняет душу светом, будоражит, пробуждает целую радугу чувств. Марик... Нет, Дениска... Кто же перед ним? Кот метался, мяукал, мысли путались, перед глазами стояла пелена, и лишь один только этот запах витал повсюду.

— Мам, а Пират не заболел? — Марик принёс Кота в комнату, положил на диван, пытается утихомирить.

Куда там! Он не мог успокоиться, его тревожила эта странная неразбериха с запахами.

Когда Марик заснул, Кот лёг рядом. Голову положил на ладошку мальчика, судоро-

рожно вдыхая ослабевающий запах Дениски. Лизал ладонь, легонько покусывал пальцы. И тосковал.

Откуда же ему было знать, что за городом Марк познакомился с Дениской и два дня они вместе играли, и смеялись, и рассказывали друг другу о своих чудо-котах. Марик хвастался Пиратом, замечательным рыжим котом с удивительно добрыми глазами. Денис рассказывал о своём коте по имени Кот, тоже рыжем, который пропал летом на даче и которого они с родителями долго и безуспешно искали. И у Денискиного Кота тоже были умные глаза, а ещё он был лучшим другом. Денис продолжает его ждать и верит, что Кот отыщет дорогу домой, потому что кошки умеют это делать. Так сказали родители, а родители никогда не врут.

Глава девятнадцатая

Важный вопрос

Через два дня Марик заболел. Из сада пришёл вялый, сказал Насте, что немного побаливает затылок, отказался от ужина. Перед сном мальчика начало знобить, потом бросило в жар. Померили температуру – тридцать девять и пять. Настя запаниковала: в отношении здоровья она была чересчур щепетильна,

мнительна, такая высокая температура показала ей опасной.

Настя позвонила Владу, потом вызвала «скорую». До их приезда не отходила от сына, суежилась, переживала. Кот с удивлением наблюдал, как она каждые две минуты брала скрученную валиком тряпочку, смачивала холодной водой, отжимала и клала Марику на лоб. Он морщился, говорил, что холодно, а Настя молчала. Лицо у неё было сосредоточенное, взгляд потерянный, она как будто не слышала слов сына.

Приехали врачи, Кот сразу напрягся.

Негромко зарывчав, спрыгнул с кресла и побежал на кухню. На полпути решил за-вернуть в ванную: отсюда ближе до комнаты Марика, и, в случае чего, можно будет выглянуть и одним глазком понаблюдать, что там происходит.

...Влад столкнулся с врачами у лифта.

– Что с Марком?

– У мальчика сильная простуда.

Влад вбежал в прихожую. Настя виновато улыбнулась, пожала плечами – теперь ей было неловко, что всполошила Влада, подняла панику из-за обыкновенной простуды.

– Извини, – она прильнула к нему и почти сразу же отпрянула. – Наверное, в выходные Марк переел мороженого.

Влад прошёл в комнату.

– Привет, парень! Как настроение?

– Хорошо, – тихо сказал Марк. – Я не знал, что ты сегодня приедешь, ты же не должен был.

– Но приехал, – Влад сел на край кровати, взял Марика за руку, потом потрепал по взмокшим волосам. – Ничего, прорвёмся!

– Прорвёмся, – повторил Марик. – А где Пират?

Настя осмотрелась.

– Я его не видела. Слушайте, а он не мог выбежать из квартиры?

Марк резко привстал. Влад уложил его обратно.

– Да ерунда, Настён, ты опять паникуешь. Пират! – громко позвал Кота Влад. – Пират, кис-кис-кис...

Несмело выглянув из-за угла, Кот протяжно мяукнул. Мол, вот он я, стою здесь, ожидаюсь официального приглашения.

– Пират, – вздохнул Марик. – Иди ко мне.

– Целёхонек твой Пират. Иди-иди, раз зовут.

Настя попыталась возразить: зачем же Кота в кровать, если ребёнок болен, да к тому же лежит с высокой температурой, но мужчинам удалось её переубедить.

– Мам, сейчас можно, – сказал Марик.

– И нужно, – поддержал его Влад. – Кошки – те же врачи, только без чего, а, парень?

– Без халатов?

– Без дипломов, – засмеялся Влад.

Кот не спеша подошёл к Марку, ткнулся холодным носом ему в щёку, лизнул подбородок, позволил погладить себя по спине и только потом начал укладываться.

– Вот! Осмотр закончил, температуру проверил, теперь ложится. Всё как полагается. Марк, засыпаешь, да?

– Глаза закрываются.

Настя лучше укрыла сына, поцеловала, и они с Владом тихо вышли из комнаты.

– Только свет не выключайте, – попросил Марик, обнимая Кота. – Влад, а ты не уедешь?

Что ответил Влад, Марк не услышал. Зевнул и как-то сразу провалился в глубокий сон.

Утром Марк чувствовал себя значительно лучше, правда, охрип слегка, но температура была почти в норме, да и настроение приподнятое. Марик радовался, что не надо идти в детский сад (там, конечно, хорошо, но иногда и от сада надо отдохнуть), что мама целый день сидит рядом. Они разговаривают, читают, смотрят телевизор, а под боком примостился Пират. И всё мурчит – лечит Марика. А вечером должен приехать Влад. С подарком – он обещал. Наверное, опять купит что-нибудь интересное. Ну как тут не радоваться? День складывается настолько удачно, что и болезнь совсем не ощущается.

После обеда Марк вздремнул, а проснувшись, обратился к матери с вопросом:

– Мам, давай всё обсудим, – произнёс он свою любимую фразу.

– Что именно?

– Мам, а когда-нибудь Влад ведь будет жить вместе с нами, да?

– Возможно, – уклончиво ответила Настя.

– Он станет мне папой? Мам, ты только правду скажи, я должен знать.

– Почему ты спрашиваешь, Марк?

– Мне надо. – На щеках Марика появился румянец. – Обещаешь, что ничего не скажешь Владу?

– Даю слово.

Некоторое время Марик сосредоточенно молчал, разглядывая потолок. Ему было трудно и неловко заговорить с мамой об этом. Стыдился он своего вопроса, не знал, как отреагирует мама, не рассердится ли.

– Марк, что ты хотел мне сказать?

– Не сказать, я спросить хотел. Важный вопрос... про Влада... мам, если мы будем жить вместе... Как ты думаешь, я могу называть его папой? – Марк закрыл глаза и натянул на лицо одеяло.

Вздыхнув, Настя отвернулась к окну.

– Ты обиделась? – Марк откинул одеяло, смущённо посмотрел на маму. – Обиделась, скажи?

– Марк, всё в порядке, я нисколько не обиделась. Ты молодец, что сам об этом заговорил. Скажу тебе по секрету, мне бы очень хотелось, чтобы ты называл Влада папой.

– Правда?

– Очень! – повторила Настя.

– А он?

– Он не станет возражать.

– Нет, мам, а вдруг Влад не согласится? Давай ты у него спросишь, – Марик понизил голос до шёпота и привстал на кровати. – Спросишь тихо, а потом скажешь мне. Договорились?

– Договорились, – Настя обняла сына. В этот момент оба они были счастливы.

Глава двадцатая

За три дня до Нового года

Это произошло за три дня до Нового года. Вечером приехал Влад, Настя хотела пойти за Мариком (он был в гостях у друга), но резкие слова «Не надо. Постой!» заставили её остановиться.

– Давай побудем дома вдвоём, – сказал Влад. – Ты и я.

– Марк тебя ждал.

– Знаю. А я ждал, когда увижу тебя... Вас, – быстро поправился он.

Решив, что настал подходящий момент, Настя рассказала о недавнем разговоре с сыном.

– Марк боится, думает, ты будешь против. Смешной он, правда? Просил осторожно разведать обстановку и доложить о результатах.

Влад сел на диван, потрепал дремавшего Кота за ухо:

– Всё спишь, Пират? И куда тебе столько спится? Слушай, а ему хорошо живётся, спит и ест, мне бы так, а, Настён? А Марику... Настён, ты пока ему ничего не говори, ладно? И вообще... Надо ли ему меня отцом называть?

– Не отцом, а папой, чувствуешь разницу? – улыбнулась Настя.

Кот спрыгнул с дивана и отправился на кухню – перекусить.

– Настён, раскормила ты Пирата. – Влад прошёлся по комнате и остановился у балконной двери. С минуту смотрел в темноту, потом повернулся и с какой-то неестественной, вымученной улыбкой сказал: – Если уж мы коснулись этой темы... Я давно хотел предложить... не знал, как ты отреагируешь. Как ты смотришь на то, чтобы отдать Марика в школу?

– Отдадим, куда мы денемся. В сентябре...

– Настён, – перебил Влад, – я другую школу имею в виду. Школу-интернат.

Настя даже не сразу поняла, что он сказал, Первая мысль была – да это шутка! Конечно,

Влад шутит. Вот же, стоит, улыбается, правда, улыбка у него сегодня какая-то странная и глаза грустные, но всё равно, он ведь пошутил...

— Ты не думай, это хороший интернат, дети живут в нём шесть дней в неделю, на воскресенье их можно забирать домой. Настён, там полный пансион.

— Подожди, Влад, что ты говоришь, какой интернат, какой пансион? Влад!..

— Ты уже запаниковала. Настён, я только предложил, время ещё есть, мы успеем всё обсудить.

— Что ты собираешься обсуждать? Я не отдам сына в интернат. Как ты мог такое сказать?

Влад начал долго и путано объяснять, убеждать, доказывать. Он ходил по комнате, резко подбегал к Насте и всё говорил, говорил. Она слушала его — и не слышала. Внезапно ей стало не по себе: то ли голова закружилась, то ли ноги сделались ватными — не разобрать. А тут ещё Влад мельтешит перед глазами. И в голове пустота, всё разом потеряло смысл.

— Почему ты молчишь?

Она посмотрела на него отрешённым взглядом, долго молчала и, лишь когда он повторил вопрос, произнесла:

— Тебе же нравится Марк, ты собирался его усыновить.

– И усыновлю, я не отказываюсь, Настён. И каждое воскресенье мы будем устраивать праздники, мы станем семьёй.

– Он тебе мешает.

– Да нет же!

– Он тебе мешает! – повторила она.

– Нет, Настён, не мешает, но... Пойми, я хочу быть с тобой. Только с тобой, а Марик...

– Что Марик? Он – балласт?

– Как трудно с тобой разговаривать. Не передёргивай, – в голосе Влада появилось раздражение. Даже вернувшийся в комнату Кот это уловил.

Посидел на пороге и решил уйти к Марку. Когда у человека вдруг изменяется голос, кошкам лучше держаться подальше.

– В конце концов, – сказал Влад, – не вижу ничего страшного и аморального, что ребёнок будет учиться в интернате. Между прочим, это не тот интернат для детей-сирот, о котором ты подумала, и за обучение Марика мне придётся выложить круглую сумму.

– Даже так?

– Представь себе!

– Ты так щедр, право, не знаю, заслужили ли мы такой подарок.

– Настька, не начинай!

– Зря ты затеял этот разговор, Владислав Борисович. Зря! А я не верила сыну, когда он

называл тебя злым. Зачем, Влад? Всё было ложью.

– Да когда я лгал?!

– Постоянно! Ты из кожи вон лез, чтобы войти в доверие к Марку, и тебе это удалось. А теперь ты его предал. И меня заодно. Но, с другой стороны, хорошо, что мы поговорили сегодня, сейчас. Предупреждён – значит, вооружён.

– Что тебя не устраивает, к чему столько иронии в голосе? Признаю, я немного лукавил, но твой сын тоже не подарок. Почему я должен с ним возиться, терпеть его капризы, нытьё? У меня на работе голова трещит, я хочу возвращаться домой и отдыхать. Понимаешь?

– Уходи!

– Насть, не сходи с ума!

– Влад, уходи.

– Что ты завелась с пол-оборота? Ладно, забудь мои слова, не было никакого разговора. Ты довольна? Прости меня.

Настя вышла в коридор, распахнула входную дверь и, не глядя на Влада, повторила:

– Уходи навсегда.

– Ты этого не хочешь.

– Я только этого и хочу!

Влад продолжал стоять в дверях.

– Я не уйду, ты должна успокоиться.

Всхлипнув, Настя побежала в ванную. Она щёлкнула замком, включила воду,

и Влад ещё долго стучал в дверь, пытаясь что-то доказать, оправдаться.

Кот выбежал на лестничную площадку, обнюхал резиновый коврик, осмотрелся, а когда загудел лифт, начал спешно спускаться по ступенькам. Наверное, Настя специально открыла дверь, чтобы он смог уйти и продолжить поиски хозяев. А иначе как объяснить её поступок? Раньше, едва он подбегал к открывающейся двери, Настя или Марик сразу отгоняли его и быстро щёлкали замком. А сегодня вдруг такой выбор. Определённо, его отпустили на свободу. Что ж, ему давно пора снова отправиться в путешествие по многомиллионному городу.

Как только серая металлическая дверь подъезда запищала и стала медленно открываться, Кот пулей выскочил на крыльцо.

Пожилая женщина с набитыми сумками чудом устояла на ногах.

— У-у, бешеный! — крикнула она вслед Коту. — Чуть не сбил, паразит такой!

Они обошли все близлежащие дворы, искали у школы, у детского сада, возле ателье, спустились к супермаркету, попутно заглядывая под припаркованные машины и непрерывно выкрикивая его имя. Марик плакал, тащил маму за руку, а Настя, понимая, что

найти кота им не удастся, безропотно следовала за сыном. Марк верил, что Пират отыщется, оттого и бежал вперёд, и смотрел по сторонам, а слёзы всё катились по щекам.

Вот показались гаражи, и Марк вопросительно взглянул на Настю. Она возразила: у гаражей много собак, Пирату там не место. Марик согласился, кивнул, а через минуту уже бежал в сторону книжного магазина. Там всегда много кошек, наверняка и Пират сейчас сидит на тёплой трубе между высоткой и магазинчиком.

Время шло. Они продолжали поиски. Опять школьный двор, припаркованные у подъездов машины, кусты, аптека... И всё мимо. Нет нигде Пирата. Пропал! Упустили.

– Мам, как ты могла не закрыть дверь? – этот вопрос Марк задавал каждые десять минут, и голос его дрожал от возмущения. Это мама виновата, из-за неё пропал кот!

Её отрешённость сердила Марика, он требовал, чтобы Настя позвонила Владу:

– Позвони, мам! Ты взяла телефон?

– Влад больше не приедет. – Настя остановилась, и ей пришлось сильно сжать ладонь сына, чтобы он тоже перестал бежать.

– Почему?

– Пойдём домой, бесполезно искать Пирата, темно и... Марк, я замёрзла.

– Пусть приедет Влад, мы с ним ещё раз обойдём все дворы. Мам, позвони ему, ну пожалуйста!

И снова её сухое «Влад не приедет» заставляет Марика плакать от собственной беспомощности и маминого непонимания.

Дома Настя повесила в шкаф пальто и бесильно опустилась на стул в прихожей. А может, сказать сыну правду? Такую, какая она есть. Не зря же каждому ребёнку внушают, что правда лучше, чем ложь.

И стоит рядом Марик, и смотрит на маму огромными глазами, и ждёт от неё ответа.

– Мам, почему Влад больше не приедет?

– Сынок, мы с ним поссорились.

– Ну и что? Мам, ты сама говорила, люди часто ругаются, а потом мирятся. Помнишь, я поссорился с Сашкой, и он перестал быть мне другом? А ты сказала, ссорятся даже лучшие друзья, это нормально. Помнишь?

– Помню.

– А с Сашкой я помирился на следующий день. Помнишь?

– Конечно, помню, Марк.

– Вы поругались из-за Пирата? Нет? Но вы помиритесь. Можем даже с тобой поспорить. Поспорим, мам? Если проиграешь ты, то мы поедem в «Детский мир» и купим мне...

– Марк, он предложил отдать тебя в школу-интернат!

Наверное, это грубо и жестоко, и надо было сказать как-то по-другому, не так резко, но... она не смогла.

Марик отстранился и быстро заморгал, как если бы в лицо вдруг подул сильный ветер и в глаза попала пыль.

– Но ты же не отдашь меня в интернат?

Ему хотелось услышать одно только слово, и тогда он сразу успокоится. Даже исчезновение Пирата и известие, что Влад, его друг и несостоявшийся папа, оказался предателем, отойдут на второй план.

Настя притянула сына к себе.

– Нет! – сказала она и засмеялась. Громко и заразительно.

Марик тоже засмеялся, а потом неожиданно расплакался, но уже не от обиды, а от счастья.

А кота, конечно, жалко, но завтра утром они с мамой обязательно снова отправятся на его поиски. Постараются найти Пирата, а там как повезёт. Всё зависит от удачи.

Глава двадцать первая

Уйти в никуда

Снова Кота окружала безграничная свобода, правда, теперь белая и холодная, сверкавшая при тусклом уличном освещении кол-

кими голубовато-серебристыми искорками. Имя этой свободе – зима.

Ночь, падал снег, на пути почти не встречались люди, где-то совсем близко завывал ветер... А Кот продолжал бежать. Только вперёд!

Он бежал всю ночь, гонимый необъяснимым страхом. Вызывающе мерцали огни реклам, ярко вспыхивали фары машин, гудел ночной город. Полная свобода и полное одиночество – дорога к неминуемой гибели.

Ещё вчера у него был дом, пусть не родной, пусть временный, но всё же дом. И были временные хозяева, еда, ласка, забота. Сегодня у него нет ничего. А что произошло, что случилось между светлым вчера и тёмным сегодня? Просто-напросто открылась дверь... Очередная дверь, ведущая в никуда.

Он не хотел умирать, он хотел жить, а внутренний голос упорно шептал: «Больше не могу».

Кот лёг на снег у какого-то забора.

Надо бы подняться и идти, лежать нельзя, слишком холодно. Кот сделал шаг, второй, третий... Куда дальше? Снова вперёд? А есть ли смысл?

Зима оказалась сильнее Кота, зима была его противником.

Вот опять он совсем некстати вспомнил о счастье. Что же всё-таки это такое?

Наверное, надо уметь видеть счастье в мелочах. Оно – везде. В холодном мерцании звёзд, в темноте ночи и свете дня, в шуме ветра и шуршании камыша, в ароматах сирени и полыни.

Счастье – это когда ты проснулся и видишь, что до тебя проснулось солнце, и небо голубое, и пышные облака. А на ветках сидят воробьи, и ты наблюдаешь за ними, притаившись в палисаднике.

И если вдруг солнце заслонят серые тучи, ударит гром – это тоже счастье. Такое же огромное, как дождь и запах дождя.

А как пахнет летняя ночь, когда стрекочут сверчки, а вдалеке лает беспокойная собака! Запах ночи неповторим. Ты растворяешься в ней, и хочется жить и быть счастливым.

Кот обернулся. Ничего нет. Опять обман. Зачем всё это? Кот устал противостоять обстоятельствам, он замер на мгновение, огляделся по сторонам и громко мяукнул.

И это был его упрёк всему человечеству...

Возвращение Кота

Часть Первая ЗИМА

Глава первая

По снегу

Кот бежал по снегу и негодовал. Негодовал всей своей кошачьей душой. Ах, какой же искусный обманщик этот белый, хрустящий под лапами снег. Как и некоторые люди, он насквозь пропитан ложью, холодной и бесчувственной. Шестнадцать раз приходила зима, шестнадцать раз Кот встречал её на широком подоконнике уютной кухни и думал, что снег тёплый, мягкий и приятный на ощупь. А что теперь? Пришла семнадцатая зима, и открылась жуткая правда: снег совсем не тот, за кого себя выдавал. Ох, как же холодно и неудобно бежать!

Заледенели даже запахи, прозрачный воздух стал колючим, невозможно разобрать, что чем пахнет. Вдох-выдох! Вдох-выдох! Несколько шагов вперёд, и снег под лапами хруст-хруст. А глаза слезятся, и почти ничего не видно: солнечные лучи предательски отражаются от искрящегося снега. Снег, солнце, мороз и ничем не пахнущий ветер – сегодня они все заодно. Все против Кота. Как здесь не отчаяться, не потерять веру? Холодно, неприятно, обидно...

Но в самом дальнем уголке кошачьей души вопреки всему тлеет частичка надежды. Она не затухает, живёт, греет Кота в минуты отчаяния, даёт ему силы: «Иди, Кот, и ни о чём не думай. Ты должен! А умирать не смей! Умереть ты всегда успеешь. А пока – вперёд!»

Надежда приказывает, Кот не смеет её послушаться. Поэтому, когда в очередной раз беспощадный ветер отвесил ему колючую пощёчину, когда из глаз покатались прозрачные слёзы, а лапы утонули в сугробе, Кот продолжал пробираться к цели.

Вдох-выдох. Хруст-хруст. Дрожит тело, подрагивают лапы, глаза почти закрыты, на усиках застыли бисеринки льда... Идти вроде стало полегче. Вдох-выдох! И дышится свободней. Стих ветер, серо-чёрная туча заслонила солнце, к вечеру немного потеплело.

Не найдя пропитания, Кот пережил ещё одну морозную ночь. Утром он шёл по обманчивому снегу, совсем не тёплому и не мягкому. И снова было холодно и страшно, больно дышать и трудно идти. А что делать?! Вдох-выдох! Хруст-хруст!

...На Кота часто засматривались прохожие, улыбались, жалели, но никто не кормил. Станные всё-таки люди: стоят, что-то лопочут, и чувствуется, настроены они дружелюбно, а вот покормить почему-то забывают. Неужели не понимают, что Кот голоден? Он мяукает – они улыбаются. Для них это забава: сидит на снегу большой рыжий кот, пушистый, пока ещё ухоженный, и знай себе мяукает. А ему отвечают: «Привет! Сидишь? Какой ты милый. Ух ты! Ах ты!» И дальше спешат. У каждого свои заботы, свои мысли, что им до рыжего кота... Мало ли в городе котов.

Уже смеркалось, когда Кот оказался на детской площадке недалеко от высотного дома. Подошёл к качелям, осмотрелся. На запорошенной снегом разноцветной карусели сидела ворона. Кота она заметила сразу, насторожилась, склонила голову набок, уставившись своим немигающим глазом на рыжего здоровяка. Сидит, выжидает, а чего выжидает – непонятно.

Коту до вороны дела нет, не в его интересах гоняться за большой птицей. Был бы на её

месте воробей или синица какая – другой разговор. Да бог с ней, пусть себе смотрит, если охота.

А ворона – умнейшая птица, очень сообразительная, находчивая. Ну и с хитринкой, конечно. А как же!

Каркнув, ворона слетела на землю и сделала несколько шагов по направлению к Коту. Что-то замышляет. Определённо! Остановилась, схватила мощным клювом кусок чёрствого хлеба – и опять к карусели. Села, хлеб бросила на снег.

Кот, увидев хлеб, засеменил, но ворона не зевает: горбушку в клюв – и отлетела метров на пять. И снова хлеб на землю бросила. Сама стоит рядом, каркает.

Не понимал пока Кот, что ворона решила над ним поиздеваться и в её планы совсем не входило делиться найденной горбушкой. Просто вороны любят устраивать такие эксперименты над животными или другими птицами. Есть кусок хлеба, есть голодный Кот – как тут не поразвлечься?

Несколько раз ворона бросала чёрствую горбушку в разные точки детской площадки, а Кот бегал от качелей к горке, от горки к карусели, к бордюру, к кустам... И всё надеялся на удачу.

Наконец, устав дразнить голодного Кота, ворона схватила хлеб и начала торопливо протал-

кивать горбушку в щель решётки водостока. Несколько ударов клювом – и горбушка упала вниз. Ворона довольна. Вредная попалась птица: ни себе, ни другим. Бывает! Не только среди людей встречаются такие экземпляры.

Вскоре стемнело – наступил вечер тридцать первого декабря.

Глава вторая

Весёлый праздник

Такой безумной ночи, как сегодня, Кот никогда не видел. Наверное, люди сошли с ума, думал он, перебегая из одного двора в другой в поисках тихого местечка. Куда там! Город взрывался разноцветными огнями, в небо с шумом, треском и свистом взлетали страшные светлячки. Через несколько секунд раздавался хлопок, взрыв – и светлячки превращались в фонтан искр. Люди неистовствовали, перекрикивая музыку, льющуюся со всех сторон, веселились, обнимались, смеялись, поздравляли друг друга с Новым годом,

Новый год! Что это за зверь, Кот не догадывался. Но одно он уяснил совершенно точно: Новый год – не очень хорошее словосочетание.

Поднявшись по ступенькам, Кот юркнул под припаркованную у забора машину.

– Ур-р-ра-а-а! – прогремело совсем близко.

Загрохотала музыка. Во дворе собралось человек двадцать. Жители двух ближайших подъездов высыпали на улицу, с собой прихватили страшных светляков и, конечно же, безудержную радость.

Одни стояли возле открытых багажников, другие танцевали, третьи втыкали в снег петарды. К удивлению Кота, на улице было много детей, они сновали туда-сюда, играли в снежки, хохотали.

Шум доставлял Коту неудобства. У кошек превосходный слух, они способны различать звуки, не улавливаемые человеком. Что уж говорить о сегодняшнем светопреставлении? Для столь чуткого слуха это катастрофа!

Бедный Кот, сегодня не его ночь. Решив уйти подальше, он вылез из-под машины, обежал сугроб и наткнулся на розовощёкого мальчугана. В руках мальчик держал тонкую палочку, она искрила и опасно шипела. Кот попятился, а мальчишка крикнул:

– Смотрите, кошка!

К нему подбежали друзья, загомонили, загудели, стали подзывать Кота. Румяный сел на корточки, протянул к Коту руку, но девочка в шапке с пышными помпонами строго сказала:

– Убери бенгальский огонь, дурак, он его боится.

Мальчишка бросил искрящуюся палочку в снег.

Дети – добрые люди, Кот не раз убеждался в этом. Они не способны причинить ему зла, во всяком случае, те маленькие человечки, с которыми его сводила судьба, были к нему благосклонны. Очевидно, и эти дети настроены дружелюбно. Вон как настойчиво зовут, погладить хотят, а может, и покормят. Надо подойти, решил Кот.

И действительно, не прошло и трёх минут, как та самая девочка в шапке с помпонами принесла кусочек сыра.

– Ешь, – она поднесла сыр к пасти Кота, а стоило тому щёлкнуть зубами, быстро положила лакомство на снег.

– Чего только один кусок принесла? – спросил высокий мальчик, натянув на руку перчатку.

– Думала, он не голодный.

– Ага, не голодный! Смотри, как ест. Иди, неси ещё.

Девочка убежала и вскоре вернулась с упаковкой нарезанной ветчины.

– Другое дело, – одобрил высокий мальчик. Он наклонился и положил перед Котом сразу три куса ветчины.

– Куда кладёшь, это ж тебе не собака. Надо разделить на маленькие кусочки.

– Знаю, – отмахнулся мальчуган.

Кот был настолько благодарен детям за еду, что, проглотив пять кусков (всё, что оставалось в упаковке), начал тереться мордой об детские колени, выказывая кормильцам свою признательность.

Но идиллия длилась недолго. Одна из мам, увидев, чем занимаются дети, обрушила на Кота весь свой гнев. Не любила она кошек, что тут поделаешь. Топнув ногой, женщина назвала Кота страшной собакой и погнала прочь, бросив вдогонку наспех слепленный снежок.

Ну да ладно, Кот не в обиде, главное, накормили, и на том спасибо.

...Он бежал около часа, когда вдруг услышал мужской голос.

— Маринка! — кричал мужчина, отделившись от шумной компании. — Мари-и-и-ин! Ты где?

Кот задрожал, шире распахнул глаза и практически увидел силуэт той самой надежды, что не давала ему погибнуть. Она здесь, она рядом. И зовут её Марина, надо только внимательнее присмотреться, подбежать поближе... и увидеть её, Марину.

Кот мгновенно забыл о прошлом, перестал думать о будущем, он слился воедино с будоражащим настоящим. Неужели его скитаниям пришёл конец? Шаг, второй, третий... Где же Марина? Вот он уже близко,

уже чувствует исходящий от людей резкий запах дыма. Ещё один шаг, один быстрый взгляд по сторонам. А уши улавливают малейшие звуки. Смех – нет, не то. Недовольный бас – тоже мимо. Бессвязная женская речь – ближе, но не подходит. Вот они... люди. Кот сел на снег и стал перебирать лапами. И наконец...

– Маринка, ты куда ходила? – Мужчина, раскинув руки, шёл навстречу молодой женщине в короткой шубке.

– Секрет, – протянула Марина. Они обнялись и, хохоча, упали в сугроб.

– Мари-и-инка, я тебя люблю!

– А-а-ха-ха, – смеялась та. – С Новым годом!

Вот как бывает. Надежда вдруг оборачивается разочарованием. Эх, Марина, Марина...

Не та это Марина, но Кот, на свой страх и риск, осмелился подойти почти вплотную. Присмотрелся. Нет, точно не она. Надо же, а ведь он был почти уверен!

Теперь Кот бежал, не реагируя ни на что: шум, хлопки, взрывы, срабатывающая машинная сигнализация, резкие возгласы людей – всё отошло на второй план. И почему ему так не везёт, за что на долю обыкновенного домашнего кота выпало столько страданий, и будет ли им конец?

Вечером первого января Кот забежал в арку старого особнячка. Пересёк проходной дворик, ненадолго задержался возле мусорных контейнеров и через другую арку выбежал на дорогу.

Кот шёл по центру города, петлял по улочкам, забегал в подворотни, трусил по узким тротуарам – искал свой родной дом. Интуиция вела его вперёд, она не могла подвести.

Вот он пересёк узкую дорогу и увидел маленькое крылечко. На ступеньках стоял человек в мешковатой куртке и вязаной шапке. Он переминался с ноги на ногу, будто пританцовывая, и быстро подносил ко рту тонкую палочку с огоньком на конце. Едва палочка оказывалась во рту и огонёк, раскаляясь до предела, становился ярко-красным, мужчина сразу же выпускал дым. Курит, значит.

Кот сел под кривым стволом берёзы метрах в трёх от крыльца и, не сдержавшись, мяукнул. Не для того, чтобы его пожалели, а просто так, захотелось. И он имел на это полное право.

Незнакомец увидел Кота.

– Кис-кис, – позвал он.

Кот подошёл к крыльцу.

– С Новым годом! – улыбнулся мужчина.

Не испытывая ни неловкости, ни страха, Кот поднялся по деревянным ступеням, задрал хвост и замурчал.

— В гости пришёл? Тогда заходи, вдвоём веселей будет.

Сначала Кот оказался в маленьком тёмном предбаннике, а когда новый знакомый (сомнений не осталось — человек хороший) толкнул вторую дверь и в глаза ударил яркий свет, слух уловил тихую, льющуюся из старенького приёмника музыку.

— Моя обитель! — сказал мужчина, стянув куртку. — Проходи, не стесняйся, кроме меня, здесь никого нет. Праздники, все дома перед телевизорами сидят, а я, значит, тут. Охраняю. — Он засмеялся. — На работе мне спокойней, дома жена целыми днями пилит, а как на дежурство заступлю — тишина.

Осмотревшись и обнюхав маленькую комнатку со старым продавленным диванчиком, столом, на котором стоял приёмник, двумя стульями и громоздкой тумбой, Кот прыгнул на подоконник. На окнах были решётки, а на одной из стен, той, что напротив входной двери, висело много маленьких чёрных ящичков. Возле каждого ящичка горела жёлтая лампочка.

— Сигнализация, — объяснил вахтёр, заметив, что Кот с интересом смотрит на стену. — Не ахти какая, но всё-таки.

Чуть погода мужчина угостил Кота варёными пельменями, напоил водой. Рассказал, что зовут его Иваном и за свои шестьдесят пять лет он сменил десятка полтора профессий. И плотником работал, и механиком, шоферить приходилось, и грузчиком подряжался, и слесарил — в общем, всего не перечислишь. А как на пенсию вышел, жена начала зудеть, что не хватает денег, — пришлось устроиться вахтёром. Работает по ночам, через день, график удобный, Иван не жалуется.

— По праздникам и в выходные приходится работать целые сутки, дневной вахтёр только в будни приходит. До завтрашнего вечера можешь здесь оставаться, а потом... Извини... Сменщица у меня — змея! Ядовитая баба, с ней лучше не связываться. Но ты не бойся, будем с тобой через ночь видеться, если не убежишь куда-нибудь. Подкармливать буду. Согласен?

Кот щурился, ему было хорошо: тепло, спокойно и сытно. Он смотрел на Ивана, ощущал прикосновение его мозолистых ладоней и мурчал, перебирая вытянутыми лапами.

Прошла ночь, незаметно пролетел день. Вечером пришла та самая сменщица, о которой говорил Иван. Круглая, немного косолапая женщина лет семидесяти. Сняв дублёнку и стряхнув с обуви снег, она, не глядя на Ивана, поставила на стол хозяйственную сумку.

Иван собирался молча, надел куртку, натянул шапку, взял в углу чёрную сумку с длинной ручкой и подмигнул Коту.

— Марь Константи́нна, тут котик прибулдился, со мной ночевал. Видать породистый, но бесхозный.

— Не дело это, Иван Алексе́евич, с улицы в помеще́ние бродячих животных тащить.

— Так с ним веселей — не заметил, как сме́на пролетела.

— Уберите кота, — последовал жёсткий ответ. Марь Константи́нна сняла сапоги, сунула ноги в тапки и шикнула на Кота: — Пшёл, пшёл!

— Понятно, — протянул Иван.

Вместе с Котом он вышел на крылечко и, спустившись вниз, достал из сумки пакет с тремя пельменями.

— На-ка, оставляю тебе на ночь. А хочешь, сейчас съешь. Змея тебя не покормит. Не рассчитывай. Жди меня, я завтра в семь вечера заступаю. Дождёшься? Тогда бывай. Пельмешки кушай.

Пельмени Кот съел только через пару часов. До этого неподвижно просидел возле деревянных ступенек, поджав лапы, всматриваясь в арку, где скрылся Иван.

Ночью пришлось спать на листе железа, валявшемся возле высокого забора. Под утро, проснувшись от громкого крика ворон (и чего

разорались в темноте-то?), Кот перебрался в соседний дворик, залез под машину и просидел под ней, пока не рассвело.

Днём он несколько раз подходил к знакомому крылечку, поднимался по ступеням, мяукал, скрёб лапами дверь. Бесплезно, Марь Константинна не пустила. А когда выскочила на крыльцо с веником и огрела Кота по хребту, отпало всякое желание проситься внутрь, чтобы перекусить пельмешками и полежать на продавленном диване.

Но ровно в семь пришёл друг, Иван. Кот был счастлив.

— Дождался, всё-таки. Дожда-а-ался! Молодчина. Пошли, я тебе угощение принёс.

Угощением оказалась банка рыбных консервов. Вкуснотища! Наевшись, Кот дремал на коленях Ивана, слушая его истории о деспотичной жене и о работе, которая в сравнении с домом кажется раем.

На следующий день Иван снова просил Кота дожидаться его возвращения. Но Кот уже знал: больше они не увидятся, ночью он отправится на поиски хозяев. Иван — человек хороший, но у Кота есть цель, и к ней надо стремиться.

Оставленные на пластиковой тарелке кусочки рыбных консервов вперемешку с хлебом Кот съел сразу после ухода Ивана.

Съел, облизнулся и стал думать, куда пойти. А тут метель налетела: ничего не видно, ветер гудит, снежинки колются. Спрятаться бы где-нибудь, переждать метель. Но куда метнуться? И Кот решил попроситься к Марь Константине. Возможно, не такая она и злая, вдруг сжалятся над ним, пустит. Большого ему и не надо, он на пороге готов полежать, только бы в тепле.

Мяукал Кот долго, скрёб когтями дверь, пытаюсь дотянуться до сверкавшей ручки.

Послышались шаги, дверь приоткрылась, вахтёрша держала в руке чашку с кипятком.

— Тебе непонятно было сказано, чтобы убирался отсюда? — процедила она сквозь зубы. — Сейчас понятней повторю.

Кипяток обжёг спину, Кот кубарем скатился со ступенек, поджал хвост и, вытаращив от боли и ужаса глаза, помчался по снегу, не разбирая дороги.

Глава четвёртая

Подвал

Труба была тёплая и широкая, Кот лежал на ней, стараясь не шевелиться. Сколько времени прошло с момента, как он, изнывающий от боли и бесцельно бредущий по ночному

городу, наткнулся на подвальное оконце, Кот не знал. Но ему казалось, он лежит на трубе целую вечность. Время будто замерло, его поглотила сильная боль: ломило лапы, из глаз катились слёзы, спина горела. Страдания были настолько невыносимы, что несколько раз Кот проваливался в вязкое беспамятство.

Ему хотелось сделать над собой усилие и переменить положение, но страх боли мешал шевельнуться. Нет, двигаться нельзя, лучше оставить всё как есть и продолжать мурчать, надеясь на чудо.

Многие полагают, кошки мурчат исключительно от удовольствия, — это не совсем так. Мурчанием они привлекают к себе внимание, как бы говоря: «Мне нужна помощь, необходимо ваше вмешательство, не стойте, сделайте что-нибудь». Кошки часто мурчат, когда испытывают сильную боль; нередко можно наблюдать, как выпавшее из окна животное, израненное и переломанное, громко мурчит. Зовёт на помощь. Чтобы увидели, услышали — и помогли.

Но Коту в безлюдном подвале помощи ждать не от кого. Люди на улице, а здесь только он, больной, жалкий и несчастный.

Вздохнув, — сколько же горечи и обиды было в этом вздохе! — Кот осторожно вытянул вперёд лапу. Ой, как неприятно — аж искры из глаз! Он напрягся, выждал пару

секунд и рывком встал на все четыре лапы. Теперь перед глазами появились круги, большие и маленькие, тусклые и яркие, и всё закружилось-завертелось в болевом вихре. Кот начал задыхаться, закашлялся.

О том, чтобы вылизать рану на спине, не шло и речи. Пробовал – становилось только хуже. В конце концов он понял: к спине лучше не прикасаться. Будь что будет.

Исхудавший, измученный, он провёл в подвале пять суток. Решиться на отчаянный шаг его побудила новая, незнакомая боль. Она щекотала спину, словно обдавая её кипятком и, стремительно проносясь по телу, концентрировалась в затылке. Кот устал терпеть, устал сопротивляться и очередным утром, едва рассветло, отправился за помощью к людям.

Обогнув дом, дошёл до крайнего подъезда и улёгся у входа. Так и пролежал до появления первого человека. Им оказался мужчина в серой дублёнке, грузный, важный с непроницаемым лицом и холодным взглядом. Мельком взглянув на Кота, толстяк сел в серебристую иномарку.

Потом из подъезда вышел подросток, ведя на поводке американского бульдога. Кот поднял голову, прижал уши и зашипел. Бульдог гавкнул, хотел подойти ближе, но парень натянул поводок:

– Фу! Джерри, фу!

Джерри ещё долго оборачивался, то грозное рыча, то недовольно поскуливая, а Кот всё лежал на решётке и ждал помощи.

Женщина в норковой шубе прошла мимо, как и бабулька с пакетом. Мужчина в куртке остановился, нагнулся, что-то сказал, махнул рукой. Кот шире распахнул глаза, замурчал, но незнакомец скрылся в подъезде. И зачем, спрашивается, останавливался?

Две девочки долго стояли возле скамейки, одна даже хотела погладить Кота, но вторая предупредила, что он лишний.

— Видишь, шерсти на спине нет.

Потом парень сказал девушке, что Кот бешеный, а сгорбленный дед сообщил Коту, что тот, увы, не жилец. Женщина, от которой пахло едой, попыталась спихнуть бедолагу с крыльца палкой. Старик с длинной седой бородой пнул в бедро, а лысый дядька привёл к подъезду дворника, потребовав, чтобы тот немедленно убрал с дороги заразную кошку.

Дворник коснулся Кота носком ботинка.

— Иди давай, — сказал он, явно недовольный необходимостью заниматься не своим делом. — Иди, говорю. Брысь!

Кот привстал, посмотрел на человека в оранжевой жилетке и тихо мяукнул. Не гони, говорил он, я жду помощи, мне должны помочь люди. Не гони, пожалуйста.

А дворник одно талдычит: брысь да брысь. После несильного удара в бок Кот спустился вниз, дошёл до дерева, лёг на снег и замурчал.

К нему никто не подошёл. Утро сменилось днём, день быстро растворился в зимних сумерках. Стемнело. Лежать под деревом не было смысла, и Кот побрёл к своему ставшему родным подвальному оконцу. Шёл на удивление ровно, даже боль немного притупилась. Неужели отпускает?

...В одной школе первоклассникам задали вопрос: что такое счастье? Оказалось, для кого-то счастье это крутой телефон, для кого-то поездка за границу, на море, кто-то был бы счастлив, если бы родители разрешили завести собаку или кошку. А один мальчик на столь непростой вопрос дал совсем недетский ответ: «Счастье – это когда ничего не болит».

Вот и Кот мечтал обрести своё настоящее кошачье счастье – избавиться от боли.

Глава пятая

Найда

Найда – собака неизвестной породы. Точнее, порода-то у неё есть, только сама она о ней ничего не знает, а люди, глядя на белую похожую на медвежонка собаку, теряются в догадках. Одни выдвигают предположения,

что Найда — метиска самоедской лайки, другие вспоминают чау-чау, бобтейла и даже кавказскую овчарку.

На самом деле Найда не имела отношения ни к одной из вышеперечисленных пород, да и дела ей до этого не было: она собака простая. Зачем Найде знать свою и родословную, что это изменит? Только люди гонятся за престижем, хвастаясь друг перед другом заслугами и подвигами своих питомцев, самим собакам безразлично, сколько медалей и на каких выставках завоевали они и их предки, какой у них окрас, вес, рост. Словосочетание «стандарт породы» для собак вообще пустой звук.

Найда была красивой собакой. Даже сейчас, после полутора лет бездомной жизни, она не утратила былого шика и по-прежнему выглядела ухоженной и элегантной. Глаза Найды с голубовато-коричневой радужной оболочкой таили в себе одновременно и улыбку, и хитринку. Густая пушистая белоснежная шерсть, вокруг шеи «воротник», на бёдрах нарядные «штаны», пышный хвост колечком.

Характер у Найды, как сказали бы многие, — чистый сахар. Незлобивая, дружелюбная, доверчивая, она была бы прекрасным другом и компаньоном тому, кто дал бы ей кров, окружил её заботой и вниманием. Но, увы, не сложилось. А когда-то было всё:

семья, дом, хозяева. И любили, и и баловали, и кормили досыта, и гулять выводили, гордо вышагивая рядом с шикарной собакой, и шерсть её искрилась, отражая солнечные лучики, а на морде сияла приветливая «улыбка». Хорошие были времена, и люди Найду окружали добрые

Ей было три года, когда жизнь изменилась, вернее, изменилась роль собаки в жизни хозяев. В семье появился второй ребёнок, и, едва в квартиру принесли кричащий свёрток, Найда оказалась в доме лишней. Собака и новорождённый несовместимы – такой вердикт вынесла Мама. С ней согласился Папа. Мнение семилетней Танюшки взрослых не интересовало. Таня плакала, просила оставить Найду, обещала вычёсывать её по два или даже по три раза в день, клялась всячески ограждать маленького человечка от шерсти и запаха собаки. Мама была непреклонна, Папа, как всегда, встал на её сторону.

И возникла дилемма.

– Отвези Найду в деревню, – говорила Мама.

– Это не вариант, – отвечал Папа.

– Ну давайте её оставим, – плакала Танюшка.

Найду отдали престарелой родственнице, она приходилась Маме седьмой водой на киселе, но тем не менее сразу согласилась взять

Найду к себе. Приютила, значит, по доброте душевной. Впрочем, и от солидного вознаграждения не отказалась.

У Тамары Игнатьевны Найда прожила ещё три года, а потом осиротела. Хозяйка умерла, и Найда четыре дня скулила в квартире, пока не взломали дверь и не выпроводили псину на улицу. Так домашняя собака стала бездомной. Поначалу, отказываясь верить, что хозяйки больше нет, Найда часами просиживала у подъезда, ожидая появления Тамары Игнатьевны. Едва запищит домофон — Найда к двери, увидит чужое лицо, назад отбегает, поскуливает. Ждёт собака, не понимая, что ожидание напрасно, — ведь верность и преданность сильнее здравого смысла.

Больше месяца просидела Найда у крыльца, потом стала ненадолго отлучаться, бегала где-то, под вечер возвращалась, скребла дверь, скулила. Спустя ещё пару недель Найда исчезла. Куда — никто не знал, но полагали, собака умерла. Мол, так у них заведено: раз хозяин ушёл, уйдёт и собака.

...Найда скиталась по городу подобно неприкаянной душе в поисках собственного спасения. Встречала добрых и злых людей, была обласкана и бита, вызывала жалость и ненависть, ела досыта и голодала неделями. Обычная история, таких тысячи, достаточно оглядеться вокруг, увидеть бродячих собак

и кошек и внимательно за ними понаблюдать. И сразу станет ясно: полосатая жизнь бывает не только у людей, она полосата и у животных.

Минувшей осенью Найда решила покончить с бродяжничеством. Ей приглянулась территория детского сада в спальном районе на окраине города. Там под крайней верандой она сделала подкоп, соорудив себе просторную уютную нору, где в начале ноября благополучно ощенилась.

Найду подкармливали жильцы соседней шестнадцатизэтажной высотки, оставляя еду у забора. Сторож тоже приносил съестное, ставил эмалированную миску на дощатый пол веранды, недалеко от подкопа. Он звал собаку Айкой и, пока та угощалась супами, варёными потрохами или кашами, делился с ней наболевшим.

Оценившись, Найда стала более осторожной, беспокойной; инстинкты диктовали быть начеку. Кто знает, что у людей на уме. Вчера были хорошими, сегодня могут стать плохими. За себя она не боялась, а вот за щенков готова была биться до последнего вздоха.

Сторожа начала подпускать к подкопу спустя месяц после родов, а когда любопытство выманило подросших щенят на улицу и те, словно маленькие неуклюжие медвежата, забавно кувыряясь, повизгивая и потявкивая, стали проявлять интерес

к окружающему миру, Найда успокоилась окончательно. Люди не подвели: ни сторож, ни жители высотки не сделались плохими. Они были по-прежнему благосклонны к бездомной собаке и её выводку. Даже воспитатели отнеслись к животному с пониманием.

Дома дети взахлёб рассказывали о белой собаке, многие просили мам и пап разрешить взять щенка. Популярность Найды росла, о ней знали во всём районе. Родители, отводя детей в сад, брали еду для собаки. Найда с потомством ели вдоволь, даже переедали, чего собакам делать нежелательно.

Щенки росли здоровыми, подвижными, осваивали всё новые и новые территории. Играть вокруг веранды им быстро наскучило, и первым пролезть через решётку забора решился самый отважный хвостатый карапуз – Пятнистый. Он вообще был заводным пёсиком, с моторчиком, как шутил сторож.

Глава шестая

Ох уж этот Пятнистый!

Это произошло утром, сразу после того как Найда ненадолго отлучилась из сада по своим собачьим делам. Пятнистый бегал вдоль забора, громко таякая на воробьёв. Они бросали ему вызов, и он осмелился без материнского

разрешения исследовать незнакомую территорию. Опасную территорию, с резкими запахами чужих собак и несмолкающим гомоном беспокойных существ, что зовутся людьми.

Итак, Пятнистый на свой страх и риск просунул мохнатую мордашу через металлическую решётку. Белый щенок помчался к норе, за ним едва поспевал Кремовый. Палевый остался сидеть возле дерева, смешно растопырив передние лапки и склонив набок голову. Он наблюдал за братом с восторгом и благоговейным трепетом, завидовал смелости и отваге Пятнистого, его решимости и бесстрашию. Да, думал Палевый, я бы так не смог.

А Пятнистому всё нипочём — подумаешь, забор. Вон морда уже пролезла, и лапки передние оказались по ту сторону, ещё пара ловких движений, последний рывок — и малыш оказался за забором. Стайка воробьёв взмыла в воздух. Труссы! Испугались щенка. А сколько здесь всего интересного: протоптанная на снегу тропинка, впитавшая в себя множество запахов, большой серый камень у соседнего забора. От камня исходит сильнейший собачий дух, значит, камня следует остерегаться. Пятнистый несмело покосолапил к канализационному люку, из щелей которого выбивался горячий пар.

А впереди храброго малыша ждало очередное открытие — приставленная к забору

резиновая покрывка. Что за чудо? Живая она или нет? Пахнет неприятно и выглядит устрашающе. Даже шерсть на спинке щенка от страха дыбится.

Кремовый твякнул вдогонку, зовя братишку, уже и Палевый забеспокоился: подбежал к забору, поставил переднюю лапку на решётку, заскулил. Но всё без толку – Пятнистый не робкого десятка, и пусть ему немного тревожно, а обнюхать и осмотреть покрывку со всех сторон надо. Любопытство сильнее страха. Пятнистый вытянул мордочку, влажным чёрным носиком чуть коснулся тугой резины. Уф! Щенок чихнул. Отскочил назад. Палевый бросился к норе. Какой, однако, пугливый.

А покрывка как стояла, так и стоит. Нет, не живая, определил Пятнистый. Была бы живая, обязательно бы зарычала или загавкала, а она не двигается – зря он к ней подошёл. Стало совсем неинтересно.

Кремовый с Палевым топтались у норы, Белый скулил внутри, звал мать, чтобы она образумила Пятнистого и высыпала ему по первое число. Это ж надо, пролез через забор и ходит среди неизвестных предметов и чужих запахов. Глупец!

Нередко, когда за забором пробегали бродячие собаки, Найда поднимала лай. Подскакивала к решётке, скалила зубы, давая по-

нять, что чужакам здесь не место. Одни псы, поджав хвосты, позорно убегали от разъярённой мамыши, другие вступали в перепалку, правда, быстро понимали: лучше не связываться. От греха подальше. Собака, у которой маленькие щенки, страшна в гневе. Найда не была исключением.

Так вот, пока Белый жалобно скулил в норе, а Палевый и Кремовый перебирали лапками снаружи, наблюдая за вконец осмелевшим — или распоясавшимся — братом, Пятнистый заметил незнакому собаку.

Средних размеров дворняга, худая и болезненная на вид, тоже увидела щенка. Над Пятнистым нависла угроза, он это понял, когда дворняга начала приближаться к забору, медленно водя хвостом из стороны в сторону. Малыш не мог знать, что такое поведение — признак агрессивности, он догадался об этом интуитивно. Пискнул или даже крякнул и протиснулся через решётку на свою территорию.

Дворняга долго стояла у забора, вертела хвостом, рычала. А в норе Пятнистый, прижавшись всем телом к братьям, старался успокоиться. Накуролесил, теперь трясётся от страха. Хорошо ещё, мать ни о чём не знает, иначе влетело бы ему.

Вернувшись к норе, Найда почуяла дух другой собаки. Беспокойно нырнув в подкоп, она осмотрела щенков, затем вылезла

обратно, обежала веранду, обнюхала забор и, определив место, где в воздухе витал чужой запах, оскалилась. И вдруг встрепенулась, повела носом, коснулась мордой решётки, учуяв тут же запах собственного чада. Здесь пахло Пятнистым – Найду не обманешь. Выходит, к решётке подходил в её отсутствие, а быть может, и за забор вылезал. И что с ним делать? В кого он такой непоседливый, в самом деле? Ну, Пятнистый!..

Вслед за братом самостоятельность начал проявлять и Палевый. Недели не прошло после случая с дворнягой, как второй щенок стал таким же суматошным. Утром оба выскочат из-под веранды, покувыркаются в снегу, игриво обкусывая друг другу маленькие ушки, – и врассыпную: Пятнистый к забору, Палевый на детскую площадку. А площадка, между прочим, такое же табу, как и забор, Найда не раз начинала ворчать, когда щенки к зданию сада приближались.

Палевому без разницы, он осмелел и запреты матери воспринимал несерьёзно, да и возраст у него такой – самое время для шалостей. Но Найда – собака умная, понимает, чем грозит ей и малышам это безрассудство. Бежит за Палевым, нагоняет, останавливает лапой и носом разворачивает. А щенок всё принимает за игру, повизгивает от восторга –

а как же, мама решила с ним поиграть — на лапки вскакивает — и вперёд. Найда за ним. Уже нервничает, лает протяжно, настойчиво. Тут Палевый соображает: мама волнуется, этот протяжный вой означает требовательный приказ повиноваться её воле.

Что ж, так тому и быть. Вернуться к норе, конечно, можно, но часика через полтора он снова во весь опор бросится на детскую площадку. И снова мать станет его догонять, а он будет тявкать, ощущая себя счастливейшим из щенков.

Пока Найда была занята Палевым, Пятнистый успел не только вплотную подойти к забору, но и просунуть сквозь прутья морду. Схватил торчавшую из-под снега ветку и давай её обкусывать: точил зубки.

Найда подала голос. Пятнистый догадался — по его душу. А вот и мать примчалась к забору, фыркнула, недовольно обнюхала сына, лизнула прямо в мордочку и зубами схватила за загривок. Эта хватка называется «хваткой старшего», так собаки приучают щенков к послушанию.

Пятнистому подобный приём не понравился. Он стал брыкаться, отчаянно пытаясь высвободиться, но ничего не получилось — висел как плюшевая игрушка. «Ой-ой-ой, — пищал Пятнистый, — как неудобно и стыдно. Отпусти меня, я сам пойду! Ну отпусти же!»

Найда опустила Пятнистого на дощатый пол веранды, и обиженный щенок решил проявить характер: растопырил лапы и залаял на мать. Впервые. Прежде таких вольностей Пятнистый себе не позволял. Но сегодня забавный косолапый комочек, почувствовав себя одновременно взрослым и оскорблённым, стал выяснять отношения с матерью.

Впрочем, его гнев на Найду не подействовал. Пока он, распаляясь, тявкал и бегал по холодным доскам, Найда легла на пол, прижавшись спиной к бетонной стене.

Пятнистый лаял-лаял, ругался-ругался и, сам того не заметив, заигрался с Палевым и Кремовым. Тем тоже захотелось пошуметь, а Пятнистый так заразительно тявкал, махал хвостиком и тряс мордахой, что Палевый не выдержал и с разбегу прыгнул брату на спину. Повалил, завизжал, и началась потасовка. Подоспел Кремовый, бросился, не раздумывая, в эту мягкую кучу-малу.

Белый щенок оставался в стороне от игр и шалостей. Из норы выходил неохотно, лишь по необходимости, да и то предпочитал сидеть на краю веранды. Чтобы в случае чего можно было пулей метнуться в укрытие. Трус, каких свет не видывал. Любой шорох воспринимался им как сигнал бедствия: треснет ветка — щенок дрожит, залает чужая собака —

он аж трясётся, прижимаясь к матери. Ему бы смелости немного и отваги – как ни крути, бездомной собаке без этого не обойтись. Сколько ещё в жизни трудностей будет, и опасностей, и невзгод...

Найда за трусишку была спокойна: единственный из детей, кто не доставлял ей хлопот. И за будущее белого комочка мать не волновалась – всё идёт как надо, как заложено самой природой: Пятнистый, Кремовый и Палевый – братья, озорные, проворные, любопытные кобельки, белый щенок – девочка, самая младшая, родившаяся последней, четвёртой по счёту.

Глава седьмая

Несчастье

Невысокая женщина в вязаной шапке и пушистой шубе настойчиво приманивала щенков.

– На-на-на, – говорила незнакомка, просовывая руку через прутья.

Белый щенок даже не осмелился выйти из норы, Кремовый лежал на веранде, повилив хвостом. Отважные братья, Пятнистый и Палевый, засеменили к забору. Правда, на полпути Палевый передумал: или интуиция сработала, или просто не захотел к человеку

приближаться, кто знает. Остановился — и всё тут.

А Пятнистый, неуклюже перебирая толстенькими лапками, подбежал к решётке. Женщина торопливо погладила малыша по спине. Пятнистый радостно затывбал.

— Не надо, — сказала женщина и бросила на снег мелко нарезанные кусочки мяса.

Куда она ушла, Пятнистый не видел: почуввав запах мяса, щенок стал жадно глотать аппетитные кусочки. Наелся досыта, к норе вернулся довольный и весёлый.

Когда прибежала Найда, Пятнистый визжал и вертелся на месте, как юла. Потом так ослаб, что уже не мог держаться на лапках: лёг на снег, тяжело, хрипло задышал. Вскоре Пятнистый закрыл глазки и затих.

Найда долго вылизывала мёртвого щенка, рычала, не подпуская к себе остальных малышей. Они сидели в сторонке, смотрели на мать, на неподвижного брата, понимая, что случилось страшное.

Сторож обнаружил Пятнистого вечером, хотел унести щенка — Найда зарычала и не позволила.

— Хорошо, — закивал мужчина. — Как скажешь, Айка, я позже приду.

Он унёс Пятнистого на следующее утро. Позвал Найду, та выскочила из норы, завиляла хвостом.

— Я за Пятнистым, Айка. Понимаешь меня? Забрать его надо, ты же умная собака. Хорошая собака...

Найда всё понимала. Когда сторож уходил, унося с собой Пятнистого, она не двинулась с места. А ночью, с наступлением Нового года, под праздничные залпы, смех и крики, Найда подняла голову, плотно прижала к голове уши и завывала. От горя и боли.

И все бродячие собаки, что находились поблизости, завывали вместе с ней.

На протяжении недели после гибели Пятнистого Найда неотлучно находилась со щенками. Проявляла бдительность. Пару-тройку раз порывалась отлучиться, отбегала метров на двадцать от веранды, оборачивалась, ловила носом струйки воздуха и будто каменела. Не шли лапы, в землю вращались, сомнения терзали несчастную собаку. Идти или не идти? Семь дней решиться не могла, на восьмой всё-таки убежала, оставив ненадолго малышей в норе. Кремовый и Палевый отсутствие матери восприняли как толчок к действию, то есть к игре.

Выскочили из-под веранды, помчались вдоль забора, оставляя на снегу овальные ямки — следы. Первым бежал Палевый,

Кремовый едва за ним поспевал, но когда нагонял, бросался на спину, стараясь повалить брата на снег. Оба повизгивали от возбуждения, поскуливали, толкались, кусались, а после, сцепившись в дружеской схватке, ворочались в снегу, урча от удовольствия.

Белый щенок — теперь будем называть девочку Белая — топтался на веранде. И поиграть хотелось, и страх одолевал. Но любопытство сделало своё дело, и Белая, прыгнув с веранды, осторожно направилась к кувыркавшимся братьям. Шла медленно, озиралась по сторонам, на подкоп поглядывала, прикидывая, успеет ли в случае чего добежать до норы.

А эти двое носят, ни о чём не задумываясь, такие беспечные и счастливые. Белая подавала голос: твякнула тихо, несмело.

Кремовый наострил уши, увидел крадущуюся сестру, подбежал, повалил её на снег и давай покусывать: за загривок, за лапу, за ухо. Тут и Палевый подоспел. А Белая уже пожалела, что решилась на отчаянный шаг и покинула веранду: поджала хвост, позорно отступила к норе, шустро перебирая лапками и поскуливая жалобно, чтобы отстали. Куда там, отстанут они, как же! Сама виновата — никто не звал, а раз пришла, терпи. У веранды Белую вновь повалили в снег, она взвизгнула, а Палевый тяпнул её за ухо. Как весело!

Вечером пошёл снег. Найда напилась воды из миски и, прежде чем залезть под веранду, заметила сидевшего на горке рыжего кота.

Глава восьмая

Рыжий и Белая

Кот пришёл сюда не случайно: здесь была еда, он это чувствовал, потому и топтался на детской площадке в надежде перехватить чего-нибудь вкусенького. Подойти ближе к веранде было опасно: Найда хоть на вид миролюбивая, но всё-таки собака. А далеко не каждая собака отважится на дружбу с кошкой. И даже если рядом бродит добрый умный пёс, кто знает, что взбредёт ему в голову через минуту? Нет, рисковать не стоит. Тем более у Найды щенки, значит, лучше вообще не приближаться к веранде.

Кот вспомнил Татку и Рамзеса. Собаки-интеллигенты! Вот где воспитание, любовь к окружающим, и к людям, и к животным, уважение, понимание. Эх, Татка, как ты там поживаешь? Здорова ли ты, старушка?

С такими собаками, как Рамзес и Тата, приятно иметь дело, но есть и другие: ожесточённые, беспощадные дворняги, что не раз загоняли Кота на деревья. С ними надо держать ухо востро.

А что же Найда? Чего от неё-то ждать?

Кот предпочёл оставаться на горке, где, по его мнению, даже в случае внезапного приступа раздражения, Найда не сможет его достать.

Сегодня сторож, неся еду собакам, угостил варёными потрошками и голодного Кота. Добрый человек – не побрезговал, не испугался уродливых шрамов на спине, назвал Рыжиком, ещё и по голове погладил. Кот для себя определил: детский сад – то самое место, где ему должно быть хорошо. Следовательно, надо здесь остаться.

Продолжать поиски хозяев Кот не мог: мешала зудящая боль в спине, Из-за этой боли Кот не мог определить, куда следует идти, путался, впадал в отчаянье, напоминая заблудившегося в лесу человека.

Ночь. Мороз. Падает пушистый снег. Сидеть на горке стало неудобно, захотелось согреться и размять косточки. Спрыгнув вниз, Кот повёл носом, уловив в воздухе тонкий вкусный аромат. Определённо, едой пахнет из собачьей миски. И как пахнет, прямо слюнки текут! Собаки крепко спят в своей норе, а проголодавшийся Кот стоит в десяти метрах от веранды, мучаясь сомнениями.

Нет, не сможет он заставить себя подойти ближе и начать есть из миски Найды. Услышит собака шорох, выскочит, неверно истол-

ковав его намерения, и для Кота эта встреча может закончиться плачевно.

Белая проснулась от странного шороха снаружи. Прислушалась и, как обычно, испугалась. На дворе ночь, а возле веранды явно кто-то ходит. Но кто? Палевый с Кремowym сопят, уткнувшись в живот матери, сама Найда тоже спит, а между тем у самой норы слышны чьи-то шаги.

Белая осторожно встала на лапы, покачнулась, прижала хвостик и сделала несколько шагов к выходу. Невиданная смелость для такой трусихи. И куда идёт, спрашивается, неужели настолько осмелела, что способна ночью выйти из норы, да ещё зная, что снаружи может подстергать опасность? Но ведь идёт, кроха, хвост дрожит, лапки подкашиваются, а она всё равно топает. Молодец! Вот так робкие щенки становятся отважными собаками. И, быть может, когда Белая вырастет, из неё получится отличный сторож.

До подкопа оставалось меньше метра. Белая вся превратилась в слух. Та-ак, шаги прекратились, но ночную тишину по-прежнему нарушают посторонние звуки. На что же они похожи? Сейчас-сейчас, Белой надо подумать, и она обязательно вспомнит. Да, вспомнила, такие звуки издаёт мама, когда ест

из большой миски, что стоит на веранде. Сморщив кожистый носик, Белая стала принюхиваться к незнакомому запаху, чужому и непонятному.

Любопытная мордочка высунулась из норы в тот момент, когда Кот, доев за Найдой оставшийся ужин, спешно сбегал с веранды. Белая заметила Кота, и Кот тоже увидел щенка. На мгновение оба растерялись, замерли, испуганно глядя друг на друга. Кот быстро догадался, что перед ним всего лишь маленький собачий детёныш, — можно расслабиться, хотя не стоит забывать, что в самой норе находится собака-мать. Лучше отойти подальше, а то не ровён час...

Стоило Коту отбежать к забору, как вконец осмелевшая Белая выскочила из норы. Стряхнула упавшие на нос снежинки и побежала за Котом. Видно, чем-то он ей приглянулся.

Она неоднократно видела кошек, которые часто бегали по ту сторону забора, но к веранде не приближались — робели. Белая кошек не боялась, она знала, что мать реагирует на них спокойно, не рычит, как при появлении собак, не лает — получается, никакой опасности кошки не представляют.

Кот наблюдал, как неуклюже и смешно к нему приближается щенок. Интересно, что ему понадобилось? Вон как спешит и хвостиком повиливает.

В метре от Кота Белая вдруг заскулила, села на снег, миролюбиво склонив голову набок. Кот смотрел на неё равнодушно.

— Тяв! — сказала Белая.

Кот резко встал, перевёл взгляд на нору, забеспокоился. Подошёл к щенку, обнюхал со всех сторон (и Белая с любопытством нюхала Кота) и вдруг пулей побежал на детскую площадку. Белая даже не успела сообразить, что произошло, а мимо неё уже мать промчалась. За Котом погналась. Из норы Палевый высунулся, Кремовый внутри гавкал — короче говоря, начался переполох.

Загнав Кота на дерево, Найда вернулась к веранде, схватила Белую за шкирку (наказала всё-таки!), в нору втащила и ещё долго порывивала от негодования и возмущения.

После своего маленького приключения Белая долго не могла заснуть. Какой уж тут сон, когда столько волнений, а перед глазами усатая морда Кота мелькает. Прижавшись к Найде, Белая в подробностях воспроизвела в памяти свою первую ночную вылазку. Ей понравилось. И Кот тоже понравился. Добрый и совсем не опасный. И чего мама так за ним побежала? То ноль внимания на кошек, а то как с цепи сорвалась.

Вскоре Белая заснула, и приснился ей Кот. Во сне они вместе играли и обнюхивали друг друга. Подружились так, что, когда

пришло время, белому щенку не хотелось просыпаться.

А Кот спал на детской горке. Он перебрался туда сразу, как только спрыгнул с ветки клёна. На Найду зла не держал: понимал – собака защищала щенка и свой дом. Ведь он незаконно проник на её территорию, съел всё, что лежало в миске, – вот нахальство неслыханное! – да к тому же с Белой пообщался. А та твякнула совсем не вовремя – понятное дело, Найда переполошилась, услышав голос щенка.

Да, нескучная выдалась ночь, но она уже почти растворилась в преддверии нового дня. Скоро станет совсем светло, из здания детского сада выйдет хороший человек – сторож – и принесёт собаке еду. А там, глядишь, хороший человек по дороге к веранде остановится у горки, назовёт Кота Рыжиком, погладит по голове и даст чего-нибудь вкусненького. Например, варёных куриных потрошков.

Кот зевнул. С добрым утром, новый день!

Глава девятая

Они кому-то помешали

Несколько дней кот и собака словно приглядывались друг к другу. И хотя Найда по-прежнему не подпускала Кота к веранде

и начинала рычать, едва он пытался приблизиться к миске с едой, она научилась воспринимать его не как объект охоты, а как неотъемлемую часть детской площадки.

Сидит себе Кот на горке, ходит по песочнице или трётся мордой об металлическую стойку качелей – и вроде так и надо. Привыкла Найда к Коту. И щенкам новый сосед пришёлся по душе. Кремовый с Палевым в отсутствие матери порывались побегать с Котом по площадке, а Белая, как только Найда исчезала, неслась к горке и призывно тявкала.

Каждый уход Найды служил Коту сигналом к трапезе. Если оставалась еда, а Найда была далеко от веранды, Кот без зазрения совести мчался к миске. Подбежит, наспех куски поглощает – куда уж тут жевать, успеть бы! – и пулей назад. На щенков не смотрел, носятся, и ладно, главное, чтобы ему не досаждали. А то вчера неприятный инцидент из-за них произошёл. Кот к горке возвращался, а Палевый на спину прыгнул, играть приглашал.

Не помня себя от боли, Кот зашипел, саданул Палевого лапой. Тот ничего подобного не ожидал, опешил, испугался, даже заскулить толком не сумел. А у Кота шрам кровоточить начал, тут и аппетит пропал, и злость на щенка появилась. Опять бросало то в жар, то в холод.

Найда догадывалась, кто вылизывает миску с едой, и – если только такое и впрямь возможно – вроде бы специально оставляла Коту кусочки. Ест, а сама изредка на горку поглядывает. Лежит там рыжий, смотрит, глазом не моргнёт – видать, тоже голодный. Найда поест – и в сторону. А Кот не двигается – боится. И правильно делает, всё равно она его близко не подпустит. Когда уйдёт – другое дело, а пока ни-ни. Такую вот собака выбрала позицию.

Правда, сегодня произошёл заметный сдвиг в необычных отношениях двух бездомных животных. Кот доедал макароны и, очевидно, настолько увлёкся процессом, что не сразу заметил Найду. Она ступила на веранду с другой стороны, вильнула хвостом и присела. Он ест, она наблюдает. А Белая опять тявкает. Кот глаза поднял: узкие зрачки округлились, спина выгнулась, хвост распушился. Стоит Кот в боевой стойке, прикидывает, как лучше дёру дать, а Найда... бездействует. Что это с ней?

Не тронула и не прогнала. Прогресс! Значит, правильно он определил – хорошая собака. А макаронки в миске ещё остались. Эх, жалко, доесть не успел.

Утром Найда пробежала в непосредственной близости от Кота – метра три их разделяло – и будто не заметила. Вернее, заметила,

конечно, но сделала вид, что Кот почти свой, поэтому проявлять по отношению к нему агрессию нельзя. А вечером Кот семенил к веранде со стойким убеждением: не прогонит! Но нет, зарычала собака, не подпустила к миске. Не в духе, должно быть. Ладно, он попытает счастье завтра, главное, контакт между ними налаживается, зарождаются если не дружеские, то партнёрские отношения.

Субботнее утро не предвещало беды. Всё было как обычно: едва рассвело, Найда вышла из норы, потянулась, полакала воды, взглянув краем глаза на дремавшего в углу веранды Кота. Вслед за матерью на снегу оказались Палевый и Кремовый, Белая мешкала, наверняка ещё не проснулась, предпочтя колкому морозному утру мягкие, тёплые сновидения.

Найда обежала веранду, тщательно вылизала Кремового и, негромко гавкнув для порядка, — Кот сразу отбежал к горке — отправилась по своим делам.

Кремовый и Палевый проводили мать, немного порезвились возле заваленной снегом песочницы и вернулись обратно к норе. Изпод веранды вышла сонная Белая.

Кот следил за игрой трёх щенков, изредка поглядывая на дверь, откуда всегда выходил добрый человек с едой. Почему-то

сегодня сторож запаздывал: одна миска пуста, а в другой почти нет воды.

В начале одиннадцатого во двор дома въехал небольшой серый фургон. Белая с Кремовым перестали играть и уставились на машину. Но едва мотор заглох, щенки снова понеслись друг за другом по заснеженной детской площадке.

Кот неотрывно смотрел на грузовик. Появилось нехорошее предчувствие: на спине заныли шрамы, дрогнули усы, знакомый страх дышал прямо в затылок. Напряжение, острое и опасное, казалось, висело в воздухе. Воздух всегда пахнет по-особому — чем-то едким и горелым, когда рядом ходит беда.

Кот чуял беду и даже знал, где она находится — в сером грузовичке. Из кабины вышел молодой мужчина. Он не спеша прошёлся по двору, осмотрелся и нехотя, словно не по собственной воле, приблизился к забору детского сада.

Резвящихся щенков мужчина увидел сразу, смотрел на них минуты полторы, даже улыбнулся, когда Палевый с разбегу повалил Белую. А та, пронзительно взвизгнув, сначала растерялась — и вдруг саданула его лапой по морде. Забавные они, щенки эти, что и говорить.

Молодой мужчина прошёлся вдоль забора, скользнул равнодушным взглядом по Коту, нахохлившемуся на горке, и ухмыльнулся.

Потом вернулся к грузовику. Из кабины вылез его напарник, сутулый, лысый и хмурый парень .

– Здесь? – спросил он.

– Так точно!

– На территорию бы въехать.

– Въедем, не паникуй. – Он открыл кузов, достал небольшой фанерный лист и кивнул Лысому: – Долго не провозимся, минут через пятнадцать стартанём. Ты пока разворачивайся и к воротам подъезжай.

Поравнявшись с калиткой, он просунул между прутьями лист фанеры, а сам в два счёта перемахнул через забор.

Кот чувствовал: быть беде. И хриплое покашливание мотора – явное тому подтверждение. Что-то обязательно произойдёт: воздух густо пропитался противным, едким запахом гари.

Стараясь сохранять внешнее спокойствие, Кот спрыгнул с горки, добежал до забора и, не раздумывая, прошмыгнул сквозь решётку. Сел поодаль и стал наблюдать.

Вскоре из здания детского сада вышли сторож и один из приехавших чужаков. Сторож, мрачный и чем-то расстроенный, качая головой, жалостливо поглядывал на щенков. Вот он дошёл до угла, свернул, и через минуту Кот услышал знакомое покашливание грузовичка.

Незнакомец же, прихватив фанеру, крадучись, приближался к веранде. Ступал осторожно, стараясь не шуметь, не привлекать внимания четвероногих малышей.

А те носились по снегу, визжали, и невдомёк им было, что эти двое приехали по их души. И сейчас один из них дойдёт до веранды — ему и осталось-то всего шагов десять — и закроет фанерой вход в нору.

Так и вышло: дошёл и закрыл.

Когда из-за угла показался Лысый, его напарник надел серые перчатки. В таких же перчатках был и Лысый. И чужаки начали приближаться к щенкам. Сторож остался стоять на дороге. В глазах его застыли испуг, горечь, недоумение. Кому могли помешать щенки? Неужели это жильцы шестнадцатизатжки написали жалобу?

Поймать Кремового труда не составило, впрочем, «поймать» — громко сказано. Он и не пытался убежать. Парень нагнулся, потрепал щенка по спине и взял на руки. Вот так просто, без всяких хлопот.

— Держи, Лёха, — сказал он Лысому и протянул щенка. — Не уходи пока, возмёмшь второго.

Лысый гладил Кремового, а Палевый, видно, почуяв неладное, дал дёру, побежал к противоположной веранде. Белая метнулась к норе.

— Ничего, Лёха, прорвёмся. Я сейчас.

Ловец нагнал Белую у норы, она отчаянно скребла лапками фанеру. Напрасно. Малышку схватил мужчина в серых перчатках, и от неловкости, обиды и страха она затявкала. Белая звала мать, звала неистово, отчаянно, как только способен звать попавший в беду ребёнок, когда надежда на спасение тает с невероятной быстротой.

Он протянул Лысому второго щенка, и тот, держа брата и сестру за загривки, торопливо зашагал к грузовичку.

— Что же вы, ребята? — смущённо говорил сторож. — Зачем же так? Кому помешали-то они? Ведь ни шума от них, ни беспокойства.

— Кому-то, значит, помешали. Отец, куда он делся, третий-то?

— Оставили бы хоть одного, ребята. Мать прибежит, а их нет. Ведь с ума сойдёт от то-ски. Ребят, может, договоримся?

Заприметив притаившегося в кустах Палего, ловец молча направился в его сторону.

— Иди ко мне, — позвал он, присев на корточки.

Палевый не тронулся с места.

— Боишься? — усмехнулся мужчина. — Хм... Наверное, правильно делаешь, работа у меня такая. Ну, давай, не дури, иди сюда.

Палевый снова дал дёру. Он бежал, быстро-быстро перебирая толстенькими

утопающими в снегу лапками, поджав хвостик, и голосил. Испуганный щенок с вытаращенными от ужаса глазками выглядел настолько жалким и несчастным, что сторож не выдержал.

— Оставьте, — крикнул он, но подошедший Лысый грубо бросил:

— У тебя своя работа, у нас своя. Давай не мешать друг другу.

Кот видел, как Палевый ловко уворачивался от догонявшего его преследователя, но не мог понять, что происходит. Что за игра такая в догонялки? Почему люди бегут за щенком, почему тот визжит, озирается и плачет, а сторож, этот добрый человек, который всегда приносит собакам еду и воду, стоит и бездействует?

Из подъезда вышли несколько женщин и мужчина, все приблизились к забору, началась словесная перепалка. Женщины требовали оставить щенка в покое и вернуть двух других, сопровождавший их мужчина даже ругался, но тут сторож что-то тихо сказал негодующим людям, и они сразу сникли. До Кота долетело несколько фраз:

- Кто мог позвонить?
- Неужели из нашего дома?
- А Айка-то где?

Палевого поймали, когда он пытался протиснуться через решётку.

Стоял хмурый полдень, сквозь пелену дымчатых облаков светило бледное январское солнце. Падал снег, а Найда всё не возвращалась. Не знала собака, что её никто не ждёт и вход в нору закрыт куском фанеры, а миски с едой и водой убраны. Их унёс сторож по совету Лысого. Тот так и сказал:

– Мать вернётся – гони в шею. Для её же блага гони. Не уйдёт – опять вызовут, приедем, заберём.

Что ему оставалось делать? Ведь не шутили мужики – и впрямь снова приехать могут. Поступит звонок, и приедут. За Найдой. И тогда её ждёт незавидная участь.

А у щенков есть шанс. Лысый сказал, их наверняка после карантина удастся пристроить. Пусть именно так и будет. Пусть найдутся добрые люди, для которых Белая, Кремовый и Палевый станут друзьями, настоящими членами семьи.

...Кот дремал на горке, когда из-за угла выбежала Найда.

У норы Найда обнюхала фанеру, ударила по ней лапой – не помогло, снова удар, ещё и ещё – фанера упала. Нырнув в подкоп, собака почти сразу выскочила обратно. Щенков

нет, и кругом всё подозрительно тихо, будто сама природа решила умолкнуть. Тишиной и паникой пропитан морозный воздух. Собаку начало лихорадить, но она всё ещё верила, что страхи окажутся ложными.

Найда несколько раз обежала вокруг веранды, вдыхая чужие запахи. Здесь были люди! Те, что раньше никогда не подходили к норе, следовательно – чужаки. Пахнет мазутом, собачьей шерстью и опилками.

Найда чуяла – пахнет её малышами. Вот здесь совсем недавно пробежала Белая. Найда опустила морду, принялась. Белая была напугана. спешила к норе, от её маленького пушистого тельца исходил запах страха, и Найда его уловила. Она сразу догадалась, что за время её отсутствия на детской площадке произошло страшное. Пришли люди, те, что пахли мазутом и другими собаками, забрали щенков и увезли их на машине. Почему на машине? Найда же умная собака, и пусть она не умеет говорить, не понимает человеческой речи, но нюх у неё превосходный.

Найда добежала до второй веранды, взяла след Палевого. Он тоже оставил множество нитей страха, должно быть, Палевому досталось больше остальных – его запах ощущался резче. Найда залаяла. Она понимала – щен-

ков нет, их увезли люди, но смириться с потерей не могла.

В какой-то момент, устав от бесполезной беготни, Найда подошла к норе, заглянула на всякий случай под веранду и уже без сил, в полном отчаянии легла. Морду положила на вытянутые лапы и, казалось, задремала.

Кот выглянул из-за угла, Найда приоткрыла глаза, втянула воздух, причмокнула и тяжело вздохнула. Из глаз её покатились слёзы, собака отвернулась от Кота и уставилась на синюю стену веранды.

Они находились в двух метрах друг от друга: лежащая на полу собака и примостившийся на краешке веранды рыжий кот.

Если бы животные умели разговаривать, Найда обязательно спросила бы у Кота:

«Ты всё видел?»

А он бы ответил:

«Да, видел».

«Расскажи, как это произошло», — попросила бы собака.

«Тебе лучше не знать, всё равно уже ничего не изменишь», — таков был бы ответ Кота.

Наверное, всё именно так и было бы. Но сейчас белая собака молча лежала на дощатом полу веранды, а рыжий кот сидел рядом.

Темнело, очередной день угасал, падал снег, и было очень тоскливо, но жизнь продолжалась.

Пришёл сторож, принёс еды. Найда от неё отказалась.

– Так вышло, Айка, – словно оправдывался старик. – Они приехали... А что я мог сделать? Забрали твоих, да... всех забрали. Просил хотя бы одного оставить – не согласились. Не мешай, говорят, и весь сказ. А поесть тебе надо. Поешь, Айка.

Найда отвернулась.

– Обиделась, – вздохнул сторож. – Твоя правда.

К старику подошёл Кот, потёрся головой об колено.

– Ешь, ешь, – улынулся сторож.

Кота не пришлось уговаривать, и пока он с жадностью жевал макароны вперемешку с паптетом, старик тихо говорил с Найдой:

– Такие дела, Айка. Ты не думай, мне ты не мешаешь, моя б воля, так хоть сто лет здесь живи. Другим ты помешала, собака. Уходить пора тебе. Чего уж теперь, твоих забрали, и ты ступай с миром. Опасно оставаться, раз уж заноза какая появилась, просто так не отстанет, не успокоится, пока и тебя не сгноит. Такие бывают люди. Я бы тебя забрал, но не один живу: пятеро нас в двух комнатах. Куда ещё собаку? Пойми ты, дурочка, улепётывай отсюда. Слышишь меня, уходи.

Сторож встал, отошёл к краю веранды и позвал Найду:

– Айка, ко мне!

Собака подошла.

– Молодец! Рядом, Айка!

Вдвоём они дошли до калитки, сторож лязгнул щеколдой, и Найда выбежала.

– Иди, Айка. Иди, не оборачивайся.

Старик долго стоял у калитки, а вернувшись, увидел Найду лежащей на веранде. Обежала собака детский сад, пролезла, как обычно, под воротами – и напрямик к норе. Привычка! Ничего не поделаешь.

...Целую неделю Найда каждый вечер прибегала к веранде, скулила, принималась, стараясь уловить родные запахи. Но они исчезли – уже не пахло ни Белой, ни Кременным, ни непоседливым Палевым. Из привычных запахов остался, пожалуй, запах рыжего кота. Оно и понятно, кот сидит здесь целыми днями, а чего сидит, спрашивается?

Ночами Найда спала на веранде, и Кот с ней за компанию. Придёт, потопчется на краю, ляжет и мурчит. Забавный такой, Найде даже стало казаться, что он чем-то похож на её щенка. Сегодня утром она впервые подошла к Коту вплотную, обняла его – Кот напрягся, взъерошил шерсть, но не убежал – и вдруг лизнула. Аккуратно, нежно, как лизала своих детёнышей.

Это был последний день Кота и Найды в детском саду...

Вечером Кот бродил по двору в поисках чего-нибудь съедобного. У одного из подъездов ему удалось найти шкурку от колбасы. Еда не ахти какая, точнее, совсем даже не еда, но выбор-то невелик. Шкурка аппетитно пахла, словно призывая немедленно её съесть. Он и съел. Жевать, правда, пришлось долго, но зато удалось утолить голод.

Найду Кот заприметил у крайнего подъезда: она сидела на тротуаре, тоскливо поглядывая на жёлто-зелёный забор детского сада. Не могла свыкнуться с мыслью, что её никто не ждёт. Нет-нет да и подбежит к веранде, заскулит, а в ответ молчание. Пора бы самой уходить. Но куда? Так и металась Найда между детским садом и домом.

Слабая, едва живая надежда шептала ей: «Вернись!» И Найда возвращалась. И понимала: надежда опять её обманула. Тогда собака садилась на тротуар и смотрела на веранду.

Найда перевела взгляд на дорогу и вдруг заметила приближавшуюся к Коту жёлто-пегую дворнягу. А тот сидит себе и сидит. Найда гавкнула. Эй, Кот, говорила она, вскочив, ты что, оглох на старости лет? Оглянись! Там собака!

Кот увидел дворнягу слишком поздно, когда она подбежала к нему и хрипло зарычала.

Спасти́сь бегством в такой ситуации Кот не мог, пришлось рассчитывать на острые когти и зубы. Он уже собирался нанести удар по собачьей морде, но подоспевшая Найда приняла огонь на себя. Она сцепилась с дворнягой, вонзив той в холку зубы.

Дворняга заскулила, повалилась на бок, задрала передние лапы. Найда ослабила хватку, зарычала. Жёлто-пегая собака постыдно бежала прочь, оставив разъярённую Найду и клок собственной шерсти на том самом месте, где совсем недавно Кот ел колбасную шкурку.

Он успел забраться на дерево, оттуда и наблюдал за ожесточённой схваткой между псами. Один противник, второй защитник. Найда – хорошая собака! Сейчас, в этот миг, он окончательно понял: Найда – друг. Такой же добрый и преданный друг, как Татка и Рамзес.

И ещё Кот понял, собаки, оказывается, очень похожи на людей: среди них тоже встречаются хорошие и плохие, добрые и злые, свои и чужие. Одни обидят, другие защитят, приласкают, едой поделятся. Это уж как повезёт.

...Они вновь встретились в полночь, когда кругом царила тишина, а в тёмном небе сияли зимние звёзды. Найда грызла кость, а Кот,

робея подойти ближе, сидел под балконом, дрожа от холода, жгучего и сердитого. Пока Найда занималась костью, Кот окунулся в приятные воспоминания.

Он вспоминал свою семью, почти забытую и такую долгожданную. Всё реже появлялись перед глазами любимые лица, а если и начинали мелькать в каком-то бешеном ритме, то всегда виделись ему сквозь плотную серую дымку. Почему даже память так жестока к Коту?

Ничего не осталось от прошлой жизни, одни неясные воспоминания, и те с каждым разом казались всё прозрачней, а вернее, призрачней.

Но вот Коту удалось воссоздать образ Дениски – самого младшего своего друга. Но что это, почему вместо лица у Дениски светлое пятно? Где его волосы, глаза, нос, рот, почему не видно сияющей улыбки и забавных веснушек? Дениска ли это? Безликий мальчишка тянет к Коту руку, Кот принюхивается и чувствует холодное дыхание зимней ночи. Холод – и больше ничего.

Постепенно фигурка Дениски растворяется в зыбкой кошачьей памяти, и Кот снова видит перед собой темноту и мусорные контейнеры. А Найда всё грызёт кость, изредка поглядывая на Кота своими печальными глазами.

Наконец она закончила возиться с костью, встала, обежала, контейнеры и подошла к Коту. Он ждал, когда белая собака принюхается и оближет ему морду горячим языком. Так и произошло: Найда облизала Кота и легла рядом. А он к ней под бочок подлез – ну прямо родной щенок, издали и не отличишь. Кот уткнулся головой в белую собачью шерсть, замурчал.

Так и провели ночь. Кот дремал, Найда аккуратно, боясь причинить ему боль, вылизывала шрамы на спине. Понимала собака, крепко досталось рыжему. Но она осторожно его оближет, и Коту обязательно полегчает. А он такой хороший и так убаюкивающе мурчит.

Трудно поверить, но потерявшая щенков собака действительно приняла рыжего кота за одного из своих детёнышей.

Глава двенадцатая

Заброшенная голубятня

Они могли разойтись, и каждый пошёл бы своей дорогой – узкой тропкой, либо ведущей к заветной цели, либо бессмысленно петляющей в обманчивом мире иллюзий.

Возможно, им стоило идти дальше поодиночке, назло собственным сомнениям, назло всем невзгодам.

Они должны были разойтись, чтобы не мешать друг другу.

Но они держались вместе, Кот и Найда. Найда и Кот.

Рядом с Найдой Кот чувствовал себя почти счастливым. Собака стала родным существом, по сути, единственным пользующимся полным доверием. Знакомство произошло недавно, а сближение и того позже, но доверие успело укорениться в сознании настолько прочно, что казалось незыблемым.

Они присмотрели себе местечко вдали от шума сумасшедшего города, подальше от людей – источника всех их бед. И пусть среди тех, кто попадался им на пути, хороших людей встречалось больше, но всё же лишний раз сталкиваться с человеком, пытаться его разгадать, понять, кто же перед ними – искусный обманщик или бесхитростный добряк – ни собаке, ни Коту не хотелось. Устали они, да и боялись верить людям. Уж лучше быть вдвоём, так спокойнее.

И вот они оказались на окраине закованного морозом города. Впереди раскинулся заснеженный пустырь, а рядом небольшой прудик, окружённый колючими голыми кустами, редкими кривоватыми деревцами, скованными мохнатым инеем, и тёмно-коричневыми островками камыша.

Справа пустырь был огорожен высоким бетонным забором, уходящим вдаль, казалось, к самому горизонту. В ясные дни, освещённый солнцем, он казался белоснежно-зеркальным, ближе к вечеру, в преддверии сумерек, тускнел, становясь сначала сероватым, а затем и вовсе чёрным.

За забором — об этом Кот узнал, обнаружив в нём лазейку, — стояли давно заброшенные строительные бытовки. Между ними сновали бродячие собаки. Стая! Сразу стало ясно: надо уходить, и как можно скорее. Стая не примет в свои ряды новичка, и очередная встреча с бездомными собратями может закончиться для Найды трагично.

За то время, пока они добирались до окраины, Найда неоднократно дралась с собаками: иногда одерживала победу, иногда приходилось спешно бежать с поля боя, а один раз она едва не была покалечена сворой внезапно напавших обезумевших дворняг.

Кот и собака бежали по снегу вдоль бесконечного высокого забора, изредка Найда оставалась, обнюхивала плиты, считывая с них собачьи запахи, и удручённо смотрела на Кота. Пока она принюхивалась и мотала хвостом, Кот смиренно сидел в стороне и ждал её реакции. Вот закрутилась Найда, хвост поджала, боязливо обернулась назад —

значит, плохи дела, понимал Кот. Не их это место, чужое, надо продолжать путь.

Найда устремлялась вперёд, Кот бежал следом. Через несколько минут очередная остановка: вдох-выдох, дрогнул хвост, сверкнули глаза – и снова в дорогу.

На старую заброшенную голубятню Кот и Найда набрали неожиданно, когда уже отчаялись отыскать в ночной мгле мало-мальски безопасное место. Они уже ничему и никому не верили. Всё вокруг оккупировано чужаками, куда ни кинься – всюду незнакомые едкие запахи. И так горько, что выть хочется. А нельзя. Завоешь – и, считай, сам себе яму выкопал. Нет, бежать надо в тишине, чтобы даже снег под лапами не скрипел, – парить над землёй надо.

И вдруг голубятня...

Найда насторожённо повела носом, сильно втянула воздух, села и задрала голову. Удивительно, но чужаками не пахнет. Воздух чистый, морозный, ни единой собачьей струйки не улавливается. И человеком не пахнет, вот что интересно.

Это была классическая голубятня, обитая листами железа и выкрашенная в зелёный цвет. Краска облупилась, искорёженное железо проржавело.

Сорванная с одной петли дверца была распахнута и гостеприимно приглашала пройти

внутри, хотя из-за наваленного почти до потолка хлама сделать это было весьма проблематично.

Найда подбежала к двери, обнюхала занесённый снегом мусор, учуяла какую-то тряпку, вытянула её зубами, бросила и снова ткнулась носом в грудь старья.

Кот подошёл к скамейке, упёрся в неё передними лапами, хотел запрыгнуть, но не смог – помешал толстый слой снега. Кот недовольно мотнул мордой и присоединился к Найде.

Немного освоившись и окончательно убедившись, что голубятня не стоит на чужой территории, Найда пришла в отличное расположение духа. Конечно, рано праздновать победу, но, похоже, они обрели временное пристанище. Что будет потом – неизвестно, зато сейчас есть крыша над головой и стены, за которыми можно укрыться от свирепых февральских метелей, от снегопадов, от холода, пробиравшего до костей, и других зимних неудобств.

Глава тринадцатая

Февральская стужа

И действительно, февраль выдался жестоким: морозы били все рекорды, с пропитанием дела обстояли худо, после многочасовых

поисков и беготни по окрестностям едва удавалось отыскать кусочек чего-нибудь съестного.

Найда убегала далеко, Кот отходил от голубятни неохотно: и опасно (кругом собаки), и снега намело столько, что ступать короткими лапками практически невозможно. Неприятно, да и в сугробе увязнуть страшно.

Ведь что известно о зимах Коту? Решительно ничего! Он и видел-то их лишь через двойное стекло, сидя в тёплой квартире на широком подоконнике. Смотрел вниз, а там зима: белая, пушистая, мягкая и тёплая. И кошки бездомные возле подъезда снуют, играют, наверное, и весело им, и раздольно, а снег идёт, и ветер так красиво подвыывает.

А теперь? Обежал всю округу, даже на пустырь отважился ступить, а толку-то! Ни корочки, ни крошечки съедобной не нашёл. Вернулся к голубятне, пробрался внутрь, лёг на холодную тряпку и задремал. Теперь только и остаётся, что дремать. Дремлешь — и есть не хочется, а проснёшься... челюсти сводит.

У Найды возможностей было больше: обегала помойки, перекусывала кое-как — голодно, конечно, но терпимо.

Ночами кот и собака спали в голубятне, крепко прижавшись друг к другу. Сон их был чуток, любой треск воспринимался сигналом бедствия. А днём вздремнуть вообще не

удавалось: от завываний ветра Кот то и дело вскакивал, с тревогой поглядывая на дверцу.

Найда тыкалась носом в его впалые бока и тихо скулила, пытаясь успокоить Кота. Если он снова ложился, собака начинала лизать ему спину, осторожно, по-матерински нежно, чтобы ненароком не сделать больно.

Однажды Кот, изнемогший от голода, решился на выход «в народ».

Миновав пустырь, свернул в сторону заледенелого пруда, побежал вдоль берега, бросая косые взгляды на стеклянную гладь, сверкавшую искорками инея. Живописный вид, но Коту не до красот, он хочет есть и бежит с трудом, пошатываясь от свинцовой тяжести в лапах. А надо ещё преодолеть овраг, не встретившись с бродячими псами, потом пересечь оживлённую дорогу, влиться в бурную жизнь города и найти того, кто, возможно, сжалятся и даст хоть чего-нибудь пожевать.

Кот обманывал себя. Никто его не накормит. Этот самообман, эта надежда помогли ему дойти до города. Но мечта, так и осталась мечтой: никому не было дела до тощего кота со шрамами на спине. Люди спешили спрятаться от ядрёного мороза, кутались в шарфы, опускали до самых глаз тёплые шапки, поднимали воротники и, глядя под ноги, бежали по заснеженным улицам.

Кот набрёл на мусорные контейнеры, но вокруг них царил идеальная чистота: ни песчинки не валялось рядом, всё было убрано добросовестным дворником. Пришлось искать другую помойку, затем третью, а уже темнело, снежный вихрь хлестал по морде, и бежать дальше у Кота не было сил. Он лёг у высокого сугроба, положив голову на снег.

...Его нашла Найда. А чему удивляться – собака есть собака.

Найда лизнула его в бок. Кот открыл глаза: «Это ты? Нашла, всё-таки? А мне плохо, не могу идти, умираю, наверное. Прощай, собака, ты была хорошим другом», – словно говорил его измученный взгляд.

Найда вдруг громко залаяла, делала она это редко, и Кот не на шутку испугался. Собрав остатки сил, он встал. Внезапно Найда закружилась и взмыла в воздух, потом рухнула на землю... Как странно. И вроде появилась вторая Найда, и третья, и четвёртая. Все кружатся, летают над головой, только лает почему-то одна собака.

Головокружение прошло, и Кот – невероятно! – почувствовал запах еды. Он проникал в ноздри и буквально пронзал Кота.

Замёрзшая рыба голова с небольшим куском мяса поначалу показалась ему миражом. Обман зрения, иллюзия... Откуда здесь

рыбья голова, быть такого не может. А Найда лает: «Ешь, для тебя принесла».

Лишь спустя время удалось оторвать от рыбьей головы плавник. Кот сжевал его за считанные секунды. Принялся за второй. Затем отгрыз немного мяса. Уже хорошо, но всё ещё мало. Он продолжал вгрызаться, рычать, — вдруг отнимут рыбью голову? Кот торопился наестся.

К голубятне они не вернулись. Когда стемнело, побродили по дворам, обежали несколько помоек и далеко за полночь обнаружили в палисаднике пятиэтажного дома заплесневелый кусок сыра. Он ещё не успел заледенеть, на вкус был совершенно несъедобным, но Кот проглотил его за милую душу. Найда не ела, весь сыр достался Коту.

Спали там же, в палисаднике, под окнами. Рано утром Найда убежала, отсутствовала весь день, рыская то тут, то там. Кот не скушал: при свете дня он тщательно обследовал окрестности и столкнулся нос к носу с удачей в виде аппетитной взрослой мыши. Съел с таким восторгом, что сразу ощутил себя счастливейшим из котов.

Встретились Кот и Найда вечером. Обнюхали друг друга, Найда по обыкновению облизала Коту спину, где уже росла новая шерсть, и легла, свернувшись калачиком.

Они расстались безболезненно в начале марта. Так сложилось – рано или поздно это должно было произойти. Настала пора каждому двигаться своей дорогой, общая тропинка привела к развилке: Коту направо, Найде налево – ничего не изменить. Оба были готовы к разлуке, и, хотя внутри всё сжималось от тоски и страха, они нашли в себе силы сделать правильный выбор.

День был солнечный, морозный, Найда последний раз облизала Кота, он последний раз ткнулся носом ей в бок и потёрся головой об лапу.

«Прощай, – говорил он, мурча и будто бы улыбаясь. – Может быть, ещё встретимся».

Найда побежала вперёд. Метров через пять остановилась, обернулась, замерла в нерешительности.

«Прощай, – ответила она, вильнув пушистым хвостом. – Не встретимся мы больше, ты сам это знаешь. Ну, мне пора...».

Кот остался один. Вздохнул и не спеша побежал навстречу своему завтрашнему дню.

Часть Вторая ВЕСНА

Глава первая

Неугомонная Варя

Зима была лютая, весна – ранняя и тёплая. В середине марта начал таять снег. Днём шли дожди, по оголившимся тротуарам текли ручьи талой воды, к вечеру подмораживало, лужицы стягивало блестящей корочкой льда. Ночами было по-прежнему холодно, весна сдавала позиции, а старуха зима изо всех сил пыталась удержать свою шаткую власть.

Но наступал новый день, более длинный и светлый, высоко поднималось солнце, пели птицы, дул свежий ветерок, и буквально во всём, и в первую очередь в прозрачном, вкусном, юном воздухе, чувствовалось присутствие весны.

Весна казалась Коту заслуженной наградой за его героизм, проявленный в борьбе с безжалостной зимой. Зиме конец, сомневаться не приходится, позади коварные денёчки с трескучими морозами, голодом и страхом..

Кот верил – он всё преодолеет и выкарабкается из цепких лап невезения. Он отыщет свой дом и любимых друзей.

Проблема лишь в том, что Коту всё ещё неясно, куда идти. Вот и на этот раз, проскитавшись две недели по бесконечным дорогам, он пришёл совсем не туда, куда следовало.

Небольшая деревенька – домов на пятьдесят, и все ветхие, почерневшие от времени. Единственная грунтовая дорога, кривая, колдобистая, на первый взгляд казалась непроезжей.

Снега было много, у покосившихся заборов высились двухметровые сугробы. Здесь продолжала хозяйничать зима: снег пока не тронула чернота, он скрипел под ногами, слепил глаза. Сильно пахло прелой соломой, опилками и чем-то незнакомым, волнующим. Запах, который не встречался Коту в городе. Может быть, это запах наступающей весны?

У колодца Кот встретил пожилую женщину, в тулупе, высоких валенках и цветастом платке. Она только что достала из колодца

ведро воды и тяжело дышала, опираясь на кривую палку. Перелила воду в своё ведёрко и вдруг обратилась к Коту:

– Чего смотришь, помог бы бабушке!

Кот мяукнул.

– Не упасть бы по дороге, – сказала женщина, подхватив ведёрко. – Ой, батюшки, палку забыла.

Кот остался один, но скучал недолго: через пару минут у колодца появилась стайка детей. Их было четверо, три девочки лет семи и мальчишка года на два младше. Заметив Кота, они притихли, и самая бойкая из всей компании, звали её Варей, вышла вперёд и звонко сказала:

– Смотрите, кошка!

– А чего она такая длинная? – спросил мальчик и хотел подойти ближе к Коту, но Варя запротестовала:

– Не подходи, спугнёшь ещё! Она не длинная, она большая.

– Я её раньше не видела, – заметила Варина подруга, Лиза.

– Приблудная, – согласилась Люда.

– Девочки, смотрите, у неё на спине что-то есть, – Варя приблизилась к Коту и села на корточки.

– Что там? – Павлику тоже не терпелось взглянуть.

– Кожа в шрамах, и болячек много.

Лиза брезгливо посмотрела на Кота, поправила спадавшую на глаза шапку и попросила подруг оставить кошку в покое:

– Ещё заразимся от неё. Пойдёмте, Варь... Люд...

– Подожди ты! – шикнула Варя и, выдержав недолгую паузу, авторитетно заявила: – Не заразимся, если сами её вылечим.

– Мы? – удивилась Люда.

– Мы! – ответила Варя. – Вспомни, когда в больницу играли, щенку лапу почти залечили. И галчонок хромой обязательно бы выздоровел, если бы не умер во время процедур. Вот и кошку вылечим.

Девочки неуверенно переглянулись, Павлик отошёл чуть в сторонку, зачерпнул рукой немного снега и стал его лизать.

Варя Пестова, несмотря на юный возраст, слыла в деревне главной заводилой. Сидеть на месте и играть в спокойные игры Варя не могла, попросту не умела. В ней постоянно бурлили идеи. Уж если Варвара что-то решила, будьте уверены – сделает, и никакие обстоятельства ей не помешают. Она и сама попадала в разные истории, и других тянула за собой. Лизе и Люде матери часто говорили: «Играй возле дома, далеко не отходи, а если Варька куда-нибудь потащит, откажись».

А Варька каждый день придумывала для себя и подруг новые развлечения. Захотелось

ей, например, прыгнуть с соседского сарая в сугроб. Прыгнула. А потом заявила, что это классно и каждый уважающий себя человек обязан совершить такой прыжок.

Лиза отказалась сразу, за что в очередной раз была названа трусихой. Люда долго колебалась, но, поддавшись на уговоры подруги (что-что, а уговорить Варя могла кого угодно), вскарабкалась на невысокую сараюшку, подошла к краю, зажмурилась и... сиганула вниз. Особого удовольствия от прыжка Люда не получила, зато снискала расположение Вари. Через минуту Варвара уговаривала спрыгнуть в сугроб пятилетнего Павлика, брата Лизаветы. Соседка вовремя заметила топтавшегося на крыше мальчишку, иначе дело могло кончиться переломом.

Вечером того же дня Варю выпорола мать и девочка, заливаясь слезами, пообещала не ввязываться больше ни в какие авантюры. Она клялась быть тихой и послушной, рассудительной и ответственной и подруг своих любить.

Родители слову дочери поверили.

Прошло три дня. Варя увидела у колодца рыжего кота со шрамами на спине и тотчас же решила вылечить бедное животное. Неподаром она с пяти лет мечтала стать ветеринаром. Галчонок и щенок с вывихнутой лапой попали в руки Варвары по неосторожности.

И она им помогала, точнее, искренне верила, что помогает. В итоге щенок, которому Варя поставила диагноз «перелом колена» и пыталась наложить гипс, стал хромать ещё больше. А бедный галчонок – вот уж кому действительно не повезло – погиб, закутанный в шерстяную кофту и оставленный в неудобном положении на батарее.

Но Варя свято верила: помогать попавшим в беду животным – её призвание. Верила она в свои силы и сейчас, глядя на Кота, принятого ребятнёй за кошку.

– Глаза у неё красивые, правда, Люд?

– Ага. Только она худая слишком.

– Болеет потому что, – ответила Варя и погладила Кота по голове. – Видишь, мурчать сразу начала, значит, ручная.

– Я тоже хочу погладить, – наевшись снега, Павлик подошёл к Варе и стянул варежку.

– Не надо, у тебя руки грязные. Ты её запачкаешь.

– Она сама вся грязная.

– Не грязная она.

Павлик насупился:

– Погладить хочу.

– Отойди отсюда. Лизка, забери брата.

Лиза взяла Павлика за руку и, сказав Варваре несколько не очень приятных слов, быстро пошла от колодца.

– Сама такая! – крикнула вслед Варя. – Дура! Напугала кошку. Люд, давай отнесём её ко мне в сарай.

Люда кивнула, взяла у Вари перчатки, а та, схватив безропотного Кота в охапку, поспешила к своей калитке.

Глава вторая

Сарай

В заставленном всякой всячиной сарае царил полумрак. Единственное маленькое оконце практически не пропускало света. Пришлось оставить дверь приоткрытой.

Кота Варя положила на длинный стол и, чтобы он немного адаптировался к новому месту и успокоился, почёсывала его за ушами.

– Варь, а как лечить будем? – спросила Люда, которой было позволено погладить Кота по голове.

– Шрамы смажем кремом для рук, он кожу смягчает. Потом перебинтуем, и поспать ей надо будет. Во сне все болезни уходят, так бабушка говорит.

– А она не заразная?

– Бабушка? Нет.

– Кошка! Вдруг Лизка права, заразимся мы от неё.

– Муська не заразная, я знаю.

– Почему Муська?

– А кто же ещё?

– Может, Мурка?

– Муська она, ты же видишь, у неё лицо Муськино. Хочешь быть Муськой? – обратилась Варя к Коту. – Конечно же, она хочет. Слышишь, как мурчит? Кошки всё понимают, и когда им наши слова нравятся, они мурчат. Так бабушка говорит, – добавила Варя.

Люда согласилась с подругой и на этот раз. Муська так Муська.

– Покормить бы её, Варь, – робко предложила Люда, когда Кот начал принюхиваться и громко мяукать.

– Пока нельзя. Перед процедурами животных не кормят. Мы Фильку перед операцией почти целый день не кормили, а за двенадцать часов даже пить перестали давать. Врач так сказала.

– А-а, понятно, – протянула Люда, почесав Коту подбородок.

– Ты смотри, чтобы она не убежала, а я за кремом и бинтом сбегаю.

...Следующие полчаса Кот покорно позволял себя «лечить». Он не смел зарычать, пустить в ход когти или укусить своих «докторов». Кот помнил: все дети – хорошие. Маленькие, безобидные, открытые и совершенно искренние существа.

Не сдержался Кот лишь однажды: Варвара обильно смазала ему спину йодом (боли совсем не было), потом нанесла на рубцы толстый слой крема для рук и начала обвязывать «пациента» бинтом. Не рассчитав, слишком сильно затянула бинт. Кот мяукнул, дёрнулся. Люда вскрикнула, боясь, что рыжая кошка вздумала её укусить, и отскочила от стола.

– Людка, держи крепче!

– Она разозлилась.

– Муся, сидеть! – приказала Варя. – Муся, успокойся, тебе не больно, не прикидывайся.

Но Муся, она же Кот, почему-то продолжала выказывать неудовольствие. Рассудительная, но стеснительная и неуверенная в себе Люда нерешительно заметила:

– Туго, Варь, ей дышать трудно.

– Вижу, – буркнула Варвара, уже переделывая, как она выразилась, «такую классную и красивую перевязку». – Второй раз так не получится, – ворчала она. – Муся, сидеть! Люда, держи крепче. Муся... Люда... Вот, почти готово! Люд, как тебе?

После получасового «лечения», надеясь, что добрые дети его всё-таки покормят, Кот заискивающе посмотрел на девочек.

– Глаза у неё суперские, в темноте, наверное, сверкают здорово. Муська, поспи немного, тебе сейчас надо.

Кот ткнулся влажным носом в Варину ладошку и заурчал.

– Спасибо говорит, – пояснила Варя. – Спи, Муська, а вечером я поесть принесу. Ты солянку любишь?

– Бездомные всё любят, – сказала Люда и погладила Кота по забинтованной спине. – Она где жить-то будет, Варь?

– До вечера в сарае, а на ночь к себе в комнату возьму.

– А мама?

– Не узнает, я тихонечко.

– А увидит?

– Пошли, – Варя подтолкнула подругу. У самого порога обернулась, махнула Коту рукой: – Спи, Муся, мы пошли.

Дверь закрылась, сразу сделалось темно и неудобно. Кот потоптался на столе, обнюхал бинты, попытался из них высвободиться – куда там! – и спрыгнул вниз. Жаль, что его не покормили и даже водички в мисочке не принесли. Может, ещё вернутся?

Просясь на улицу, Кот громко мяукал, царапая дверь и дощатый пол. Но его не услышали: то ли сарай находился в отдалении, то ли поблизости никого не было. Уставший и слегка испуганный, Кот обнюхал всё, что находилось в зоне досягаемости, и вернулся на стол. Решил вздремнуть.

Кот уже засыпал, как вдруг услышал шелест. Он встрепнулся. Не может быть! Этот тихий, едва уловимый, осторожный шелест он узнает из тысячи. Так может шелестеть только одно животное на всём белом свете. И имя ему — мышь.

Кот бесшумно ступал по столу, определяя, откуда именно доносится звук. Ага, вроде вон из того угла, где громоздятся ящики. Точно, оттуда. Что ж, подождём.

Минуту спустя мышь, с писком и пощёлкиванием, появилась в поле зрения голодного Кота. Сначала показалась мордочка с тонкими усиками и постоянно дёргавшимся носиком, потом Кот заметил маленькие глазки-бусинки.

Мышь копошилась в тёмном углу, но Кот прекрасно её видел.

Мышь снова пискнула.

«Пора!» — решил Кот. Он принял нужную позу, примерился и спрыгнул вниз. Мышь ринулась назад, но добежать до ящиков не успела.

Получается, Варя сделала доброе дело, заперев Кота в сарае. Что ни говори, а здесь он всё-таки поел.

Теперь можно и вздремнуть, и кто знает, вдруг из угла снова послышится шорох, и тогда ещё одна толстенькая аппетитная мышка станет его добычей.

Вечером Варя принесла Коту холодную солянку и половину сосиски, напоила его кефиром, но с собой не взяла, велела оставаться в сарае. Поев, он послушно лежал на столе, ожидая дальнейшего развития событий. Что-то обязательно должно произойти. Кот верил, знакомство с Варварой – непоседливой, своенравной и в то же время отзывчивой и доброй девочкой – не случайно.

Было уже поздно, когда на улице послышались торопливые шаги. Пришла Варя. Она включила фонарь, направив яркий луч света в морду Коту. Тот зажмурился, отвернулся, но со стола не спрыгнул.

– Пошли, Муська, – шёпотом сказала Варя, осторожно взяв Кота на руки. – Все спят. Только не мяукай, мамка услышит – выгонит.

Кот послушно сидел у Вари на руках, пока она пробиралась по расчищенной дорожке к дому.

Кот осмотрел новое место. Довольно длинная узкая веранда, вдоль широкого окна, завешенного старенькой занавеской, стоял стол, покрытый цветастой клеёнкой; к столу придвинуты два стула, под столешницей примостились три табурета. В углу

двустворчатый шкаф со стеклянными дверцами. В противоположном конце – старый комод, почти что антиквариат, рядом деревянная скамья.

На веранде было прохладно и слабо пахло плесенью, зато в соседнем помещении, куда Варя и отнесла Кота, тепло и уютно.

В своей комнатушке Варя включила свет и усадила Кота на стул.

– Муська, спи.

Сама Варя спать не спешила, долго сидела на корточках перед Котом, гладила его, разговаривала шёпотом, улыбалась; пару раз порывалась перебинтовать четвероного пациента, но потом передумала. Наконец Варя включила свет.

Заснула она быстро, часов до пяти проспала крепким сном и, наверное, спала бы и дальше, если бы не резкое, даже пронзительное, требовательное мяуканье не заставило девочку вскочить с кровати.

Кот просился на улицу, вставал на задние лапы, передними касаясь дверной ручки.

– Нельзя! – шикнула на него Варя. – Муся, нельзя. Фу! Отойди от двери!

Кот снова мяукнул, поскрёбся в дверь.

– Да тише ты! Родителей разбудишь. Иди ко мне на руки.

На руках Кот просидел недолго, взъерошился, спрыгнул на пол, снова подошёл

к двери и стал проситься выйти. Напрасно Варя уговаривала его замолчать.

В комнату прибежала мать, увидела перебинтованного Кота (он сразу же выскочил на веранду), растерянную, явно нашкодившую дочь и потребовала объяснений. Варя сопела, говорила едва слышно, не решаясь поднять глаза.

– Почему кошка перебинтована?

– Лечила.

– Опять?

– У неё шрамы.

– Господи, сколько можно тебе говорить, не приближайся к больным животным. Что у неё за шрамы?

– Не знаю, я их обработала.

– Чем?

– Йодом и... кремом твоим... для рук.

– Когда ж ты вырастешь? – в сердцах воскликнула женщина. – Ну и что теперь делать? Пороть тебя уже сил нет, Варька! Чего смотришь, открой ей дверь, видишь же, на улицу просится.

– Ей нельзя на улицу, убежит.

– Пусть бежит.

– Ма, давай Муську оставим. Смотри, какие у неё глаза красивые, – Варя подбежала к Коту, села на пол и, схватив его за морду, повернула к матери. – Видишь? Жёлтые... а как блестят...

– Принеси ножницы, надо бинты с неё снять. Бедное животное! Давно она с такой повязкой ходит?

– С утра.

– Бедное животное, – повторила мать Вари.

Избавив Кота от бинтов (о, какое он почувствовал облегчение!), Маргарита Дмитриевна с жаром воскликнула:

– Да он не Муська, он Мурзик.

– Кот?! – недоверчиво переспросила Варя.

– Кот, – усмехнулась мама. – Лечила-лечила, а кого лечила, даже не в курсе. Всё, отпускай его на волю, он достаточно от тебя натерпелся.

– Мам...

– У порога можешь положить немного солянки на полиэтиленовый пакет.

Варя принялась объяснять маме, что Муська... точнее, уже Мурзик, кот не совсем обычный. Он не похож на бездомных деревенских кошек, он другой – крупный, красивый, умный. У него необычайные способности (какие именно – не уточнила), и вообще, если мама позволит оставить Мурзика у себя, то она, Варя, станет просто ангелом во плоти.

Маргарита Дмитриевна не согласилась.

– А в сарае он может жить? – Варвара пустила слезу.

– Кот не кролик, в сарае не проживёт.

И тут Варя разрыдалась, да так правдоподобно, что начала захлебываться, закатывать глаза и, побледнев, упала на пол. Маргарита Дмитриевна перепугалась, даже Кот притих, забился под стол, с опаской наблюдая за Вариной истерикой. Проснулся отец, выскочила из комнаты бабушка, охи-вздохи... принялись всем семейством успокаивать Варвару.

Кот напомнил о себе, прыгнув на дверь. Варя взяла его на руки, прижала к груди и с мольбой обратилась к взрослым:

– Он другой, – повторила она. – Ему нельзя на улицу.

– Отнесу в сарай, – немного погодя согласился отец.

– Толя! – Маргарита Дмитриевна укоризненно посмотрела на мужа.

– До утра там отсидится, потом на работу отвезу. У нас кошка погибла, чем это чудюдо не замена? Откормим, будет как кабанчик. А, Варь, что скажешь?

– Приживётся он у вас там?

– Куда денется, приживётся. А убежит... Ну... Догонять не будем, много чести. Всё, – заключил Анатолий Максимович, хлопнув в ладоши. – Порешили! Мурзик ваш завтра со мной поедет. А пока – в сарай.

– Па, а может он у меня...

– В сарай, – перебил Варю отец. – И давайте по комнатам расходитесь, пятый час, спать

и спать ещё. Рита, мать, идите! Варька, ты ещё здесь? А ну брысь!

Одевшись, Анатолий Максимович отнёс Кота в сарай, накормил солянкой и, словно Кот понимал каждое его слово, объяснил, что утром они поедут к нему на работу. А работал он, между прочим, мясником в продуктовом магазине.

Глава четвёртая

На заднем двореке

Огороженный задний дворик магазина считался местом особенным: здесь кипела жизнь. Слышался то мужской бас, то залихватый женский смех, кто-то кричал, кто-то хохотал, кто-то ругался.

Каждый день здесь останавливаются машины с товаром. Высокие ворота, скрипя и повизгивая, нехотя распахивают свои тёмно-синие створки.

После разгрузки наступает временное затишье, дворник выходит из подсобки, натягивает рабочие рукавицы и с недовольным видом начинает шуршать метлой по потрескавшемуся асфальту.

Грузчики, ухмыляясь, сидят в сторонке, наблюдают за дворником. Подтрунивают над ним, смеются, потом зовут к себе, шутят.

И так с утра до вечера, скучать не приходится: люди, машины, снова машины и снова люди – суета, одним словом.

И жили в этой непрекращающейся суматохе два существа тигрового окраса: кот Ким и кошка Фиса. Жили давно, лет пятнадцать, как тут обосновались. Далеко от магазина не отходили, обычной кошачьей привычки гулять там, где заблагорассудится, не имели. Ни к чему им это. Еды – сколько хочешь, свободу никто не ограничивает, обязанностей – никаких. Чем не райская жизнь? Была у них одна особенность – у обоих обрублены хвосты. Мясник Анатолий Максимович отрубил по неосторожности, среди магазинных кошек это не редкость.

Свою территорию Ким с Фиской охраняли добросовестно. Ни одна приبلудившаяся кошка не имела права близко подойти к тёмно-синим металлическим воротам, подлезть под них, чтобы хоть одним глазком взглянуть, как живут любимчики фортуны, которых кормят свежим мясом и поят молоком.

Фиска, как и полагается, дважды в год приносила Киму приплод – трёх-четырёх котят. Подросших малышей разбирали покупатели, но случалось, и топить котят приходилось. Пару раз шестимесячные котята были безжалостно изгнаны из магазина собственными родителями. Конкуренции, пусть даже эту

конкуренцию составляли свои же отпрыски, четвероногие хозяева магазина не терпели.

Осенью Ким умер от старости, Фиска осталась одна. Живущие поблизости бездомные коты, почувствовав, что место хозяина пустует и у них появилась свобода действий, стали настойчиво осаждать Фиску: драки возле ворот устраивали, поджидали, когда она за территорию выбежит, всячески пытаясь угодить старой кошке.

Фиска — кремень, ни одного кота ближе чем на двадцать метров к воротам не подпускала. Одна стала на заднем дворе хозяйничать — по старой, так сказать, привычке.

В конце февраля Фиска погибла — попала под машину, перебегая дорогу. Магазин словно осиротел, без кошек стало непривычно тоскливо, беспокойно, с уходом Кима и Фисы ушло что-то важное, трогательное, и продавщица Тоня сказала, что магазин лишился частички тепла.

...Чаще остальных на заднем дворике появлялись те, о ком пойдёт речь ниже.

Анатолий Максимович, Варин отец, как известно, работает мясником. Человек он положительный, весёлый, с обострённым чувством справедливости. Пожалуй, Анатолий Максимович больше остальных любил магазинных кошек, Ким с Фиской платили ему тем же. Мясник — и этим всё сказано.

Получая от него миску с мясом, они с такой благодарностью и трепетом тёрлись об ноги, что грузчик дядя Жора, которого животные сторонились, не упускал возможности лишний раз съехидничать.

— Смотри, Стас, — громко говорил он своему молодому напарнику, — Толян опять котяр мясом перекармливает. Казённое, между прочим, мясчишко растрачивает. Эй, — ещё громче кричал дядя Жора, — Толян, ты бы лучше жене кусок мяса отнёс, чем кошек кормить.

— Моя жена мяса не ест, — спокойно отвечал Анатолий Максимович, поглаживая Кима.

— Как не ест, совсем?

— Совсем. Вегетарианка она.

Дядя Жора заливался хриплым смехом.

— Слышал, Стас, вот приколы, у мясника жена мяса не ест. Вегетарианка, понимаешь! Толян, а ты, когда женился на ней, знал, что она с чудишкой-то?

— Ты бы завязывал с перекуром, Виталич, — кричал в ответ Анатолий Максимович. — Работай давай!

— Ладно, ладно, — отмахивался дядя Жора. — Не учи учёного, я своё дело знаю. Работаю — дай Бог каждому, отдохнуть чуток имею право. Жена у него мяса не ест... Хм... Зато тёща за обе щеки уплетает, а, Толян?

Дяде Жоре было слегка за шестьдесят. Человек он был желчный, себе на уме; тонкокостный, на вид сублильный, но силы недюжинной. Лицо в морщинах, маленькие, близко посаженные глазки нелепо смотрелись рядом с мясистым носом и тонкими губами. Себя дядя Жора любил безгранично, окружающих по большей части терпел, животных ненавидел. Киму с Фиской мог отвесить оплеуху, мог за обрубок хвоста дёрнуть, а то и ногой пнуть. Злой человек, и даже скрыть того не старался.

Второй грузчик, Станислав, парень хороший, правда, попав под влияние дяди Жоры и постоянно находясь в его компании, начал потихоньку черстветь и грубеть.

Одна из продавщиц, Карина, ровесница Стаса, приходилась дяде Жоре падчерицей. Он-то и пристроил её в магазин, подбивая Стаса быть с Каринкой посмелее.

— Не тяни, Стасик, — говорил дядя Жора. — Быка надо брать за рога. Тебе моя Каринка нравится? Так чего ты мешкаешь, хватай её, пока тёпленькая. Будешь мне зятем, семейный подряд у нас получится. Ну, чего смотришь?

Карина Стасу нравилась, и он был совсем не прочь стать зятем дяди Жоры, только вот девушка была чересчур застенчива. Чистая дикарка. Людей сторонилась, постоянно

молчала, слова из неё не вытянешь. А если и прошелестит что-то бесцветным голоском, то не сразу и услышишь. За всё время их знакомства улыбнулась-то раза два, не больше. И ходит, сутулясь, какая-то забитая и несчастная. Одним словом – тусклая.

Во время обеда Карина приносила отчиму свёрток с бутербродами, Стас пытался шутить с девушкой, острил, хохмил, играл на публику, иногда хватал Карину за руку, подмигивал, пытаясь разглядеть в её испуганных глазах хоть малейшую заинтересованность и капельку тепла. Бесполезно. Карина отнимала руку, сжималась, как пружина, и торопливо возвращалась в магазин.

– В кого такая уродилась? – зло бросал дядя Жора. – Мать – бой-баба, отец был рубаха-парень, а эта... Мошь скучная.

Стас улыбался. Дядя Жора сначала смеялся, потом кашлял, а под конец, так уж было у него заведено, громко ругался.

Работала в магазине продавщица Антонина, полная женщина средних лет. Добродушная, улыбчивая, весёлая, она, несмотря на свои сорок с хвостиком, по-прежнему оставалась для окружающих просто Тоней. Ладила со всеми – такой характер. И дядю Жору мягко корила за грубость, и со Стасом вдоволь смеялась, ничуть не смущаясь его развязной речи. Анатолию Максимовичу

при встрече всегда новый анекдот рассказывала.

Дружила Тоня и с Кариной, вернее, Карина, устроившись в магазин, одной Тоне позволила с собой сблизиться. С ней и посекретничать могла, как со старшей приятельницей, и сплетнями поделиться, и посоветоваться.

...Однажды утром в коллективе появился новый «внештатный сотрудник» – кот по кличке Мурзик. Так всем объявил Анатолий Максимович, который привёз из деревни это рыжее чудо-юдо.

Глава пятая

Такие разные люди

Кот хотел убежать сразу, но люди накормили его мясом, этим и подкупили. Еда! Да ещё какая – настоящее мясо! И не скупится Анатолий Максимович, щедро накладывает свежие кусочки в глубокую миску.

Кот ел, торопился, пофыркивал, глотал, не разжёвывая, – а вдруг отнимут. Кто их разберёт, людей этих! За время своих скитаний он многих повидал, изучил, уразумел, что человек – существо непредсказуемое. Сегодня гладит, завтра побьёт. И ничего ты с ним не поделаешь. Поэтому мясо надо есть сразу, методом мгновенного заглатывания.

Чуть погода Коту опять стало плохо: не стоило, наверное, есть так много и так быстро. И Кот снова задумался о побеге. Обошёл задний дворик, обнюхал все углы и понял: ещё совсем недавно здесь хозяйничала кошка. Её запах, хоть и не сильный, почти выветрившийся, но всё-таки ощутимый, исходил отовсюду.

Ближе к вечеру Анатолий Максимович положил в миску порцию мяса. Кот окончательно запутался в человеческой психологии. Что же получается, размышлял он, набросившись на еду, — кормят сытно, не обижают и ничего не требуют взамен. Возможно ли такое? А вдруг подвох? Помнится, Зая тоже казалась доброй, а потом головой об ванну ударила, струю горячей воды в морду направила и мокрого на балкон выбросила.

Так или иначе, но Кот решил пока не уходить из магазина. Приняли радушно, кормят исправно (на третий день Кот уже не глотал в спешке мясо, а тщательно разжёвывал каждый кусочек, даже смаковал), грех не воспользоваться случаем. Вот перестанут кормить, тогда он и уйдёт, а пока...

Стал магазинным котом, новым домовым, как сказала продавщица Тоня, с которой у Кота (уже Мурзика) завязались дружеские отношения.

Выходя на задний дворик, Тоня подзывала Кота, садилась на корточки и начинала водить по земле травинкой или соломинкой. Кот охотно играл с Тоней, чувствовал её открытость, искренность: такая не обманет, она не умеет притворяться. Даже в те редкие моменты, когда Тоня хмурилась и на повышенных тонах разговаривала с дядей Жорой, Кот знал – Тоня не злится по-настоящему.

А дядя Жора – пройдоха. Опасный тип, себе на уме, и взгляд у него плутоватый. Что поделаешь – невзлюбил старый грузчик Кота.

– Для меня этого вида животных не существует, – назидательно говорил дядя Жора Стасу. – Бесполезные они твари! Толку от котов нуль. А может, и того меньше.

– Кошки мышей ловят, – возражал Стас.

– Ага, ты заставь эту тварь мышей ловить, – дядя Жора кивнул на притулившегося у ящичков Кота. – Он после Толькиного мяса ничего другого не жрёт. Мышей! Скажешь тоже... На казённых харчах морду отожрал и в ус не дуёт.

Дяди Жоры Кот сторонился, зато охотно общался со Стасом. Тот и погладит, и за ухом почешет, и на руки возьмёт, когда старика рядом нет. При нём не смел, стеснялся, что ли? Чудак! В компании дяди Жоры Стас становился другим – грубым, холодным, и смеялся неприятно как-то, громче обычного. Попал

парень под влияние старика, а характером слаб, отпора дать не может. И не хочет – из-за Карины.

Карину Кот воспринимал как странное существо, лишённое всяких чувств. Ходит, как неживая, ни к чему у неё интереса нет, даже Кота погладить и то не желает. Сколько раз он к ней ласкался: об ноги тёрся, мурчал, однажды не поленился, лёг перед Кариной на спину, щурился от удовольствия, думал, поиграет с ним. Куда там! Прошла и не заметила. Обидно!

Страдал от недостатка Карининового внимания и Стас. И так он к ней подобраться пытался, и эдак, когда со смехом и шуткой, когда на полном серьёзе.

– Долго ещё будешь меня бояться? – спросил сегодня Стас, остановив девушку у входа в подсобку.

Карина, как всегда, глаза опустила.

– Молчишь?

– Я тебя не боюсь, – сказала она так тихо, что Стас едва расслышал.

– А в кино со мной пойдёшь? У меня есть билеты.

Карина не ответила, тогда Стас осторожно дотронулся ладонью до её щеки. Девушка вспыхнула, залилась румянцем. Отшатнулась и посмотрела на Стаса не то с ненавистью, не то со страхом.

– Да что с тобой, Каринка?

– Я не могу сегодня, – пролепетала она. – Может... в другой раз.

– Когда? – допытывался Стас.

– Не знаю... не сегодня... Много дел... я...

– Какие у тебя дела, скажи мне, дорогуша ты моя?! – Во дворик вышел дядя Жора. – Ты ври, да не завирайся. Дела у ней сегодня! Деловая какая! Опять весь вечер на диване с книжкой глупой просидишь. Тебя человек в кино приглашает, билеты уже куплены, чего ты ломаешься, зануда?

– Дядь Жор, я сам, – сказал Стас.

– Да погоди ты! – отмахнулся старый грузчик. – Тоже мне, сам с усам. А-а, ну вас...

Дядя Жора скрылся за обшарпанной дверью. Не прошло и минуты, как он вернулся обратно. Пнул ногой проходившего мимо Кота, и сильно ведь пнул, подошёл к падчерице, зло выкрикнул:

– Учти, я все твои романчики любовные в мусоропровод выброшу. Вот! Так и знай! – А ты, – он хлопнул Стаса по спине, – мямля! – презрительно бросил старик и ушёл.

Повисла пауза. Стас смотрел на Карину, а она наблюдала, как Кот облизывал бок.

– Билеты пропадут, – нарушил молчание Стас.

– Сегодня не могу, – Карина развернулась и убежала в подсобку.

Стас громко выругался, схватил деревянный ящик и с размаху швырнул на землю. Второй ящик полетел в стену, третий едва не угодил в выскочившую во двор Тоню.

– О-ой! Стас, ты что, совсем обалдел? Чего творишь?

– Извини, – буркнул он.

– Извини, – передразнила Тоня. – Чуть голову мне не снёс. Что случилось-то?

– Надоели! Достали! – в сердцах крикнул Стас и скрылся за воротами.

– Что с ним? – Тоня нагнулась к Коту. – Мурзик, на кого он взъелся?

Кот озадаченно мяукнул. Тоня потрепала его за ухом.

Глава шестая

Тоня-Антонина

В пятницу вечером Тоня вышла на задний дворик с большой клетчатой сумкой, замызганной и пропахшей прелым картофелем. Поставив сумку на доски, Тоня, озираясь по сторонам, стала звать Мурзика.

Кот сидел на самой вершине горы картонных коробок. Местечко это считалось удачным: сверху открывался прекрасный обзор и весь двор был как на ладони. Обычно Кот, вальяжно растянувшись на коробке, обозре-

вал свою личную территорию, где теперь чувствовал себя хозяином.

Сейчас он смотрел на Тоню. Некоторое время Кот сохранял спокойствие, подёргивал усами, соображая, зачем это он понадобился хохотушке Тоне перед самым закрытием магазина.

Его сбивала с толку клетчатая сумка: сверху Коту вдруг показалось, что она на миг ожила, зашевелилась и ухмыльнулась раскрытой чёрной пастью. Сумка пугала Кота, а так как её принесла сюда Тоня, то и самой Тоне он в данный момент не доверял.

– Мурзик, – звала Антонина, заглядывая под ящики и коробки, – Мурзик-Мурзик-Мурзик...

Тут на заднем дворе появилась Карина. Кивнув Тоне, девушка пошла к выходу, но почему-то остановилась. Продавщицы начали переговариваться. Тоня, казалось, была растеряна и смущена, пожимала плечами, звала Кота. Карина бесцветно улыбалась, то и дело поправляла на плече ремешок сумочки, часто прикладывала к губам носовой платок.

– А что за спешка, Тонь? – спросила Карина и наконец толкнула дверь. – Не сегодня, так завтра.

– Нет уж, – Тоня хохотнула, но лицо её оставалось серьёзным. – Именно сегодня. Я и так уже три ночи спать нормально не могу.

Карина втянула голову в плечи, отчего сделалась совсем жалкой, как больной воробышек, и покинула дворик.

Тоня осталась одна.

— Мурзик! — крикнула она.

Кот мяукнул. Тоня подняла голову и рассмееялась:

— Ты сидел здесь?! Не стыдно? Я весь двор облазила! Не стыдно ему! Спускайся, мне нужна твоя помощь.

Едва Кот спрыгнул, Тоня подхватила его на руки и запихнула в клетчатую сумку.

— Знаю, что пахнет, но потерпи. Придётся потерпеть, Мурзик!

И Тоня вместе с Котом поспешила домой. Жила она на соседней улице, в однокомнатной квартире на втором этаже. Туда и принесла Тоня Кота. Не просто так — с умыслом, с целью.

— Располагайся, — сказала она Коту, скрывшись в ванной. — Походи, освойся, пусть в квартире кошачий дух чувствуется.

Кот прошёл в комнату, сделал круг почёта по красивому ковру с замысловатым рисунком, потёрся головой об ножку круглого столика, покрытого вышитой льняной скатертью. Прыгнул на кровать, заваленную многочисленными подушками, потоптался на покрывале, вдыхая прият-

ный, хотя и немного резковатый аромат Тониных духов.

Ступить на стол Кот не посмел, лишь взглядом «ощупал» изящную вазочку красного стекла и крохотную статуэтку богини, сиротливо стоявшую на самом краю. Зато не побоялся прыгнуть на трюмо: это же не стол, значит, запрет на него не распространяется.

Поверхность трюмо была заставлена не баночками и тюбиками с кремами, как у Марины, а маленькими бронзовыми фигурками гномов, причём одинаковых среди них не было. Гномы словно дополняли друг друга, а все вместе составляли единую композицию. Кто-то держал в руках мяч, намереваясь бросить его стоящему рядом, а тот, другой, уже был наготове и с сосредоточенным выражением лица тянул вперёд руки. Ещё один гном крутил обруч, а два других стояли рядом, смеялись: крошечный гномик схватился за живот, большой гном хохотал, прикрывая рот бронзовой ладошкой.

Маленькие гномы сидели на скамейке, внимательно глядя на вышагивающего перед ними старого гнома. Гном с бородкой читал газету. Чуть левее стояла бронзовая горка, к ней наперегонки бежали три гнома, а четвёртый уже был наверху и собирался скатиться.

Здесь существовал особый мир, мир гномов. Маленькие бронзовые человечки жили своей сказочной жизнью. Казалось, временами гномы оживают, и тогда из угла, где стояло трюмо, слышались различные звуки: шелест листьев, торопливые шажочки, смех и тоненькие, едва уловимые голоса.

Обнюхав напоследок толстого гнома, Кот спрыгнул на пол.

Странно, но Тоня почему-то не накормила его перед сном. Воды налила, а еду дать забыла. И в комнату не пустила, вместо этого закрыла на кухне, кивнув несколько раз на отодвинутую от стены электрическую плиту. Кот ничего не понимал, но сердиться на Тоню не было повода: есть ему почти не хотелось, никакого подвоха он не почувствовал, поэтому полакав воды и обследовав кухню, улёгся спать на мягком стуле.

Ночью, в том самом месте, где по всем правилам должна была стоять плита, а теперь образовалась ниша, Кот услышал треск. Из узкой щели между стеной и кухонной тумбой вылезла мышка. Деловито добежав до следующей тумбы, мышь вильнула хвостом и встала на задние лапы. Кот молниеносно спрыгнул со стула, но мышь оказалась проворней: пулей метнувшись к щели, она скрылась в узком пространстве, словно приведение.

Кота душила досада. Как так — есть он, есть мышь, а поймать её не удалось. Вот оно, значит, какие тут дела творятся, теперь понятно, зачем Тоня принесла его домой. В квартире появилась непрошенная гостья, и хозяйке не терпится от неё избавиться. Что ж... пустяковое дело.

Кот караулил мышь до утра, но она так больше и не появилась. Зато днём осмелилась высунуть мордочку, потом вылезла из щели наполовину, перебрала лапками, повела носиком и, расхрабрившись, нахально пискнула. И опять Кот не успел схватить её. Убежала!

Вечером неправильная мышь (была бы она правильной, Кот бы её давно поймал!) начала откровенно издеваться над охотником: выбегая из одной щели и направляясь к другой, она громко пицала. И совсем не боялась! Ну разве не издевательство?!

...Поймал он её только в воскресенье вечером. Наверное, от злости, а может, от голода, ведь два дня Тоня его ничем не кормила, лишь воду в тарелочке меняла. А голодный кот — страшный зверь. Прав был дядя Жора: когда вдоволь наедаешься мяса, становишься настолько нерасторопным, что даже мыши позволяют себе над тобой издеваться.

В двадцатых числах апреля Кот ушёл из магазина. Ушёл, что называется, по-английски,

ни с кем не попрощавшись. Возможно, он совершил большую ошибку, добровольно покинув сытное местечко, Ночью Кот подлез под воротами, обошёл магазин, обнюхал углы и, не оглядываясь, отправился в дорогу, ту самую, что звала и манила, казалась широкой и светлой. Она должна была привести его к родному дому, к хозяевам.

...Он перестал быть Мурзиком, теперь он снова Кот. Кот, идущий своей дорогой.

Глава седьмая

У реки

Ранним утром над речкой клубилась туманная дымка: влажная и нежная, скользя по зеркальной глади, она отражалась в воде пышным облаком. Земля дышала спокойно и мерно, и от неё поднимался молочно-белый пар – тёплый, насыщенный ароматами трав.

Отовсюду доносилось птичье пение. Трель непоседливых овсянок колокольчиком разливалась над рекой. А у самой воды, на ольхе, громко чирикали и шуршали крыльями воробьи, покачивая тонкие ветки. На соседней берёзе тихо, вполголоса, пел зяблик.

В камышах, вторя птицам, дружно голосили пробудившиеся от зимней спячки молодые лягушки.

Раннее утро... Голоса природы... И Кот бежит вдоль берега по мокрой траве. Вперёд и только вперёд! А там, впереди – Кот остановился, прислушался – вроде слышны приглушённые голоса. Люди? Должно быть, они самые. Подумав, поймав носом спокойные вкусные запахи, Кот пошёл на голоса; сосредоточенный, собранный, готовый ко всему, он ступал теперь осторожно, беспокойно помахивая кончиком хвоста.

...На берегу разговаривали двое: худой рыжий парень и плотный бородатый мужчина лет пятидесяти. Парень стоял у кромки воды и со знанием дела обтачивал перочинным ножиком конец рогатины.

Мужчина сидел на складном стуле, сосредоточив взгляд на беспокойной водной ряби. Несколько раз он тихо говорил парню: «Осторожно, Родька!», советовал держать нож крепче, не делать резких движений.

Родион, или попросту Родька, советы выслушивал, но делал всё по-своему.

Бородатого звали Митяем. Правда, борода ему совсем не шла, старила его, придавала лицу излишней суровости, да и самому Митяю порядком надоела. Но сбривать её Митяй не собирался. И чем сильнее распалялась жена, требуя убрать с лица растительность, тем крепче убеждался Митяй в правоте своих действий. Для себя он решил, что будет

стоять до победного и расстанется с бородой только тогда, когда жена наконец перестанет морить его голодом.

— Пятый месяц она меня одними супчиками да салатиками кормит, — жаловался Митяй Родьке, сидя на берегу в ожидании клёва. — Нормальная еда в доме перевелась. А ей хоть бы хны — на диете она, видите ли, сидит.

— Готовила бы тебе отдельно.

— Так не хочет. Говорит, тогда сама будет едой соблазняться. Веришь, на завтрак геркулесом на воде кормит.

— С трудом представляю, — засмеялся Родька. — И ты терпишь, дядь Митяй?

— Не всегда, — признался тот. — Иногда сам себе готовлю. Только не люблю я это дело, не привык у плиты стоять. Вот ушицу у речки — это да, за милую душу приготовлю, а дома... Не-е, Родька, в семье готовкой должна заниматься женщина, что ни говори, а так правильной будет.

— Долго ты на кашке не продержишься.

— А я про что! Последняя надежда на бороду. Валентина уже сдаёт позиции, вчера картошки на сале нажарила к ужину.

— Прогресс, дядь Митяй.

— А бороду не сбрею, пока есть нормально не станем. Картошка что — происки врага, хитрый ход.

Родька посмотрел на воду.

— У меня клюёт, — он потянул удочку и вытащил средних размеров плотву.

— Маловата, — цыкнул языком Митяй.

— Сойдёт, — Родька бросил рыбу в ведро и, насадив на крючок нового червя, закинул удочку подальше от берега.

Митяй зевнул и поёжился:

— Дни жаркие, а с утра морозец прихватывает.

Родион пожал плечами:

— Мне не холодно.

— Кровь горячая, — Митяй с завистью посмотрел на Родькину тонкую рубашку и потеплее закутался в плотную куртку.

Кота первым заметил Родион.

— Дядь Митяй, к нам гости.

— Это кто же? А-а... Усатый... Тебя каким ветром сюда занесло?

Кот подошёл к стульчику Митяя, потёрся мордой об ножку и замурчал.

— Знает, подлец, что рыбка дармовая есть. Вон как извивается. Ладно-ладно, мы люди не жадные. Родь, дай ему рыбёшку, что поменьше, пусть перекусит.

Родион достал из ведра серебристую рыбку и бросил в траву. Кот поиграл с ней с минуту, но быстро уяснив, что рыба это не мышь и к играм в принципе не приспособлена,

сжевал её вместе с косточками. Осталась на траве одна рыбья голова.

– Наелся? – Родион погладил Кота. – А хороший кот, дядь Митяй. Упитанный.

– Обычный, – ответил Митяй, не оборачиваясь и думая о чём-то своём.

Вскоре Митяй с Родионом накормили Кота вкусной ухой. Уха получилась наваристая, с дымком, и, когда перед Котом на землю поставили пластиковую тарелку, от неё поднимался лёгкий ароматный пар. Кот кружил вокруг тарелки в нетерпении, беспокойно поглядывая на своих новых друзей, и, рискуя обжечься, пробовал горячую уху. Наевшись, устроился под ольхой на куске брезента. Его разморило. Он закрыл глаза и задремал.

Проснулся часа в четыре – ни Родиона, ни Митяя на берегу не было. Ушли. Жаль, конечно, хорошие люди, Коту они понравились. Осторожно встав и сделав несколько шагов, Кот потянулся, выгнул спину, задрал хвост трубой.

Пахло чем-то сладким, знакомым... Неужели уха? Кот юлой завертелся, заметив неподалёку предусмотрительно оставленную рыбаками пластиковую тарелку с ухой. Митяй... Родька... Спасибо вам!

А всё-таки в мире столько хороших людей, размышлял Кот, семена вдоль берега. Взять,

к примеру, Анатолия Максимовича, разве не хороший он человек? А продавщица Тоня? А Митяй, а Родька? Кругом хорошие люди! Кот бежал и улыбался им, улыбался всему свету. А всё плохое забылось, растворилось в весеннем воздухе.

Глава восьмая

Плач скрипки

На следующее утро часов до девяти было пасмурно, но потом резвый ветер, бойко растолкав пышные, словно сероватая вата, облака, расчистил небо. Выглянуло солнце, снова защебетали птицы. Кот бежал по узкому тротуару, изредка поглядывая на проносившиеся мимо машины. Они шипели, шуршали шинами и оставляли после себя неприятный запах, от которого першило в горле.

Небольшой скверик встретил Кота вкусным запахом, но как он ни старался найти его источник, семена по широким чистым дорожкам, обегая многочисленные скамейки и прыгая по мокрому от росы газону, отыскать местечко, где пахло едой, не удалось.

Трава в сквере оказалась невкусной, а вот светло-зелёный листочек подорожника,

едва проклюнувшийся и ещё не успевший как следует раскрыться, Кот съел с большим удовольствием. Потом долго бродил под высоким дубом, вынюхивая оставленные мышами тропки.

В полдень он забрёл в аккуратный закрытый дворик. Присел у тротуара, внимательно осмотрелся. И решил, что дворик этот какой-то, особенный, здесь даже запахи витали необычные.

Казалось, нечто загадочное рождалось в тихом дворике. А какая тишина, словно Кот попал на другую планету. Даже птицы здесь пели не в полный голос, будто опасаясь быть кем-то услышанными.

Высокие тополя шелестели листвой. На взрыхлённой клумбе полная женщина высаживала в землю луковицы тюльпанов. Смуглый молодой мужчина в бейсболке красил зелёной краской металлический бордюр.

Тишина настолько завораживала и успокаивала, что Коту захотелось задержаться в этом симпатичном дворике.

Наблюдая то за женщиной, то за парнем в бейсболке, Кот вдруг слышал звук, от которого на миг внутри у него всё сжалось в комок, дрогнули кончики усов, а хвост помимо воли совершил несколько круговых движений.

Заиграла скрипка. Она плакала, казалось, даже стонала. И стон этот был необычен и прекрасен, он заполнил собой маленькое пространство дворика, пронёсся над верхушками тополей, ворвался в открытые окна, заставил умолкнуть птиц и устремился ввысь, к ярко-голубому небу.

И Кот догадался: эти звуки рождаются не просто так, а с определённой целью — чтобы сделать мир добрее, растопить льдинки зла, жестокости, зависти. Задрав голову, Кот пытался определить, откуда же вырываются эти волшебные звуки.

А ещё скрипка даровала забвение. Прищурив глаза, Кот слушал музыку, на время отрешившись от действительности, забыв все пережитые невзгоды. Он будто снова очутился в своём привычном мире, откуда был так жестоко изгнан и куда так стремился попасть все эти долгие месяцы. Он видел родных людей: Марину, Диму и Дениску. Дениска смеялся, прижимал Кота к груди и целовал его в макушку. А Марина звала всех обедать. Кот ел сухой корм из любимой миски в форме забавного мышонка и чувствовал себя счастливым.

Сейчас он мечтал лишь об одном — чтобы эта музыка никогда не смолкла. Играй, скрипка, играй!

Когда из подъезда, громко хлопнув дверью, стремительно вышел шустрый мужичок в спортивном костюме, Кот от неожиданности отскочил в сторону. Непрестанно проделывая круговые движения руками, забавный лысеющий коротышка громко, с чувством поприветствовал соседку:

– Смотрю, уже копошишься в земле-це-то?

Разогнувшись, женщина махнула рукой:

– Опять мне больше всех надо. А с другой стороны, кто, если не я?

– Правильно-правильно, Семённа, труд облагораживает человека. – Коротышка, всё продолжая махать руками, стал приседать. – Без труда, Семённа, вкусно не поешь и мягко не поспишь. Глянь, откуда такой кот у нас во дворе?

Семённа бегло взглянула на Кота:

– Видать, приبلудился.

– А я сегодня всю ночь не спал. Да! Соседи музыку слушали. Угомонились только под утро, ёлочки-палочки! Без соображения люди, только о себе думают. Что другие уснуть не могут, им плевать. – Коротышка вытянул руки и начал поочерёдно поднимать ноги. – И раз, два, три, четыре. И раз, два, три, четыре. Я чего думаю, Семённа, у самых бал-

конов надо бы тюльпанчики посадить. А чуть подальше эти... как их... беленькие такие, с жёлтым пятнышком посередке... Красивенькие такие... Ох, спина моя, прямо разламывается. Нарциссы, Семённа! Ты как считаешь? Они здесь к месту будут, такой колорит создадут, ёлочки-палочки. И раз, два, три, четыре! И раз, два, три, четыре! Стой! Раз-два.

Они начали переговариваться, и звуки скрипки потонули в потоке людских голосов. Кот с неприязнью смотрел на коротышку, который своим появлением нарушил идиллию. А коротышка между тем, покосившись на балкон на третьем этаже, разразился тирадой:

— Что за семья, ты подумай! Каждые выходные одна и та же история. Скрипачи, ёлочки-палочки! Пилик-пилик, пилик-пилик. И ведь с утра пораньше, чтобы все их пиликание услышали. Воскресенье. У людей законный выходной, можно сказать, праздник, а эти... совсем без понятия... музыкантишки, ёлочки-палочки.

— Да нет, Славик красиво играет, — с улыбкой возразила Семённа. Она держала в руках хилую луковицу, решая, сажать её или отложить в сторону, как забракованную.

— Скажешь тоже, красиво играет! Какая польза от его игры? Мне вот скрип этот на нервы действует. — Коротышка на миг прекратил

свою зарядку. — Его пиликанье мурашками по спине отдаётся. И раз, два, три, четыре! Лучше бы люди делом занялись или спортом, всё польза для здоровья. А то скрипка! Тут ума большого не надо — возьми этот... палка-то их как там называется?

— Смычок.

— Во! Смычок возьми и пиликай, пока голова не треснет. И раз, два, три, четыре! И раз, два, три, четыре! А со Славкой надо будет опять поговорить, не дело это, люди по выходным отдыхать должны. Стой! Раз-два. Семённа, а этих... опять забыл... беленькие с жёлтеньким пятнышком... Нарциссы! Нарциссиков-то посади. Красиво будет: зелёная травка, а тут они — беленькие, с жёлтым пятном. И раз, два, три, четыре! И раз, два, три, четыре!

Когда коротышка ушёл, умолкла и скрипка. Кот ещё долго сидел у куста шиповника, ожидая музыки. Но скрипка так больше и не заплакала. Наверное, выплакала все свои слёзы и успокоилась.

Что ж, успокоился и Кот. Обойдя дворик, он выбежал через арку на оживлённую улицу.

Отгремели майские праздники, десятого числа, утром, стараясь смыть с города остатки праздничного беспокойства, зарядил тёплый весенний дождь. Едва первые капли

коснулись пыльного, распаренного солнцем асфальта, Кот свернул с тротуара и, чуть подпрыгивая, спустился по узким неудобным ступенькам и оказался во дворе высотки.

Дождь серебрил траву на газонах, умывал молодые нежно-зелёные листья, и они тихо шелестели, словно благодарили его за живительную влагу.

Дождь принёс облегчение не только растительности, прилив сил ощутил и Кот. Переждав дождь под деревянным грибком на детской площадке, он первым делом напился из глубокой лужи и побежал к продуктовому магазину. Бежал и гадал, куда на этот раз выведет его хитрая дорога.

...Пелена застилала ему глаза, Коту приходилось часто останавливаться и тереть их лапой. Уже несколько дней он видел всё словно в тумане, очертания предметов стали нечёткими. Не сразу Кот догадался, что это не туман, — это слепота. Он стремительно терял зрение. Что ж, восемнадцать лет для кота — возраст более чем почтенный. Видно, старость решила сыграть с ним такую вот не-весёлую шутку

К полудню он добежал до старой недавно отреставрированной церквочки. Небольшой белокаменный храм стоял на холме, вдали от оживлённой дороги и жилых домов. После

дождя золотые купола его так сверкали, что слезились глаза.

Кот кустами пробрался к входу и остановился у открытых тяжёлых дверей. Старая женщина в чёрном платье и чёрной косынке шикнула на него и вошла в церковь. Кот пригнулся у высокой металлической ограды, густо заросшей душистой сиренью. Отдохнул несколько минут и ужом проскочил между двумя толстыми прутьями.

День Кот снова провёл в дороге, и вот майская ночь бесшумно легла на город...

Глава десятая

Говорящий попугай

Всё чаще Кота преследовали видения прошлого. Ночью их навязчивость пугала, днём они дарили ему надежду. Он окунался в воспоминания и черпал в них живительные силы для дальнейшего своего существования.

Кот лежал в густой траве под длинным серым забором, его глаза были полузакрыты. Постепенно пространство вокруг него наполнилось теплом и знакомыми запахами. Совсем близко послышался голос Дениски и шум воды (так шумела вода только на их кухне, когда Марина мыла посуду).

Кот догадался: он у себя дома. Вот и большая комната, аккуратно убранная, светлая и просторная. На полу лежит мягкий ворсистый ковёр. Как приятно было вздремнуть на нём после обеда, свернувшись калачиком.

Вот она – родная комната. И пахнет здесь по-прежнему: приятной свежестью, нежностью и сладкими блинчиками, приготовленными Мариной.

Кот сидит у шкафа, умывается, он только что сытно поел, теперь у него две задачи: умыться и вздремнуть...

...Да, в тот день всё так и было, память его не подводит: он сидел у шкафа, умывался, Марина мыла посуду, совсем ещё маленький Дениска играл в своей комнате, как вдруг...

– Мама, – закричал Дениска, забежав в кухню. – Там попугайка.

– Что за попугайка? – улыбнулась Марина.

– Попугайка, – повторил Дениска и потянул мать за рукав в комнату.

На спинке детской кровати сидел волнистый попугай бирюзового цвета. Марина ойкнула.

– Откуда он?

– Не знаю, – пожал плечами довольный Дениска. – Я играл... попугайка чирикнул... он уже сидел там.

В городе волнистые попугайчики часто вылетают из квартир через открытые окна, и странствуют до тех пор, пока не погибают. А если повезёт, находят какое-нибудь распахнутое окошко и залетают в дом.

Бирюзовому попугаю повезло, и теперь он без всякого страха выжидающе смотрел на людей.

— Мам, попугайка теперь наш? — спросил Дениска.

— Наверное, наш, — пожала плечами Марина. — Я папе позвоню.

Кота в комнату не пустили, объяснив, что туда нельзя. Он не настаивал: нельзя так нельзя, да и чего он там не видел-то, в самом деле.

Конечно, Коту было любопытно, но своим хозяевам он доверял и запретов их старался не нарушать, потому послушно вернулся в большую комнату и улёгся спать.

Вечером Дима привёз клетку, и поселился в этой клетке маленький волнистый попугайчик Кирюша. Имя ему придумывали всей семьёй. Кота попугай ничуть не боялся, очевидно, в доме, откуда он улетел, жили кошки, и вид здорового рыжего котищи Кирюшу не пугал, а скорее, радовал, оттого волнистик и начинал лазать по металлическим прутьям, цепляясь за них клювом, едва в комнату входил Кот.

— Кот ему нравится, — смеялась Марина.

— Похоже, из всех нас Кирюшка выбрал Кота, — соглашался Дима.

А Кирюшка чирикал-чирикал недели полторы и вдруг выдал секрет:

— Тоша хороший, — радостно сообщил он. И началось: — Тоша! Хороший! Хороший Тоша.... Тоша-Тоша... Хороший-хороший...

С говорящим попугаем не поспоришь: раз сам назвал своё имя, значит, так тому и быть. Кирюша стал Тошей.

Чётко выговаривал он три фразы: Тоша хороший! Тоша большой умничка! Тоша-Капитоша!

Марина стала обучать попугая новым словам; Дениска приходил в восторг, слыша от Тошки забавные фразы; Дима настойчиво советовал выпускать попугая из клетки — размять крылья.

Стали выпускать, а к концу лета нечаянно прижали Тошку дверью ванной. Опустела клетка, но Кот ещё долго запрыгивал на стол и смотрел немигающими глазами в пустоту, будто бы видел, как Тошка встречает его, цепляясь коготками за прутья.

Кот и теперь, лёжа под серым забором, слышал бойкий голосок Тошки... Э-эх, нет, это не Тошка поёт. Кот открыл глаза. На заборе сидели вездесущие воробьи и чирикали на все лады.

Ближе к вечеру, разомлев на солнышке, Кот совершил непростительную ошибку: расслабился, потерял бдительность, вновь став пленником мучительно-притягательных видений.

И вдруг... Огромная разъярённая собака ворвалась в мир его воспоминаний – только уже наяву. Её жаркое дыхание ударило Коту в морду, жёлтые зубы заскрежетали над самой его головой, лай оглушил.

Кот успел отскочить в сторону, собака метнулась за ним, но он скрылся под стоявшей рядом машиной. А потом, дождавшись удобного момента, вылез и, перебежав двор, вскарабкался на макушку высокого тополя. Но даже там не почувствовал себя в безопасности. Внизу захлёбывалась лаем собака: она злилась – на себя за нерасторопность и на Кота – за наглость.

Наступила ночь. Собака убежала, Кот по-прежнему лежал на ветке тополя. Спускаться он не спешил: недостижимая высота даровала временное успокоение. И снова перед ним проплывали видения – картины его прошлой жизни.

Вот опять комната, но уже незнакомая, почти пустая. Димкина мама держит Кота на

руках, чешет за ухом и говорит что-то хорошее, доброе. У окна стоит молодая женщина и с кем-то разговаривает, но Кот не видит её собеседника... Давно это было... Шестнадцать лет назад, ещё до поездки в ветеринарную лечебницу...

Коту тогда исполнилось два года, и он был так хорош собой, что знакомая Диминых родителей пожелала пригласить его на вязку к своей кошке.

Кошку звали Сима. Огромная, раскормленная любящей хозяйкой до размеров маленького барашка, она была настолько пуглива, что при виде посторонних, если не успевала спрятаться под кроватью, оставляла на полу небольшую лужицу. Белоснежная шерсть Симы лоснилась и аккуратными прядками свисала по бокам, ярко-зелёные глаза смотрели подозрительно, на шее красовался большой алый бант – совершенно ненужный аксессуар.

Впрочем, по приезде Кота бант с Симы сняли. Кошка сидела на руках у хозяйки и дрожала от страха.

Сима почувствовала запах кота.

Кот почувствовал запах кошки.

– Ну что, отпускать? – неуверенно и вроде даже с опаской спросила хозяйка Симы.

– Давай попробуем, – ответила мама Димы. – Положи Симу на кровать.

Их оставили одних — кота и кошку. И если Кот, увидев Симу, проявил некоторую заинтересованность, подошёл к кровати, поставил передние лапы на матрас, принялся, с любопытством разглядывал новую знакомую, то Сима повела себя агрессивно. Она-то не планировала заводить котят. Да и трусиха оказалась ещё та, и обиделась не на шутку, что бросила её любящая хозяйка наедине с этим рыжим. Видимо, поэтому и набросилась Сима на Кота с диким воплем. Нападение — лучшая защита. Вот она и защищалась.

Женщины прибежали, растащили своих питомцев, стали выговаривать им, объяснять правила хорошего тона и прочую подобную чепуху.

Оставили их наедине ещё раз. И снова неудачно — та же история.

Вспомнив, что Бог любит троицу, хозяйки решили предпринять последнюю попытку. Вышли, закрыли за собой дверь, отправились на кухню допивать остывший чай. Разговаривали, прислушивались к воцарившейся в соседней комнате тишине и вопросительно смотрели друг на друга.

А Кот в это время смотрел на кошку. Сима разрешила ему коснуться носом своего розового носика. Кот его лизнул и потёрся мордой об упитанную мордочку Симы...

Через два месяца Сима окотилась. Четыре котёнка пищали в просторной коробке. Трёх через месяц забрали, четвёртого, самого большого, рыжего, с голубенькими глазками (скоро они стали янтарно-жёлтыми), хозяйка Симы решила оставить себе.

...Видение исчезло. Ночная прохлада обняла Кота, и он очнулся.

Глава двенадцатая

На дереве

Перевернувшись на ветке так, что теперь его морда упиралась в шершавый ствол, Кот на миг зажмурился. Не мешало бы отсюда слезть, не мешало бы спуститься ниже, перебраться на толстый узловатый сук, опустить передние лапы и... Кот снова зажмурился. В это невозможно было поверить, но он боялся спускаться. Страх накрепко припечатал его к длинной изгибистой ветке.

Немного поразмыслив, Кот облизал растопыренные пальцы левой лапы, посмотрел вниз и глубоко задумался. Страх ли это? А быть может, не страх держит его здесь, на высоте пятого этажа, а жгучее желание жить? Для того чтобы слезть с такой высоты, необходимо проявить всю ловкость и гибкость. Для кошек это сущие пустяки, скажет

любой, но... Кот старый, больной, он едва держится на толстой ветке. Ему уже не под силу такой подвиг, он не сумеет, не справится с вертикальным спуском.

Ночь нехотя сползла с неба, уступив место сначала серому, а потом и прозрачному рассвету. Было влажно и зябко, пахло сырой землёй, будто всю ночь хлестал дождь. Или нездоровилось Коту? Распевались городские птицы, своим многоголосьем они приветствовали прохладное утро.

Птицы пели, а он страдал. Страдал от одиночества, от несправедливости, тоски, отчаяния, боли, бессилия, уныния и страха.

Солнце поднималось выше и вскоре, по всем законам природы, начало клониться к тонкой линии горизонта. За целый день Кот не издал ни звука, он не просил о помощи, ничем не выдавая своего присутствия на высоком тополе, росшем у подъезда девятиэтажного дома. Кот сидел на ветке и ждал чуда, которое, по его разумению, обязательно должно было произойти. Чудо поможет ему спуститься с дерева, прогонит страх, успокоит боль.

Но чуда не случилось. И едва наступила новая ночь, мутное небо плаксиво разлилось дождём.

Очередная ночь на дереве, без еды, без питья, без возможности размять лапы, накрыла Кота.

Она оказалась коварнее первой: у Кота появился зуд за правым ухом. Нестерпимый, доводящий до полуобморочного состояния – а почесать нельзя. Там, внизу, – другое дело, там это не проблема: поднял заднюю лапу, выгнулся чуток – и чеши, пока не устанешь. А здесь? Как унять зуд, если не чувствуешь под лапами земной тверди, если мокрая и скользкая от дождя ветка тополя – единственная твоя соломинка?

К утру зуд стих. Или Кот настолько с ним смирился, что просто перестал его замечать. Ко всему привыкаешь: к хорошему ли, к плохому, привычка смягчает чувствительность, а жить можно даже на высоком дереве, лёжа в неудобной позе на ветке, обхватив её ослабевшими лапами. Нет, долго он здесь не протянет. Да что там говорить, ещё день – и силы его покинут, Кот перестанет чувствовать собственное тело, лапы онемеют и он, ослабив хватку, мешком рухнет вниз.

Не спасёт даже пресловутая кошачья привычка переворачиваться в полёте, чтобы приземлиться на лапы.

...Днём листва зашуршала и упитанный голубь уселся на край длинной ветки. Кот смотрел на него как на инопланетное существо. Голубь заметил Кота, отряхнулся, взъерошив перья, и начал крутиться. Как заведённый. Словно исполнял ритуальный танец или красовался перед Котом, выделявая на краю ветки всевозможные акробатические трюки.

Кот увидел, как из голубиного хвоста выпало перо; вальсируя, оно полетело вниз, на землю, туда, куда так стремился попасть Кот. Как же ему сейчас хотелось стать таким вот лёгким пёрышком! Ничем не отягощённым, почти невесомым — чтобы сорваться с ветки и полететь к земле, плавно, кокетливо пританцовывая.

Погрузившись в наплывающие видения, — теперь они казались единственным спасением и уже не разрывали душу, напротив, ласкали и согревали её — Кот задремал.

Подхватившее его тёплое ватное облако шептало милые слова убаюкивающим голосом Марины, а маленькие светлые облачка весело смеялись искристым смехом Дениски.

Внезапно пронзительный звук автомобильной сигнализации вернул Кота из забытья. Он тряхнул головой. Посмотрел вниз,

увидел там полную женщину в ярко-красной кофте. Мяукнул. Но женщина его не услышала, поднялась на крыльцо и скрылась в подъезде.

Кот попытался отыскать взглядом голубя. Увы, тот давно улетел, а ведь мог бы ещё остаться, в его компании Коту было бы не так одиноко. Может, ещё вернётся? Хотелось бы...

Внизу сновали люди: кто выходил из подъезда, кто входил, кто шёл по тротуару мимо тополя, вниз, к автобусной остановке. Вконец обессилив и уже не надеясь ни на что, Кот стал мяукать.

Он мяукал, встав, на свой страх и риск, на все четыре лапы. Несмотря на опасность сорваться, Кот заставил себя развернуться и — это уже было настоящим героизмом — перейти на нижнюю ветку.

Сперва опустил одну переднюю лапу, медленно, осторожно, затем, ощутив твёрдую поверхность, и вторую. Удалось. Но пришлось с минуту отдохнуть, замерев в неудобной позе. А что делать? После двух суток неподвижного сидения на ветке у него ныли кости и кружилась голова.

Преодолев страх, Кот спустил на ветку задние лапы. Он лёг, не понимая ещё, радоваться ли, что сумел преодолеть первое препятствие, или огорчаться перспективе

провести на тополе последние минуты своей кошачьей жизни.

Он мяукал и мяукал – уже громко и призывно, смотрел вниз на людей, взывая к помощи.

Но люди были слишком заняты своими проблемами, чтобы слышать мольбу старого рыжего кота. Ну сидит какой-то кот на тополе... И что? Пусть сидит. На то он и кот, чтобы лазать по деревьям. Ему страшно, и не получается самостоятельно слезть? Такого не может быть: кошки отличные «альпинисты». Кот больной и слабый? Чепуха! Ведь залез же он каким-то образом на дерево, хватило и сил, и здоровья, и ума, значит, и слезть получится.

Но некоторые всё же останавливались, жалели кота:

– Надо же, смотрите, как кошка высоко забралась.

– Без собаки тут не обошлось.

– Да-да! Верно-верно!

– Наверное, слезть не может, дурачок.

– Да-да, о чём и речь.

– Вот это вскарабкался!

– Кис-кис-кис, где ты там? Ой, я его вижу!

Люди стояли, смотрели, разговаривали, уходили. Время шло, бежало, несло – наступила третья ночь.

Яркая вспышка света заставила Кота посмотреть прямо перед собой. Окно квартиры. Оттуда льётся жёлтый свет. Через тонкую прозрачную занавеску Кот увидел невысокого мужчину в белой футболке.

Мужчина курит на балконе уже третью ночь подряд – в одно и то же время. Вчера Лев Владимирович безучастно смотрел во тьму, сейчас же он явно старался разглядеть Кота, которого заметил на дереве ещё днём.

Свет в комнате погас, на балкон вышла жена Льва Владимировича.

– Сидит? – шёпотом спросила она.

– Сидит, – в тон ей ответил муж.

Клара Наумовна включила фонарь, и любопытный луч света начал шарить по кроне тополя.

– Лёва, я ничего не вижу.

– Левее, мать. Левее!

Поймав свет, Кот зажмурился.

– Вон он! – удовлетворённо сказала Клара Наумовна. – Да он дрожит весь.

– Тебя бы, мать, на дерево посадить, посмотрел бы я, как бы ты дрожала. Конечно, дрожит: самому-то не спуститься, а снимать никто не собирается. Задрожешь тут!

– И что теперь? – в вопросе Клары Наумовны слышалась решительная заинтересованность.

– Теперь, мать, пошли спать. И фонарь выключи. Ни к чему эта иллюминация. – Лев Владимирович бросил окурок и, взяв из рук жены фонарь, прошёл в комнату.

Клара Наумовна поспешила вслед за мужем.

Кот истошно молил о помощи, его крик разносился по двору, проникая в каждую квартиру. К полудню к тополию подтянулись местные жители. Все смотрели на Кота, слушали его жалобное, испуганное мяуканье, думали-размышляли, как спасти несчастное животное.

– В МЧС никто звонить не пробовал?

– Да брось ты, Маша, ну когда это МЧС-ники кошек с деревьев снимали?

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Кому же, как не им, звонить? Или пожарный расчёт вызвать – тоже дело. На худой конец участковому сказать.

– Вы, бабы, сейчас договоритесь до вызова омонцовцев. МЧС! Куда замахнулись! – скрюченный дедок ехидно захихикал. – Пошугать хорошенько надо, кошка сам с дерева слезет. Водой окатить, допустим. Куда ж он денется! А то – МЧС... Расчёт пожарный... У кого-то,

может, дом горит, а тут кошку с дерева снимать.

– За границей давно существуют специальные службы...

– То у них, – перебил молодую женщину старик. – Чего сравнивать.

– Бросьте, Ван Ваныч! – в нетерпении выкрикнула женщина. – Конечно, надо в МЧС позвонить или пожарников вызвать, попытка не пытка.

– Не приедут они, Аля, – сказала Клара Наумовна. – Звонила я уже и им, и «ноль один» набирала. Не занимаются, говорят, кошками.

– А я про что, – засуетился довольный Ван Ваныч. – Водой его окатить!

– Ну правильно, никто ничем у нас не занимается, никто ни за что не ответственен, а с ним-то что делать?

Кот продолжал кричать, сердобольные люди продолжали обсуждать актуальную тему.

Наконец залезть на дерево решил Андрей – крепкий парень, кандидат в мастера спорта по боксу.

– Вниз не смотри, – напутствовал его Ван Ваныч. – А как доберёшься, так за шкирман его, подлеца. За шкирман хватай!

– Андрей, аккуратней там, – беспокоилась Клара Наумовна.

Андрей долез до уровня четвёртого этажа и замер в нерешительности. Однако моральная поддержка со стороны многочисленных соседей и их вера в его бесстрашие придавали парню сил. Удалось подняться ещё на пятнадцать сантиметров. Шаг... Остановка. Быстрый взгляд вниз... Голова закружилась, мокрые ладони судорожно вцепились в ветку.

– Что там, Андрей? – доносилось снизу.

– Ты в порядке?

– Не упади, держись крепче!

Андрей прижался к стволу. Его била дрожь, ватные ноги перестали слушаться.

– Я... Мне придётся слезть, – крикнул Андрей, переставив ногу на нижний сук. – Пролёт слишком большой между ветками... обувь у меня неудобная...

Догадался ли кто об истинной причине отступления, или соседи действительно поверили Андрею – неизвестно. Только остался Кот сидеть на ветке, истошно голосил и всё ждал от людей помощи.

Глава пятнадцатая

Видения-воспоминания

Прохладный вечер, сменив душливо-жаркий день, принёс покой. Кот умолк.

И снова очутился в своём счастливом прошлом — может быть, в последний раз.

...Всё началось с того, что Марина узнала о существовании клуба любителей кошек, в котором несколько раз в год устраивались выставки беспородных домашних питомцев. Марина обожала Кота и не могла лишиться его шанса показать себя во всей красе. Она и Диме решительно заявила, что следующая выставка принесёт Коту главный приз.

Мысленно Марина уже видела светлый, празднично убранный зал, ряды столов, многочисленные клетки, где возлежат четвероногие участники выставки. И, конечно, красавца Кота и его клетку, украшенную розеткой из разноцветных атласных ленточек. И — непременно — кубок победителя.

Марина самозабвенно готовила Кота к предстоящему триумфу, в котором она ни минуты не сомневалась.

Кот был ухожен от усов до кончика хвоста, питался правильно, видимых (и невидимых) дефектов не имел, по темпераменту относился к котам-сангвиникам. Идеальный экземпляр для выставок!

...Настал день «Х». Марина нервничала. Волнение хозяйки передалось и Коту. Всю дорогу до клуба он просидел мрачный, явно не понимая важности предстоящего мероприятия.

Приехали в клуб, миновали просторный многолюдный вестибюль. Кот только успевал стрелять глазами по сторонам. Сквозь прорези переноски он видел других кошек, так же как и он запрянутых в переноски и корзины, слышал их голоса — надрывные и спокойные, резкие и приглушённые. Ощущал в воздухе стойкий кошачий дух.

— О-о! Мне кажется, у нас появился главный претендент на победу. Шикарный кот, — восхищённо заметил эксперт во время предварительного осмотра участников.

Марина зарделась, она знала, верила, что Кот произведёт должное впечатление.

Коту присвоили семнадцатый выставочный номер, и Марина впорхнула в зал, словно на крыльях. Скоро... Скоро её Кот получит главный приз.

Хозяйка белого кота, которая слышала слова эксперта, оказалась соседкой Марины. Они стояли рядом и, расчёсывая своих питомцев, мило улыбались друг другу.

— Первый раз? — спросила хозяйка белого кота.

— Первый, — кивнула Марина. — А вы?

— Пятый.

— Красивый у вас кот.

— Барон! Четырежды первые места занимал, — не без гордости сказала женщина.

Марина промолчала, невольно почувствовав себя виноватой перед хозяйкой Барона. Да, он действительно хорош, но сегодня-то первое место получит Кот.

– И ваш ничего, – добавила собеседница, встряхнув чёрно-белый баллончик. Затем она сняла колпачок и направила факел аэрозоля на белоснежную шерсть Барона. – Для объёма, – пояснила она, поймав удивлённый взгляд Марины. – Хотите?

– Нет, спасибо, нам не надо, – Марина нагнулась к Коту и поцеловала его в нос. – У нас хорошая шерстка, да, мой сладкий?

Хозяйка белого кота достала шприц, и, набрав воды из прозрачной бутылочки, стала поить своего Барона.

– А почему так? – недоумевала Марина.

– Иначе не пьёт на выставках. К миске не подходит, приходится только через шприц.

Марина огляделась. В суматохе она забыла взять из дома воды, пришлось обратиться к соседке, но та не спешила делиться; кивнув на выход, равнодушно пояснила:

– В коридоре кулер. Стаканчики там же. Бесплатно, – добавила она, усмехнувшись.

За Котом женщина обещала присмотреть, и Марина поспешила к выходу.

Кот даже не понял, что с ним произошло. Едва Марина скрылась, женщина достала из сумочки ампулу, присела, а потом её рука со

шприцем возникла перед клеткой... Кот дёрнулся, прижался к прутьям.

Вернулась Марина, перелила в миску воду из стаканчика, взялась за расчёску.

Коту стало плохо ещё до начала выставки. Ветврач поставил диагноз – стресс, зачем-то промыл Коту желудок, сделал укол и настоятельно рекомендовал Марине возвращаться домой. А перед самым её уходом добавил:

– Если к вечеру состояние не улучшится, везите в ветлечебницу. Могли отравить.

Марина только растерянно моргала:

– Кто?! Как?! Когда?!

– Отлучались? Одного оставляли?

– Нет! Нет... Только за водой ходила.

– У вас хороший кот, – сказал врач. – Поверьте, подобное на выставках не редкость. Впредь будьте осторожны. Конкуренция, зависть. Увы, и здесь их предостаточно.

Ни сил, ни желания вернуться в зал для выяснения отношений с хозяйкой белого кота у Марины не было. А вдруг и в самом деле всему виной стресс? Пусть так, шептала Марина, пусть лучше стресс, чем неизвестная гадость в организме.

Вечером Кот оклемался. А Марина долго пыталась понять, что же всё-таки произошло на выставке.

...Кто-то громко хлопнул дверью, вырвав Кота из забытья. Кругом темень, значит,

опять пришла ночь. Которая по счёту? Кот отчаянно замыкал.

Сегодня ему исполнилось восемнадцать лет.

Глава шестнадцатая

С мёртвой точки

Своих детей у Клары Наумовны не было, мамой её называл племянник Эрнест, усыновлённый тёткой после гибели родителей. Давно это случилось, двадцать пять лет прошло, а порой кажется, всё было только вчера. И стоит одиннадцатилетний Эрик в прихожей тёткиной квартиры, всхлипывает, глотая слёзы. А Клара Наумовна прижимает племянника к себе, целует и говорит, говорит что-то. А Лев Владимирович ей поддакивает.

Эрик долго их сторонился, всё присматривался, думал. Но постепенно прижился в новой семье, где его искренне любили. Нет, он не забыл своих родителей, но наступил день, когда мальчик назвал Клару Наумовну и Льва Владимировича мамой и папой.

...Из института Эрик вышел с красным дипломом, вскоре женился, стал, по словам Льва Владимировича, настоящим человеком.

— В таком кабинете, такой начальник! Мать, есть ведь и наша в том заслуга.

Чем удачней складывалась карьера сына, тем больше робела перед ним Клара Наумовна. Позвонить лишний раз стеснялась. А вдруг Эрик занят, или отдыхает, или не в настроении...

К родителям он внимателен, этого не отнять: купил участок за городом, дом выстроил кирпичный, машину отцу подарил, деньгами регулярно помогает.

— Хорошего сына воспитали, — радовалась Клара Наумовна.

...Проснулась она в семь утра. Её разбудил детский плач.

На дереве кричал рыжий кот.

Бедный кот, думала Клара Наумовна, стоя на кухне у окна. Сколько раз она просила спилить дерево, и соседи жаловались, что из-за этой зелёной махины буквально света белого не видят.

Теперь вот кот с тополя слезть никак не может.

В начале десятого проснулся Лев Владимирович. Клара Наумовна нерешительно спросила:

— Лёва, может, Эрику позвонить?

— Позвони, мать, позвони, что-то он заболтался последнее время. И Танюшка не звонит. Как там наши мальчишки, каникулы скоро, приедут, нет?

– Да я по другому поводу, Лёва. Кот вон орёт, сердце кровью обливается.

– А Эрик при чём?

– Ну как... посоветует, куда обратиться можно. Все же отказали...

– Мать, если ищешь повод поговорить с Эриком, считай, ты его нашла. Позвони!

...Сын внимательно выслушал её путаную речь, просил, чтобы Клара Наумовна успокоилась. Просьба матери помочь бездомному коту удивила Эрика, но он обещал подумать и передал привет отцу.

Через полчаса позвонила девушка, попросила назвать точный адрес, сообщив, что к полудню к ним подъедут с телевидения и снимут сюжет про кота-пленника.

Клара Наумовна была поражена.

– Телевидение, Лёва, – только и смогла она произнести, повесив трубку.

Потом постепенно пришла в себя, засуетилась, забегала, словно ей предстояло стать главной героиней сюжета.

– Не пойму, – недоумевал Лев Владимирович, – телевидение-то что может сделать? Они что, со своими камерами и микрофонами полезут на дерево брать у кота интервью?

– Лёва, что за шутки?! Телевидение – это сила. Да-да, не хмыкай. Сюжет снимут, в новостях пустят, а там уж все зашевелятся.

Чего ты хохочешь, иди рубашку переодень. И галстук, Лёва. Галстук обязательно.

– Мать, остынь. Ну приедут, допустим, с телевидения. Снимут сюжет. Но пускать его в новостях... Чтоб в новостях – и про кота? Ты сама-то в это веришь?

– Ай, Лёва, новости не одной политикой забиты. Вспомни сюжет про дворнягу на льдине. Спасали её спасатели? Спасали! И где это показали? Правильно, в новостях.

Клара Наумовна вошла в кухню нарядная, надушенная.

И побежала к соседке сообщить о приезде телевидения.

Глава семнадцатая

Спасатели

Машина, из которой вышли корреспондентка Майя – высокая молодая женщина с лицом приятным для общения (именно так окрестила её Клара Наумовна) – и оператор Артём, подъехала к подъезду в начале второго.

У тополя собрался народ: новость, что судьбой рыжего кота заинтересовалось телевидение и во дворе будут снимать сюжет, взбудоражила местную общественность.

Корреспондентка Майя начала разговор без предисловий:

— Так! Вопли кошачьи слышу. Так! Мальчик, отойди отсюда, ты мне мешаешь. Так! Артём, пока ничего не снимай. Э-э... Это что, он так несколько дней орёт?

Народ зашумел. Кто про кота рассказывал, кто своими бедами спешил с телевидением поделиться. Ван Ваныч, опираясь на клюку, пытался добиться от корреспондентки ответа на злободневный вопрос:

— Значит, новости о кошках теперь важнее новостей о живых людях?

Не слыша его слов, Майя перешагнула через невысокую ограду, задрала голову, прищурилась.

— Так! А кота я не вижу, где он орёт-то?

— Отсюда его почти не видно, но если...

— Нет, так не годится. Мне нужно его видеть, и Артёму нужно его видеть. И камере нужно видеть кота. Понимаете?

— От меня, от меня можно его увидеть, — Клара Наумовна нервничала. — С балкона очень хорошо видно кота, можем подняться ко мне. Знаете... — она зарделась и, словно вдруг решившись, выдохнула: — Это ведь я позвонила сыну... Эрику... А Маргарита по его просьбе связалась...

— Так! Тогда поднимаемся к вам? — резко спросила Майя. — Отлично. Артём, пошли.

На балконе, увидев Кота, Майя улыбнулась:

– Так! Другое дело. Артём, сними его.

Пока оператор топтался на балконе, Майя прошла в кухню, попросила у Клары Наумовны стакан холодной воды и кому-то позволила.

– Так! Спасатели сейчас подъедут, – отработовала Майя, глядя в окно.

– Как? Уже? А сюжет?..

– И сюжет будет. Орущего на дереве кота сняли. Артём, у тебя всё в порядке?

– Лучше не бывает, – отозвался оператор.

– Работу спасателей снимем. Сюжет готов.

– И в новостях пустите? – с сомнением спросил из прихожей Лев Владимирович.

– Пустим в конце новостного ряда, для разрядки. Вы мне ещё водички не нальёте?

Клара Наумовна потянулась к кувшину.

Спасатели, их было трое, постояв у дерева, рассредоточились по двору: один вернулся к машине, со вторым о чём-то живо беседовала Майя, у третьего завязался разговор с жильцами. Каждый считал своим долгом внести посильную лепту в операцию по спасению Кота, каждый давал спасателю советы, как правильно, а главное – безопасно и оперативно – спустить животное на землю.

Второй спасатель в компании Майи подошёл к дереву, кивнул коллеге, и они втроём зашли в подъезд.

— Не ко мне ли? — спросила Клара Наумовна, отделившись от толпы.

— Так! Клара Наумовна! — крикнула Майя. — Необходимо ещё раз вашим балконом воспользоваться.

— Иду-иду, — Клара Наумовна торопливо поднялась по ступенькам.

В это время автомобиль Службы спасения, развернувшись между третьим и четвёртым подъездами, подъехал к тополю.

...Спасатели вышли на балкон, Майя втиснулась следом.

— Вон он, ребят.

— Кот уже не жилец, — сказал один из спасателей.

— Почему вы так говорите? — встрепенулась Клара Наумовна.

Не ответив ей, парень перегнулся через ограждение и громко свистнул.

— Саня, ещё чуть правей! Давай-давай!

Наконец спасатели спустились вниз. Самый высокий, именно он сказал, что Кот не жилец, подошёл к машине и ловко влез в корзину подъёмника.

Поднявшись на нужную высоту, корзина пошла левее; вот она уже коснулась листвы, спасатель руками отвёл ветку, вторую, слышался треск, потом свист — и корзина замерла.

Внизу прокатилась волна оживления.

— Не пройдёт, — крикнул спасатель. — Ветка мешает. Спилить надо.

И началось.

— Зачем спиливать такую хорошую ветку?

— На то разрешение необходимо. Дай вам волю, вы тут всё спилите!

— Неужели кота нельзя снять как-нибудь по-другому?

— Да пусть пилят, кому она нужна.

— Пилите, не сомневайтесь.

Пока подъёмник не спеша опускался, один из спасателей достал бензопилу. Клара Наумовна приложила ладони к пылающим щекам:

— Господи, как же они пилить-то будут, это ведь шум какой! Кот до смерти перепугается.

— Он и так не жилец, — повторил тот же спасатель с тем же непроницаемым выражением лица.

И вновь подъёмник загудел, корзина устремилась вверх, спасатель крепко держал в руках бензопилу.

Негодующий Ван Ваныч, стуча по асфальту клюкой, подошёл к долговязому спасателю.

— Молодой человек, можно вас на пару слов?

— В чём дело, папаша?

— Да дело-то вот в чём, — Ван Ваныч кивнул на тополь. — У вас что, других дел нет, раз вы из-за такой ерунды выезжаете? Какую кампанию развернули! Спасатели, телевидение! Ты вот мне скажи откровенно, как на духу скажи, вы после выездов документацию заполняете, нет?

— Заполняем, — ответил, усмехнувшись, спасатель.

— Оно и правильно, в каждом деле важен порядок. А кошек с деревьев часто снимать приходится? — хитро прищурился Ван Ваныч.

— Наша бригада впервые. А вы почему интересуетесь?

— А пытаюсь понять, что же это, так в отчёте и напишете чёрным по белому — снимали с дерева кота?

— А кого нам стесняться или бояться? Так и напишем.

— Вот! Куда катимся?! В документах — и про кошку!

— Не волнуйтесь вы так, папаша. И людям помогаем, и животных в беде не бросаем. Если в следующий раз на дереве окажется вы, обращайтесь — поможем, — пошутил парень.

— Щ-щенок! — прошипел Ван Ваныч, отшатнувшись от него.

В то утро Котом овладело равнодушие.

И оно убивало Кота.

Он кричал, а сам, припав телом к ветке, слышал свой крик будто издалека.

Кот уже не страдал, он был в полузабытьи, поэтому приезд машины спасателей и гомон людей у подъезда воспринял как нечто не заслуживающее внимания.

Внезапно он услышал какой-то неясный гул. Кот лежал на ветке и, не моргая, наблюдал сквозь листву за жёлтой корзиной и находившимся в ней человеком. Корзина погудела и замерла. Затем дёрнулась вперёд, скрипнула и остановилась.

Внезапный звук, страшный, резкий, был похож на взрыв. Кот вскочил, вцепился когтями в ветку, вздыбил шерсть, зарычал.

Спасатель пилил тяжёлую ветку по частям. Кот приготовился к смерти. Ему некуда было деваться, некуда бежать.

Кот посмотрел вниз и подумал, что если сейчас сигануть с дерева, то у него останется шанс на спасение. Пусть маленький, ничтожный, но шанс. Его шанс! И Кот попытался перебраться на соседнюю ветку.

Кот обернулся, мужчина в жёлтой корзине смотрел ему в глаза. Взгляды пересеклись,

и Кот тихо мяукнул. Корзина загудела, двинулась вперёд, ломая тонкие ветки. Мужчина крикнул:

– Куда ты собрался? Не смей.

Кот смотрел на него, всё ещё размышляя: прыгать или нет?

– Я за тобой пришёл. Не дури, – сказал мужчина и улыбнулся. Голос его звучал дружелюбно, и Кот ему поверил.

Между тем корзина почти вплотную приблизилась к стволу. Спасатель шагнул на толстый сук.

– Я ничего тебе не сделаю. Не бойся. Сейчас вместе спустимся, и можешь идти на все четыре стороны. Ну!

Снизу кричали, что надо было захватить с собой переноску, чтобы кот не исцарапал и не исцарапал.

– Слышал? – усмехнулся спасатель. От Кота его отделяло меньше метра. – Все задним умом крепки. Переноску взять! Мы ведь с тобой и без переноски поладим, а? Ты мне веришь? Давай сиди, не двигайся. Замри.

Нагнувшись, мужчина протянул руку. Кот не дрогнул, не дёрнулся, позволил схватить себя за загривок, поднять.

Корзина качнулась, прошла немного по прямой и начала опускаться. Внизу раздался шквал аплодисментов.

...Уже стоя у тополя и по-прежнему прижимая Кота к себе, спасатель лучисто улыбался в камеру.

– Так! Хорошо. Артём, возьми кота крупным планом. Я хочу, чтобы были видны его глазищи. Так! Отлично!

– Я его отпускаю? – спросил спасатель.

– Нет! Не надо! – вскрикнула Клара Наумовна. – Что вы, дайте его мне. У меня поживёт... куда ему сейчас... Он сам не свой.

Майе идея Клары Наумовны пришлась по душе, она попросила Артёма снять Кота на руках у новой хозяйки.

Так и закончилась многодневная пытка. И принесли Кота в квартиру на пятом этаже, опустили на пол, а он – стрелой в комнату и забился под кровать. Клара Наумовна и тарелку с едой туда подсовывала, и миску с водой, но голодный Кот лишь жался к стене, сверкая во тьме янтарно-жёлтыми глазами.

– Оставь его, мать, – сказал Лев Владимирович. – От шока пусть отойдёт. К еде он сейчас не притронется.

– Но он сколько дней не ел, Лёва.

– Пока в себя не придёт, есть не станет.

– Верись, еле на ногах держусь. Перенервничала сильно.

– Верю, мать. Да ты садись. Давай кофе, что ли, попьём. Успокойся, обошлось без потерь. Садись, я кофе сварю.

Кот просидел под кроватью весь вечер и всю ночь. И лишь под утро осмелился выглянуть. Тишина. Дверь в коридор открыта, опасности нет.

Прижимаясь к полу, он чуть ли не попластунски дополз до кухни.

Клара Наумовна оставила ему воды и тарелку жидкой геркулесовой каши. После длительного голодания немного жидкой каши – самое то.

Кот попил, съел кашу. Обошёл кухню и сел у холодильника. Ему ещё не верилось, что под лапами ощутима настоящая твердь, что ветка тополя осталась в прошлом, что теперь ему ничто не угрожает.

Кот ещё раз напился воды, вернулся в комнату и снова залез под кровать.

Глава девятнадцатая

Новости

«Настоящая спасательная операция развернулась во дворе одного из домов на северо-западе города. Поднять тревогу заставил местных жителей бездомный кот, пять суток просидевший на дереве. Обеспокоенные криком голодного животного, жильцы близлежащих домов безуспешно пытались самостоятельно снять кота с дерева, а когда сделать

этого не удалось, обратились за помощью в Службу спасения.

Операция по освобождению кота заняла около получаса; в итоге спасённое животное взяла к себе местная жительница.

По словам спасателей, это не первый случай, когда им приходится выезжать на подобные вызовы.

К другим новостям...»

Телевизор был включён «для фона»; прежде чем разложить гладильную доску, Марина мельком просмотрела программу. Не найдя для себя ничего интересного, решила заняться глажкой, пульт же взяла автоматически – сработала многолетняя привычка включать телевизор, если дома не с кем перебраться парой слов.

На одном из каналов шли новости. И вдруг... «Поднять тревогу заставил местных жителей бездомный кот...».

Марина подняла глаза, взгляд скользнул по экрану. Улыбающийся спасатель держал на руках рыжего кота.

Но вот картинка сменилась: теперь рыжий кот сидел на руках у женщины средних лет. Звучал голос за кадром: «Спасённое животное взяла к себе местная жительница».

Камера сфокусировалась на морде кота. С экрана на Марину смотрели испуганные,

немного поблекшие янтарно-жёлтые глаза... Кота.

Эти глаза, этот розовый нос, длинные усы, уши... Эту рыжую мордашу Марина узнала бы из тысяч. Кот! Ни капли сомнений – он!

– Господи, – она выключила утюг, подбежала к телевизору, словно надеялась снова увидеть Кота, и сквозь слёзы повторяла:

– Кот... Кот!

На экране уже мелькала реклама, перед глазами рябило от ярких цветов, потом всё поплыло. Марина медленно дошла до кресла, села.

Однако состояние отрешённости длилось недолго.. Кот жив! Это главное. И надо действовать...

Какой канал передавал новости? Который час? Будет ли повтор? Как узнать телефон?

Голова кружилась, и Марина никак не могла сосредоточиться. «Взяла к себе местная жительница...»

– Взяла... Не бросила... Значит, он у неё. Дома.

Марина потянулась к телефону...

Регина Васильевна пила в гостиной чай, когда по телевизору заканчивались новости. Взглянув на спасённого кота, она подалась вперёд, сделала громче звук и что было сил закричала:

– Фима! Фима!

Прибежала встревоженная кухарка.

– Фима, я только что видела Рыжего!

– Это какой такой рыжий?

– Наш Рыжий, Фима! Помните его, он жил у нас осенью?!

– Ой, матушки мои, Региночка Васильевна, да уж, поди, помер тот горемыка-то.

Регина Васильевна кивнув на телевизор, пересказала новостной сюжет.

– Обознались никак. Энтих рыжих, да полосатых, да чёрно-белых, да серых, да пёстрых... матушки мои, сколько по улицам шастает – мильён, да ещё штук десять. Вот!

– Нет, Фима, – Регина Васильевна прошла по гостиной. – Это был Рыжий. Точно говорю.

– Не знаю, не знаю... Ежели б вы его сызмала знали, тогда ещё... А то сколько он у нас пробыл-то?... – в глубокой задумчивости Фима присела на подлокотник кресла.

Ещё в одном доме краем глаза смотрели новости.

Анна Ниловна играла в карты с Верой Ивановной.

– Бита! – сказала Вера Ивановна, беря из колоды четыре карты.

– Опять я дурой останусь, – улыбнулась Анна Ниловна.

— Сама виновата, — парировала соседка. — Зачем козырного валета выбросила? Шикова-ла? Вот теперь и останешься.

И тут сидевшая вполоборота к телевизору Анна Ниловна повернула голову и шесть карт, веером расположившиеся в ладони, с лёгким шелестом упали на пол.

— Ты чего, Аня? — испугалась Вера Ивановна.

— Вера, смотри, как на Мальчика похож, — Анна Ниловна подошла ближе к телевизору, нагнулась к экрану. — Да это он и есть, Вера. Мальчик же!

— Снова-здорово! Горбатого могила исправит. Мальчик-девочка... Девочка-мальчик... Совсем помешалась на кошках, прости Господи. У тебя этих мальчиков полный двор, они, паразиты, всё вокруг загадили, а тебе хоть кол на голове теши. Ну, что ты там застыла, Аня?

— А похож как на нашего Мальчика, — виновато сказала Анна Ниловна, вернувшись к столу.

— Похож, да не он! — отрезала Вера Ивановна. — Поднимай карты и ходи. Куда, куда опять с козырей-то, Аня?

— Даже если и не Мальчик, — неуверенно отозвалась Анна Ниловна, — всё равно, ты представь, пять дней на дереве просидел. Жуть какая.

– Жуть, что телевидению делать нечего – в новостях такие глупости показывают. Кошка на дерево залезла – сенсация. Да пусть бы она там хоть сто лет просидела, кому это интересно.

– Ведь и кошки – Божьи создания.

– Аня!

– Да, Вера, да.

Глава двадцатая

Надежда умирает последней

Невыносимо долго тянулось время. Минуло двое суток после выпуска новостей, а казалось – прошла вечность. Лишь в четверг вечером Марине удалось узнать адрес Клары Наумовны.

Конечно, она чувствовала бы себя уверенней, окажись в её блокноте заветные цифры телефона, но увы. Один адрес. Что ж, и то хорошо...

Утром Марина отправилась на другой конец города, боясь поверить, что скоро увидит Кота. Ещё труднее было представить, что можно будет взять его на руки, крепко прижать к себе, поцеловать, а потом отвезти домой.

– Не думай об этом! – приказала себе Марина.

Волной нахлынули воспоминания. Как долго они искали Кота на дачных участках, как верили, что он загулял, заблудился, ушёл дальше, чем следовало, и скоро вернётся.

Время шло, Кот не возвращался. Дениска ревел целыми днями, во сне звал Кота, вскакивал, сбегал по лестнице вниз, будя родителей, крича, что Кот вернулся. Он на крыльце, Дениска слышал, как кто-то царапается в дверь и мяукает. Распахивали дверь, а там непроглядная тьма. Кота не было.

Соседи сочувствовали: одни, как и хозяева, верили – найдётся, другие советовали не питать иллюзий. Марина уже не помнила, кто первым высказал мысль о похищении. Кот красивый, ухоженный, умный; не мог он заплутать, не обошлось здесь без человеческого фактора. И сомневаться нечего – украли Кота!

А раз так, то и рассчитывать на его возвращение не стоит, разве что не приживётся у новых хозяев, затоскует, характер покажет, и выбросят его на улицу. Тогда, возможно, он и начнёт поиски родного дома. Или погибнет. Не приспособлен ведь котёнок к вольной жизни, да и возраст солидный.

В Интернете на различных сайтах поместили объявление с фотографиями Кота. Нашедшим гарантировали щедрое вознаграждение. И стали ждать.

Первый звонок поступил дней через шесть. Звонивший сообщил, что живёт на севере города (далековато от дачи) и два дня подряд видит из окна того самого пропавшего рыжего кота. Правда, в дом он его принести не может из-за новорождённого ребёнка.

Дима выехал незамедлительно. У подъезда его встретил низкорослый худощавый мужчина с бегающими глазками. Он уверял, что рыжий кот ещё час назад сидел на капоте старого жигулёнка.

Начались поиски. Дима звал Кота, мужчина шёл следом.

Однако полчаса спустя пришлось признать — вызов оказался ложным.

Потом позвонила женщина и обрадовалась: рыжий кот находится у неё дома, забрать его можно в любое время. Марина поехала. И опять зря. Рыжий кот действительно был, но с Котом не имел ничего общего.

Звонки продолжались. Кота видели в разных точках города и области; и каждый раз, отправляясь в дорогу, Марина с Димой верили в удачу. Увы! Где только они не побывали за полтора месяца поисков: вместо Кота им норовили отдать рыжую собаку, предлагали кошек, причём не всегда рыжих, и даже котят.

И после каждого звонка ехали, и надеялись, и разочаровывались, и снова надеялись.

Так прошёл июль, пролетел август. Звонки постепенно прекратились.

... Чем ближе Марина подходила к дому Клары Наумовны, тем сильнее её обуревал страх.

Глава двадцать первая

Вольному воля...

Клара Наумовна смотрела на Марину ласково, искренне хотела помочь.

– Напасть какая-то, – она поставила перед Мариной чашку чая. – Ну кто мог подумать! Два дня он от шока отходил, всё к полу прижимался, какой шорох – под кровать прятался. Ел-пил хорошо. Мы с Лёвой – это муж мой – решили котика себе оставить. Старый кот, сколько ему ещё... Вы простите меня, Марина, я не должна так говорить, но...

– Ничего, всё в порядке.

– Вчера днём кричать начал, – продолжала Клара Наумовна. – От двери не отходил. На меня смотрит, а в глазах слёзы. Муж сказал, надо выпустить, не мучить... Я кота за дом отнесла, там не так многолюдно, поспокойнее. Он, как с рук спрыгнул, так и побежал, не оглядываясь. Но если бы знать, Мариночка, если бы знать... Что бы вам на день раньше, вчера утром, приехать.

– Раньше не могла узнать адрес, – безучастно отозвалась Марина, практически утратив восприимчивость к происходящему.

– Вот и ещё одна, тоже поздно приехала. Вечером, – оживилась Клара Наумовна. – Как и вы, нашла меня через Майю. Ваш Кот жил у неё осенью. За городом. Поискали мы его, конечно, обошли тут всё – нет нигде. Она свои координаты оставила – на случай, если котик на глаза попадётся.

– Дайте мне, пожалуйста, телефон той женщины, – попросила Марина.

Уехать сразу означало предать Кота. Часа полтора Марина обходила близлежащие дворы, пробиралась через густые заросли кустарников, заглядывала в подвалы, обращалась к местным старухам, молодым мамам и случайным прохожим, звала Кота. Пару раз замечала рыжих кошек – чужих, но на мгновение в душе всё переворачивалось.

В машине Марина достала из кармана клочок тетрадного листа с телефоном незнакомой ей Регины Васильевны Щварц.

Они сидели в гостиной и молчали. Далеко не всё ещё было сказано, многое вспоминалось, с трудом вытаскивалось из глубин памяти.

Поцокивая коготками, в гостиную вбежала Татка. Пуделиха остановилась возле Марины, осторожно упёрлась передними лапами в подлокотник, обнюхала руки гостыи.

– Сколько ей? – спросила Марина.

– Много, – улыбнулась Регина Васильевна. – Слишком много для полноценной жизни.

Татка подняла глаза на хозяйку. И вздохнула, будто поняла каждое слово.

И тут в комнату влетела вертлявая белоснежная болонка Пенка, новый член семьи Шварцев. Она подбежала к пуделихе, звонко и пронзительно залаяла и устремилась обратно в холл.

Ефимия Ивановна принесла кофе, вазочку конфет и печенье.

– Значит, вы и есть хозяйка Рыжего? – спросила она Марину, тепло улыбнувшись.

Марина кивнула.

– Пейте кофе, не стесняйтесь. А я покажу вам фотографии Рыжего, – сказала Регина Васильевна и открыла ноутбук.

Фотографий было много, каждую Марина жадно рассматривала.

– Это он на дереве, – говорила Регина Васильевна. – Наше первое знакомство у зоомагазина. Рыжий пленил меня сразу... Какой красавец.

Марина безучастно молчала.

– А это после бани, на следующий день.

Марина молчала.

– А вот Рыжий с Таткой. Рамзес на заднем плане сидит. Они с ним не особо ладили, держали нейтралитет, так сказать.

Прошёл час. Фотографии были просмотрены, ноутбук выключен.

– Если хотите, я перешлю вам фотографии, – предложила Регина Васильевна. – Оставьте свой электронный адрес.

– Конечно, – ответила Марина и не сдержалась – расплакалась.

– Не надо, Марина, всё образуется. Найдётся Рыжий... Вернее, Кот. Вот увидите. Главное – жив. Подумайте только, какое состояние преодолел, сколько месяцев шёл. Он дом свой ищет. И найдёт, Марина. Он уже на правильном пути, вы сами сказали, Клара Наумовна живёт не так далеко от вас.

– Спасибо вам, Регина Васильевна. За всё спасибо! Вы... Такие люди, как вы и Клара Наумовна, – редкость. Не каждый бы помог... а вы... У вас в доме живут старые животные, вы обеспечиваете им счастливую старость, вы дали счастье и нашему Коту. А могли бы пройти мимо... Но не прошли...

– Марина, успокойтесь.

Но Марине нужно было выговориться, выплакаться, высказать то, что копилось в душе долгие месяцы.

— Я раньше думала, что люблю животных, а ведь на самом деле я к ним равнодушна, Регина Васильевна. Да, равнодушна. Подумайте, мне на улице встречается кошка, но у меня даже мысли не возникает её накормить, погладить, Да что там... Я и близко не подхожу, брезгую, наверное... А вы вот не прошли мимо нашего Кота, и Клара Наумовна тоже... — Марина не договорила, слёзы душили её, и стыдно ей было перед Региной Васильевной, и страшно за неведомое настоящее и будущее Кота.

Глава двадцать вторая

Вопреки всему

Никому не нужный Кот бежал по вечернему городу. Он давно должен был признать своё поражение в бессмысленной игре с судьбой, но не сдавался, продолжая путь домой.

Как давно, как долго он странствует!

Утром Кот снова петлял по улицам, прихивался, останавливался, менял курс, приближаясь намного уверенней, чем вчера, к возжеленной цели.

Добежав до автобусной остановки, Кот вскоре миновал продуктовый магазин, аптеку. Затем пересёк спортивную площадку, выскочил на узкую тропку между школой

и детским садом. Ускоряя шаг, добрался до тенистого дворика, заставленного припаркованными вдоль тротуара машинами, и издал звук, похожий на писк новорождённого котёнка.

Кот оказался в том самом дворе, куда стремился на протяжении долгого года.

Кот нашёл свой дом.

Лапы сами привели его к крайнему подъезду. Кот обнюхал металлическую дверь, задрал хвост трубой, тихо мяукнул, словно вернулся домой после недолгой прогулки.

Кот ждал хозяев.

Он был спокоен и умиротворён. А вскоре увидел подошедшего к подъезду Диму. И Дима увидел Кота...

На календаре было первое июня.

Часть Третья СНОВА ЛЕТО

Глава первая

Его кошачье счастье

Оказавшись в квартире, Кот осмотрелся, потоптался в прихожей и направился на кухню. Родной дом, знакомые запахи, привычные вещи – его мир, по которому он так тосковал. Дом! Ещё вчера он казался несбыточной мечтой. Сегодня мечта осуществилась, но Кот измучен, опустошён, внутри всё словно выжжено огнём. Он слишком устал, чтобы радоваться

Сколько раз Кот представлял эту встречу, сколько раз возвращался домой – в снах, в тревожном забытии. И, очнувшись, долго ещё видел лица близких людей, слышал их голоса, чувствовал их запахи.

И вот наконец он дома, рядом стоит Дима, но, похоже, Коту нет до этого дела.

Дима был растерян и удивлён. В какой-то момент ему показалось даже, что рыжий кот вовсе не тот кот, что жил в этой квартире семнадцать лет. Похожий на того, родного, но всё-таки другой. Дима погладил Кота по спине, осторожно взял его на руки, пристально взгляделся в рыжую мордашу.

— Ну, — сказал он тихо, будто боялся, что Кот сейчас исчезнет, — ты это или не ты?

Кот начал вырываться.

— Ты! — уверенно проговорил Дима. — Теперь ты стал таким.

Стал таким... Верно подмечено. Не как прежде, а другим, чужим, незнакомым. Кот стал таким не по собственной воле, его сломали (ломали постепенно, цинично и жестоко), его пытались уничтожить только потому, что он жил и хотел жить дальше; и его уничтожили. Уничтожили домашнего рыжего кота, безобидного доброго кота, превратив его в существо, которому сегодня можно сказать: «Теперь ты стал таким». Таким... Другим, чужим, незнакомым.

...Кот мяукнул, сверкнул глазами, напрягся и уже не так ловко, как раньше, прыгнул на широкий подоконник. Воспоминания нахлынули на него горячей волной, приятным теплом заполнили всё внутри. Кот слов-

но очнулся, поверил, что пришёл конец его страданиям, его страхам, его боли. И долгой разлуке с теми, кого он любил.

Всё это осталось в прошлом, и даже будущее Кота уже не интересовало. Он упивался настоящим и так хотел, чтобы оно длилось вечно.

Дима... Вот же он, стоит и смотрит на Кота. Димка – его хозяин.

Кот тёрся об его колени, лизал ладони, покусывал пальцы, мяукал и всё равно не мог выразить своего восторга.

В прихожей раздался звонок. Пришли Марина с Дениской.

Увидев Дениску, обнюхав его ладошки, лизнув щёки, подбородок, уткнувшись носом в мягкие волосы, Кот задрожал и закрыл глаза.

Марина плакала, Дениска сначала тоже всплакнул, но потом радость встречи взяла верх: мальчик тискал Кота, целовал, прижимал рыжего друга к груди и говорил, что всегда верил в его возвращение.

– Я говорил вам, Кот вернётся, – обратился Дениска к матери. – А ты хотела взять котёнка. Что бы мы сейчас с ним делали, с котёнком? Кот вернулся. Я говорил вам... С котёнком они могли не поладить... Кот вернулся... Он сам нас нашёл. Сам! Он... Кот...

Марина налила из графина воды, залпом выпила, отвернувшись к окну. Да, ей было

неловко и стыдно. Стыдно перед сыном, перед Котом, перед собой. Что скрывать, не верила она в благополучное возвращение Кота, да и Дима не верил, никто не верил, пожалуй, кроме Дениски.

После новогодних праздников Марина предложила взять котёнка, чтобы Дениска чаще улыбался, а в семье появился новый четвероногий друг. Дима согласился, Дениска — ни в какую. Он ждал Кота.

Дениска верил, и Кот верил. Сегодня они встретились.

Для начала Кота пытались расчесать и избавить от колтунов. Он не мог усидеть на месте, вырывался, мурчал, мяукал, а взгляд скользил по дорогим сердцу лицам, стараясь впитать всё то, что за долгий год стёрлось из памяти.

Около одиннадцати удалось выстричь последний колтун, Марина достала с антресолей пластмассовую ванночку, наполнила её тёплой водой и вдруг спохватилась — шампуня-то нет. Выбросили. Как и полотенце Кота. Его выбросили сразу, как только потеряли всякую надежду снова увидеть своего любимца.

И опять волна стыда жарким румянцем коснулась щёк. Марина принесла из комнаты оранжевое полотенце — новое. И достала из шкафчика душистое туалетное мыло.

Кота помыли, завернули в полотенце, и минут двадцать Марине удавалось удерживать оранжевый свёрток на руках. Потом Кот вырвался, и снова начались ласки: мурчание, облизывание ладоней и преданные взгляды.

Далеко за полночь вся семья сидела за столом на кухне, Кот, примостившись в уголке и положив морду на колени Дениске, тихо мурчал. А счастливый Дениска, которому давно полагалось быть в постели, гладил Кота и поглядывал на родителей.

– Утром – первым делом к врачу, – сказала Марина. – Или надо было вечером отвезти, а? Не сообразили.

– Утром отвезём, – успокоил её Дима.

– Смотрите, – Дениска испуганно отпрянул. – У него на подбородке красная капля. Это кровь... Мама, это кровь. Пап...

Дима положил Кота себе на колени.

– Потерпи до утра, Кот. Врачи всё сделают как надо.

Кот мяукнул.

– Это не опасно? – с тревогой спросил отца Дениска.

– Даю слово, через неделю Кот станет здоров как бык.

– Как бык мне не надо, – глухо отозвался Дениска. – Пусть будет просто Котом, только здоровым.

...Спать Кот улёгся на постели Дениса. В ногах. Как и прежде.

В четыре часа утра, едва молочный рассвет робко проник в детскую, Кот, осторожно пройдясь по кровати, спрыгнул на пол.

Глава вторая

Дом, милый дом

Это был самый удобный подоконник из тех, на которых ему приходилось лежать. Кот смотрел в окно, щурясь от удовольствия и наслаждаясь вкусом победы, долгожданной, выстраданной, оттого и такой сладкой победы.

За окном улица, свобода, а он лежит на широком подоконнике, и ничего ему теперь не нужно. Мерно тикают настенные часы в коридоре, на кухне фырчит холодильник, в открытую форточку врываются птичьи голоса, шуршит листва, по небу плывут облака-барашки.

Но нет Коту покоя, точат его смутные сомнения и навевают страх, и что-то упорно шепчет внутренний голос, и мелкая дрожь бежит по телу.

Кот подошёл к миске с водой. Пить не хотелось, он коснулся воды языком, постоял, задумчиво наблюдая за мелкой рябью.

...На кровати тихо посапывал Дениска, откинув лёгкое одеяльце. Кот смотрел на мальчика, покачиваясь от невероятной слабости. Сил сопротивляться ей у него не было. Кот вернулся на кухню, с трудом запрыгнул на подоконник, потоптался на месте, лёг...

Он не испугался внезапной темноты, не запаниковал – ведь он у себя дома, а в соседней комнате спит Дениска, его маленький хозяин... И Марина с Димой рядом... Они – его семья. Он так долго их искал, так долго к ним шёл, так долго жил воспоминаниями о них...

За окном всё так же пели птицы, по небу проплывали облака-барашки, а на широком подоконнике спал старый рыжий кот. Просто Кот. Кот – его имя...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая Скитания Кота

Часть Первая ЛЕТО

Глава первая	<i>Знакомьтесь, просто Кот!</i>	7
Глава вторая	<i>Настоящая семья</i>	13
Глава третья	<i>Дача</i>	19
Глава четвёртая	<i>Ожившие инстинкты</i>	27
Глава пятая	<i>Прогулка</i>	35
Глава шестая	<i>Зая и Олег</i>	39
Глава седьмая	<i>Похищение</i>	45
Глава восьмая	<i>Бессердечность</i>	54
Глава девятая	<i>На улице</i>	58
Глава десятая	<i>Вперёд, только вперёд!</i>	64

Глава одиннадцатая	<i>Анна Ниловна</i> 69
Глава двенадцатая	<i>Расставание</i> 78
Глава тринадцатая	<i>Коммунальная квартира</i> 84
Глава четырнадцатая	<i>Голод не тётка</i> 92
Глава пятнадцатая	<i>Соседи</i> 99
Глава шестнадцатая	<i>Лету конец</i> 106

Часть Вторая ОСЕНЬ

Глава первая	<i>Снова на улице</i> 115
Глава вторая	<i>Осенняя пора</i> 119
Глава третья	<i>Новый дом</i> 125
Глава четвёртая	<i>Татка</i> 132
Глава пятя	<i>Рамзес</i> 138
Глава шестая	<i>Чоли</i> 143
Глава седьмая	<i>Крепкая дружба</i> 150

Глава восьмая	<i>Каждому своё</i>	156
Глава девятая	<i>Старость не радость</i>	161
Глава десятая	<i>Предчувствие</i>	164
Глава одиннадцатая	<i>Прощай, Чоли!</i>	169
Глава двенадцатая	<i>Лес</i>	174
Глава тринадцатая	<i>Встреча со злым человеком</i>	180
Глава четырнадцатая	<i>Мир не без добрых людей</i>	184
Глава пятнадцатая	<i>Возвращение в страшную комнату</i>	191
Глава шестнадцатая	<i>Пират</i>	196
Глава семнадцатая	<i>Весёлые вечера</i>	200
Глава восемнадцатая	<i>Знакомый запах</i>	206
Глава девятнадцатая	<i>Важный вопрос</i>	211
Глава двадцатая	<i>За три дня до Нового года</i>	216
Глава двадцать первая	<i>Уйти в никуда</i>	224

Книга вторая Возвращение Кота

Часть Первая ЗИМА

Глава первая

По снегу 229

Глава вторая

Весёлый праздник 233

Глава третья

Один – добрый, другой – злой 238

Глава четвёртая

Подвал 243

Глава пятая

Найда 247

Глава шестая

Ох уж этот Пятнистый! 252

Глава седьмая

Несчастье 259

Глава восьмая

Рыжий и Белая 263

Глава девятая

Они кому-то помешали 268

Глава десятая

Собачья тоска 277

Глава одиннадцатая

Вдвоём 282

Глава двенадцатая

Заброшенная голубятня 285

Глава тринадцатая

Февральская стужа 289

Часть Вторая
ВЕСНА

Глава первая

Неугомонная Варя 295

Глава вторая

Сарай 301

Глава третья

Ночной переполох 306

Глава четвёртая

На заднем двореике 311

Глава пятая

Такие разные люди 317

Глава шестая

Тоня-Антонина 322

Глава седьмая

У реки 328

Глава восьмая

Плач скрипки 333

Глава девятая

Новые ощущения 336

Глава десятая

Говорящий попугай 340

Глава одиннадцатая

Сватовство 344

Глава двенадцатая

На дереве 347

Глава тринадцатая	<i>Без изменений</i>	349
Глава четырнадцатая	<i>Ночь и день</i>	353
Глава пятнадцатая	<i>Видения-воспоминания</i>	356
Глава шестнадцатая	<i>С мёртвой точки</i>	361
Глава семнадцатая	<i>Спасатели</i>	364
Глава восемнадцатая	<i>Равнодушие</i>	370
Глава девятнадцатая	<i>Новости</i>	373
Глава двадцатая	<i>Надежда умирает последней</i>	378
Глава двадцать первая	<i>Вольному воля...</i>	381
Глава двадцать вторая	<i>Вопреки всему</i>	385

Часть Третья СНОВА ЛЕТО

Глава первая	<i>Его кошачье счастье</i>	387
Глава вторая	<i>Дом, милый дом</i>	392

По вопросам приобретения книг издательства
«Аквилегия-М» обращайтесь по телефонам:

(495) 617-39-60, 589-80-15

akvil@mail.ru

Мы рады вам!

Приглашаем на сайт издательства

www.akvil.net

Юрий Ситников

КОТ

Литературно-художественное издание

Маркировка согласно Федеральному закону

№ 436-ФЗ: 12+

Редактор М.Семёнова

Дизайнер Т.Кудрявцева

Корректор М.Семёнова

Подписано в печать 06.09.16.

Гарнитура «NewtonC». Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Тираж 3000 экз. Зак. № 7282.

Общероссийский классификатор продукции

ОК 005 93. том 2, 953000 книги, брошюры

ЕАС

Изготовлено в России.

ООО Издательство «Аквилегия-М» 109377,

Москва, ул. Академика Скрябина, 5, корп. 2

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

